

УДК 316.75
ББК 71.4(2)
Х21

Серия основана в 2003 году

Перевод с английского Борис Пинскер

Редактор Елена Мохова

Дизайн Анатолий Гусев

The Central Liberal Truth was originally published in English in 2006

This translation is published by arrangement with Oxford University Press

Харрисон Л.

Х21 Главная истина либерализма: Как политика может изменить культуру и спасти ее от самой себя / Пер. с англ.
М.: Новое издательство, 2008. — 282 с. — (Библиотека Фонда «Либеральная миссия»).

ISBN 978-5-98379-110-7

Оказывает ли культурная специфика разных стран влияние на их политическое, социальное и экономическое развитие? Связаны ли культурные традиции и религиозные убеждения с уровнем грамотности и коррупции, продолжительностью жизни и темпами экономического роста? Можно ли «реформировать» культуру — изменить ее фундаментальные особенности с помощью политических инструментов? На эти вопросы отвечает книга социолога Лоуренса Харрисона «Главная истина либерализма», подводящая итоги известному исследовательскому проекту «Культура имеет значение».

УДК 316.75
ББК 71.4(2)

ISBN 978-5-98379-110-7

© 2006 by Lawrence E. Harrison
© Фонд «Либеральная миссия», 2008
© Новое издательство, 2008

Оглавление

От автора	7
Предисловие	9

Главная истина либерализма

Введение	15
1 Загадка Эспаньолы	37
2 Дезагрегирование «культуры»	50
3 Модели и инструменты передачи и изменения культуры	73
4 Религии и прогресс	106
5 Культура в действии. I	142
6 Культура в действии. II	166
7 Модели культурных изменений	189
8 Успех и неудача •	211
9 Заключение: Рекомендации по прогрессивным изменениям культуры	235

Примечания 257 Приложение 270 Указатель 278

От автора

Прежде всего я должен принести благодарность Школе Флетчера в Университете Тафта и особенно ее декану Стивену Босуорту, предоставившему исследовательскому проекту «Культура имеет значение» («Culture matters») идеальный дом для исследований, конференций и создания текстов.

Отдельно следует отметить расторопность и энергию моей помощницы в Школе Флетчера Лупиты Эрвин. На ее плечи легли административные и финансовые задачи, и она — эффективно и с неизменной улыбкой — справилась с мириадами дел, связанных с подготовкой и проведением двух больших конференций. Хочу также отметить помочь Фрэна Паризи в управлении финансовой стороной проекта.

Проект стал возможен благодаря щедрой финансовой поддержке Фонда Смита Ричардсона, Фонда Джона Темплтона, Фонда Доннера, Фонда Сидни Свенсруда, д-ра Джона Темплтона и Макса Телена.

Прочли рукопись и сделали ценные замечания Джакомо Бернарди, Джеймс Фокс, Мариано Грондона, Роберт Хефнер, Джером Каган, Стивен Льюис и Алекс Шэкоу.

Книга очень выиграла оттого, что по ней уверенной и умелой редакторской рукой прошли Джордж Скиалабба из Кембриджа, Массачусетс, и Сара Сафрански из издательства Oxford University Press. Хочу также поблагодарить Джоуллин Аусанку за помощь на стадии прохождения книги через типографию.

Особо отмечу ключевую роль Тома Бартлетта, редактора книг «Культура имеет значение», опубликованной в Basic Books, и «Главная истина либерализма», которая вышла в Oxford University Press. В обоих случаях он был моим критиком и опорой, интеллектуальным противником и другом, и я чрезвычайно ему признателен.

В исследовательском проекте «Культура имеет значение» участвовали около шестидесяти человек, одноименная книга и два сопутствующих сборника статей — результат их работы. Однако книга «Главная истина либерализма» отражает мои собственные

взгляды, с которыми некоторые участники проекта могут быть и не согласны.

Я хочу отметить роль, которую сыграли в моей жизни мои родители, Дэвид Альберт Харрисон и Дженни Левин Харрисон, и мой брат Роберт Артур Харрисон — все они уже много лет как умерли, а также мои бабушки, дедушки и многие другие, которых не стало еще раньше.

Но в самом большом долгу я перед моей женой, Патрицией Крейн Харрисон, которой и посвящена эта книга. Она оставалась для меня постоянным источником поддержки, идей, полезной критики и множества нужнейших вырезок из New York Times. Ее обходительность, обаяние и умение вовремя напомнить о важных вещах были просто неоценимы для успешного осуществления двух больших конференций, состоявшихся в рамках проекта «Культура имеет значение». Однако перед женой я в долгу еще и за то, что намного превосходит и этот проект, и эту книгу. Она подарила мне самые счастливые годы жизни. Она вручила мне и последний дар, показав, как следует встречать смерть: достойно, мужественно и с благоговением. Патриция ушла 9 ноября 2005 года.

Предисловие

С 1962 по 1982 год я был служащим Агентства США по международному развитию (USAID). В течение этих двадцати лет я возглавлял миссии Агентства в пяти латиноамериканских странах: в Доминиканской Республике во время и после революции 1965 года¹, в Коста-Рике в 1969–1971 годах (еще я служил в этой стране в качестве эксперта в 1964–1965-м), я работал в Гватемале (1975–1977), где размещалась региональная миссия по Центральной Америке, на Гаити (1977–1979) и в Никарагуа, куда прибыл в 1979 году, через неделю после захвата власти сандинистами, и где оставался до середины 1981-го. С 1962 по 1963 и с 1971 по 1975 год я работал также в латиноамериканском бюро Агентства в Вашингтоне.

Карьера моя началась в Агентстве в 1962 году, когда президент Кеннеди выступил с инициативой создания «Союза во имя прогресса», призванного помочь Латинской Америке. В то время среди моих коллег было распространено такое мнение: Латинская Америка «не в порядке» потому, что Соединенные Штаты пренебрегают ее потребностями. Любопытно, что и в 1970-х, и в 1980-х годах, как в самой Латинской Америке, так и в академических кругах всего мира, неразвитость региона объясняли теорией зависимости: в Латинской Америке царят бедность, несправедливость и тирания не потому, что Соединенные Штаты игнорируют ее потребности, а потому, что они ее эксплуатируют.

Спустя несколько лет работы в латиноамериканских странах мне стало ясно, что все разговоры об «игнорировании» наивны и высокомерны, и примерно в то же время к подобному выводу пришел Теодор Москозо, координатор «Союза во имя прогресса» и архитектор Федеральной программы по улучшению экономического положения Пуэрто-Рико, начатой в 1942 году. В начале 1960-х на стене его кабинета в Госдепе висело объявление: «Пожалуйста, будьте кратки. Мы и так опоздали на двадцать лет». Позднее он напишет: «Случай Латинской Америки настолько сложен, из него так трудно найти выход, здесь так много горя и опасностей для людей и всего мира, что можно без преувеличений говорить о „муках“». Чем дольше

я живу, тем больше верю: так же как ни один человек не в состоянии спасти другого, если у того нет воли спасти самому, так и ни одна страна, движимая самыми лучшими намерениями, не в силах спасти другую, как бы она ни старалась»².

При этом во мне крепло понимание единства проблем, от которых в той или иной степени страдали все страны, где мне пришлось работать. Среди этих проблем назову неуважение к закону, разнозданность власти, неготовность людей к взаимному сотрудничеству, пассивность при столкновениях с трудностями, отсутствие гражданского сознания, отсутствие взаимного доверия и крайняя эгоистичность в преследовании исключительно личных интересов. Разумеется, такого рода малоприятные проблемы встречаются повсюду, в том числе и в Соединенных Штатах. Но мне представлялось, что в случае Латинской Америки важна *их крайняя острота*. И все они явно имели отношение к неспособности латиноамериканских стран обеспечить своему населению демократию, социальную справедливость и благосостояние.³ Я был убежден, что источником тех проблем, которые принято считать спутниками малоразвитости, является сознание латиноамериканцев.

Я обнаружил, что особенно острые ситуации сложились на Гаити (строго говоря, это не латиноамериканская, а афроамериканская страна). Прожив в ней два года (1977–1979), я прочел книгу венесуэльского писателя Карлоса Рангеля «От благородного дикаря к благородному революционеру» («Del Buen Salvaje al Buen Revolucionario»)³. Автор доказывал, что «несостоятельность» Латинской Америки — это по большей части результат иберийского культурного наследия. В свое время Рангель вызвал ярость в латиноамериканских интеллектуальных и политических кругах, но со временем к сходным выводам пришли многие видные латиноамериканцы, в том числе Октавио Пас, Марио Варгас Льоса, Мариано Грondonа и Карлос Альберто Монтанер.

Книга Рангеля помогла мне выкроистализовать понимание причин латиноамериканских проблем. Следующие два года в Никарагуа, в условиях правления сандинистов, убедили меня в моей правоте. Поэтому я решил оставить дипломатическую службу и заняться наукой. Я написал Сэмюэлю Хантингтону (тогда — директору Центра мировой политики и международных отношений в Гарвардском университете), поскольку был знаком с ним уже несколько лет, и рассказал о своем желании написать книгу о роли культуры в эволюции Латинской Америки. И в результате на три года осел в Центре

международных отношений, работая над тремя книгами: «Малоразвитость — это состояние ума» («Underdevelopment is a state of mind», 1985), «Кто процветает?» («Who prospers?», 1992) и «Панамериканская мечта» («Pan-American dream», 1997). Начиная с книги «Кто процветает?» меня заинтересовала роль культуры — благая или пагубная — в других частях света.

В апреле 1999 года я организовал в Гарварде симпозиум, на котором под эгидой Гарвардской академии международных и региональных исследований и под председательством Сэмюеля Хантингтона собрались ученые, журналисты, политики и чиновники международных организаций помочь в развитии, чтобы обсудить отношения между культурными ценностями и прогрессом. Тезисы гласили: ценности, представления и установки являются ключевым, но игнорируемым фактором понимания эволюции обществ; пренебрежение культурными факторами объясняет мучительно медленное движение к демократии, социальной справедливости и благосостоянию столь многих стран Африки, Латинской Америки, исламского мира и других регионов. Многие участники симпозиума были убеждены, что темпы прогресса можно ускорить, если удастся понять, каким образом культура влияет на поведение людей и обществ и какие силы способствуют изменению культуры.

На последнем заседании симпозиума рассматривался вопрос о том, что можно сделать, чтобы внедрить или усилить ценности и установки, питающие прогресс. Ни один из участников не верил, что культура генетически детерминирована; напротив, все были убеждены, что культура усваивается — передается от поколения к поколению через семью, церковь, школу и другие инструменты социализации⁴. Но было ясно: мы не готовы заняться изменением культуры, так как не знаем, что и как ее подстегивает или тормозит. Мы не понимали в достаточной мере, какие компоненты «культуры» позволяют нам увидеть, как культура влияет на поведение, обеспечивающее прогресс. Участники симпозиума согласились, что культура меняется, но оказались не готовы обсуждать меры, способствующие таким изменениям.

Статьи, представленные на симпозиум, были опубликованы в 2000 году в книге «Культура имеет значение», соредакторами выступили Сэмюэль Хантингтон и я; она имела неожиданный успех. Это открыло нам возможность вернуться к вопросам, ответы на которые мы не нашли на последнем заседании гарвардского симпозиума. К весне 2002 года, через два года после выхода в свет

книги «Культура имеет значение», мы собрали достаточно денег, чтобы приступить к исследовательскому проекту. Он получил такое же название — «Культура имеет значение»; в нем приняли участие более шестидесяти профессионалов со всего мира; среди них преобладали ученые, но приехали также журналисты, политики, бизнесмены и деятели международных организаций помощи развитию. Проект был реализован под эгидой Школы Флетчера при Университете Тафтса⁵.

Таким образом, книга «Главная истина либерализма», куда вошли основные результаты проекта «Культура имеет значение», завершает два с лишним десятилетия исследований роли культурных ценностей, представлений и установок в эволюции обществ и еще два десятилетия практической работы. Цель проекта — разработка рекомендаций по усилению ценностей и установок, питающих прогресс.

Я хочу особенно подчеркнуть: рекомендации, изложенные в последней главе этой книги, могут принести пользу, только когда политические, интеллектуальные и другие общественные лидеры придут к выводу, что ряд традиционных ценностей и установок препятствует созиданию общества, устремленного к демократии, социальной справедливости и благосостоянию. Любые попытки реализовать эти рекомендации извне — силами иностранного правительства или международных организаций помощи развитию — более или менее обречены на провал.

Главная истина либерализма

Патси — снова и всегда

Для консерваторов истина заключается в том, что успех общества зависит не от политики, а от культуры. А для либералов она состоит в том, что политика может изменить культуру и спасти ее от самой себя.

Дэниел Патрик Мойнихен

Введение

Я убежден, что самое удачное географическое положение и самые хорошие законы не могут обеспечить существование конституции вопреки господствующим нравам, в то время как благодаря нравам можно извлечь пользу даже из самых неблагоприятных географических условий и самых скверных законов. Нравы имеют особое значение — вот тот неизменный вывод, к которому постоянно приводят исследования и опыт. Этот вывод представляется мне наиболее важным результатом моих наблюдений, все мои размышления приводят к нему.

•

Алексис де Токвиль. «Демократия в Америке»¹

Ученые, политики и специалисты по развитию предпочитают помалкивать о влиянии культурных ценностей, верований и установок на развитие общества, игнорируя тем самым взгляды де Токвиля, Макса Вебера и наших современников, в том числе Фрэнсиса Фукуямы, Сэмюеля Хантингтона, Дэвида Ландеса, Роберта Патнэма и Лусиена Пая. Экспертам намного удобнее ссыльаться на географические ограничения, недостаточность ресурсов, неудачные политические решения и слабость институтов. Это позволяет им оберегать политическую чувствительность, избегать оскорбительных сопоставлений и болезненных переживаний, неизбежных в тех случаях, когда для объяснения успехов и неудач ссылаются на культуру. Но, обходя ее стороной, эксперты тем самым не только игнорируют существенную часть объяснений того, почему некоторые общества или этнорелигиозные группы достигают большего успеха в плане демократического правления, социальной справедливости и материального процветания. Они игнорируют при этом и саму возможность ускорения прогресса благодаря (1) анализу культурных помех и (2) внесению изменений в культуру.

В развитии общества центральная роль культуры не ограничивается уменьшением бедности и несправедливости в этом

мире. Она является также ключевым фактором внешней политики и особенно существенна для продвижения демократии — краеугольного камня в политике администрации Буша: «Ценности свободы истинны и верны для каждого человека и для каждого общества»². Если культура важна, поскольку лишь она делает демократию жизнеспособной, как настаивает Токвиль и как показывает обескураживающий опыт Соединенных Штатов в деле продвижения демократии (например, в Латинской Америке), то краеугольный камень, вероятнее всего, раскрошится под давлением культуры, к демократии не расположенной, скажем, в арабских странах, ни одна из которых не породила еще стабильного демократического режима.

Без учета роли культуры и/или изменений культуры невозможно ответить на ряд базовых вопросов о факторах развития человечества. Например:

- Почему демократические институты не пустили корни ни в одной арабской стране?
- Почему в конфуцианских обществах Восточной Азии имеет место преобразующий их быстрый экономический рост?
- Почему эмигранты из Восточной Азии повсюду добиваются такого успеха?
- Почему евреи добиваются такого успеха всюду, куда они попадают?
- Что объясняет «чудо» преобразования Испании из традиционного авторитарного общества в современную западноевропейскую демократию?
- Почему скандинавские страны занимают в мире ведущие позиции по большинству показателей прогресса?
- Почему так расходятся пути, по которым следуют Гаити и Доминиканская Республика, делящие между собой один из Карибских островов — Эспаньолу?

Другие факторы также важны

Культура может иметь ключевое значение, но это лишь один из факторов человеческого прогресса. География, включая климат и природные ресурсы, также существенна — не только благодаря прямому влиянию на экономическое развитие, но и в силу влияния на культуру. Джаред Дайамонд в своем бестселлере «Пушки, микробы и сталь» убедительно продемонстрировал важнейшую

роль окружающей среды, однако оставил место и культуре: «Среди других факторов, [объясняющих, почему некоторые общества развивались быстрее других], культура... выглядит решающим... Культурные особенности человеческих сообществ очень разнообразны. Некоторые из них, вне сомнения, отражают влияние среды обитания... Нас интересует вопрос о возможной роли локальных культурных отличий, не связанных с природной средой. В силу незначительных, локальных, временных причин могут возникнуть некие культурные особенности, которые, прижившись, способны склонить общество к более судьбоносным выборам в сфере культуры»³.

Холодный климат заставляет людей заботиться о будущем, чтобы пережить зиму, тогда как живущие в тропиках не знают подобных проблем, — данное обстоятельство непременно следует учитывать, отвечая на вопрос, почему именно в тропиках расположены беднейшие страны земли. И его же нужно принимать в расчет при объяснении того, почему более теплые районы некоторых стран — скажем, юг Италии, юг Испании и юг Соединенных Штатов — беднее, чем северные районы этих стран.

Глубокое влияние на темп и направление развития могут оказывать также идеология и правительенная политика, ориентированные на большую или меньшую демократию и социальную справедливость, создание или разрушение условий для устойчивого быстрого роста экономики. В отличие от ситуации в Италии, Испании и Соединенных Штатах северная часть Кореи бедна, а южная — богата. Так произошло исключительно потому, что в Северной Корее идеология и вытекающая из нее политика враждебны экономическому развитию и политическому плюрализму, а идеология и политика Южной Кореи, наоборот, оказались благоприятными для экономического развития, которое, в свой черед, стало важнейшим фактором укрепления демократии. Это тот случай, когда идеология и экономическая политика сыграли куда более важную роль, чем культура. Но даже в подобных случаях культура важна. Северокорейская авторитарная система правления отчасти является продуктом того авторитарного течения в конфуцианстве, которое породило в Китае авторитатический режим Мао Цзэдуна, его предшественников и преемников, а в Сингапуре — прогрессивный авторитаризм Ли Куан Ю. И, как мы увидим, было несколько стран, где идеологические сдвиги и перевороты сыграли в культурных изменениях ключевую роль.

Ключевую роль могут сыграть и политические лидеры, обладающие видением лучшего общества. Лидеры реставрации Мэйдзи в Японии во второй половине XIX века, Мустафа Кемаль в Турции после Первой мировой войны и Франклин Рузвельт в Соединенных Штатах в 1930–1940-х годах — все они провели преобразующие изменения, причем не только в экономике и политике, но и в области культуры. Сравнительно недавний пример — это ключевая роль Михаила Горбачева в распаде Советской империи и в продвижении России — в чем-то быстрым, в чем-то медленном — к демократическому капитализму.

Я мимоходом заметил, что в каждом из этих случаев новые лидеры приходили к власти в ситуации национального кризиса, что подтверждает наблюдение Сэмюеля Хантингтона: «Общественные системы способны менять свои культурные установки, реагируя на значительные потрясения»⁴. Соответствующие кризисы: прибытие в 1853 году в Токийский залив флотилии коммодора Перри заставило японцев осознать свою техническую отсталость и уязвимость; в результате поражения в Первой мировой войне Оттоманская империя рухнула; коммунизм не смог обеспечить процветания, и начали множиться доказательства того, что Запад выигрывает «холодную войну».

Однако в целом остается верным написанное мною двадцать лет назад в книге «Малоразвитость — это состояние ума»: «Культурное окружение существенным образом влияет на процесс, посредством которого лидеры занимают свои позиции; на приоритеты, в соответствии с которыми они формируют политику; на людей, институты и практики, используемые ими для реализации этой политики»⁵, — не говоря уже о влиянии культуры на самих лидеров.

Успех может породить культурные изменения, замедляющие темп экономического роста. Так обстояло дело в Японии в 1990-х и в первые годы XXI века; это же верно для ряда европейских стран, что продемонстрировал переход Франции к 35-часовой рабочей неделе. Как заметила недавно *New York Times*, в Норвегии «основы трудовой этики» рушатся из-за зажиточности страны⁶. В связи с этим можно вспомнить предложенный Рональдом Инглхартом анализ постиндустриальной культуры: «Достигнув высокого уровня экономической обеспеченности, население стран, первыми прошедших индустриализацию, постепенно начало особо выделять... ценности, [не имеющие отношения к богатству]; эти

группы поставили на первое место качество жизни, а не экономический рост»⁷. Мне вспоминается первый роман Томаса Манна о Будденбоках, торговой династии из стариинного города на севере Германии: семья теряет состояние потому, что ее третье и четвертое поколения утратили всякий интерес к бизнесу. Можно вспомнить и китайскую пословицу о трех поколениях семьи: из лохмотьев к богатству и к разорению.

Вышесказанное не содержит полного перечня внекультурных факторов, влияющих на развитие общества. Здесь упомянуты самые существенные, и некоторые из них (скажем, идеология в Северной Корее и Восточной Германии) способны подмять культуру под себя. Культура тоже стоит в ряду существенных факторов. Однако во многих случаях она оказывается фактором решающим.

«Империализм», «колониализм» и «зависимость»

После публикации книги «Культура имеет значение», которая несколько лет была настоящим бестселлером в книжном магазине Всемирного банка, я выступал там на конференции, посвященной борьбе с бедностью. Когда я завершил выступление, на меня напустилась с критикой женщина из Южной Африки: мол, я «возлагаю вину на тех, кто оказался жертвой». В предыдущие два десятилетия я много раз слышал это обвинение. Его смысл в том, что проблемы стран третьего мира — «развивающихся» или «неразвитых» стран Африки, Азии и Латинской Америки — являются следствием безответственной, жестокой их эксплуатации колониальными державами (в случае Африки и Азии) или разрушительного поведения «американского империализма» (в случае Латинской Америки). Эта идея составляет самую суть теории зависимости, которая служила главным объяснением неразвитости Латинской Америки в университетах всего мира в 1970–1980-х годах и до сих пор в ходу в некоторых латиноамериканских университетах. Какие-то колониальные режимы, скажем режим правления в Бельгийском Конго, несомненно, заслуживают того, чтобы их поносили как «колониализм». Но в других случаях чистый результат сложения положительных и отрицательных аспектов колониализма скорее имеет плюсовое значение. Я разделяю суждение нобелевского лауреата, экономиста сэра Артура Льюиса, чернокожего с Карибского острова Санта-Лючия (Британская Вест-Индия): «Лучшие империи много сделали для счастья человечества; они установили мир на обширных территориях, построили дороги, улучшили здравоохранение, дали толчок

торговле, принесли с собой более совершенную систему права, новые технические знания и т.п. Тогда как худшие империи принесли с собой грабеж, массовую резню и рабство»⁸.

Что касается Латинской Америки, главным символом американского империализма и «безжалостного»⁹ поведения янки и американских компаний служила United Fruit. Но, как мы увидим в главе 6, эта компания была полезна тем странам, где она обосновалась, и не только в экономическом плане: United Fruit способствовала прогрессивным изменениям культуры.

Вставать в позу «жертвы», даже если для этого имеются основания в историческом прошлом, — дело заведомо проигрышное, особенно когда «обидчика» давно и след простыл, как в случае бывших колоний, наслаждающихся независимостью уже почти полвека (как многие африканские страны) или больше (если иметь в виду Индию и Пакистан). Жертва может надеяться только на компенсацию со стороны обидчика. Лусиен Пай считает, что теория зависимости «унижает и вводит в состояние безысходности»¹⁰. Стоит процитировать и слова Бернарда Льюиса: «Когда люди приходят к пониманию, что все идет не так, они могут задать себе два вопроса: „Что мы сделали не так?“ и „Кто виноват?“. Второй вопрос ведет к теориям заговора и паранойе. Первый вопрос ведет в другом направлении: „Как нам это поправить?“»¹¹ Дэвид Ландес дополняет: «Латинская Америка во второй половине XX века выбрала доктрину „зависимости“ и паранойю. Япония же столетием раньше задалась вопросом: „Каким образом можно исправить ситуацию?“»¹²

Определение «культуры»

Что мы понимаем под «культурой»? Как отмечено в недавнем исследовании Всемирного банка, «есть мириады определений»¹³. Обычно говорят о «народной культуре», которая, помимо всего прочего, включает пищу, развлечения и покрой одежды. В связи с этим понятием вспоминаются также литература, искусство, музыка — «высокая» культура. Но для наших целей культура — это совокупность ценностей, представлений и установок, разделяемых членами общества; это ценности, представления и установки, которые сформированы преимущественно окружающей средой, религией и превратностями истории и которые передаются от поколения к поколению посредством воспитания детей, религиозных практик, системы образования, средств массовой информации и отношений между сверстниками. Эти ценности, представления и установки объе-

динены в 25-факторную типологию обществ — ориентированных на прогресс и противящихся прогрессу (ей посвящена глава 2).

Культура находится под сильным влиянием религии, и обсуждаемые в этой книге культуры мы обобщенно определяем по преобладающей религии или моральному кодексу: протестантские культуры, католические, православные, иудейские, исламские, конфуцианские, индуистские и буддистские. Их отчасти можно сопоставить с «цивилизациями», которые Сэмюэль Хантингтон анализирует в работе «Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка», хотя он объединяет европейские протестантские и католические страны, а также страны англосаксонской культуры (Соединенные Штаты, Канаду, Австралию и Новую Зеландию) в одну группу — «Запад»¹⁴. Однако наш анализ не останавливается на этих общих категориях; он направлен на входящие в «цивилизации» отдельные страны и даже на отдельные провинции, города и этнические группы внутри этих стран.

От поколения к поколению культура набирает мощную инерцию движения, но она поддается изменениям. Установки и представления более подвержены изменениям, нежели ценности; это можно проиллюстрировать произошедшим в Соединенных Штатах в последние несколько десятилетий изменением межрасовых отношений и не столь уж необычными сдвигами в политических представлениях или идеологиях, когда популярной делается то одна, то другая партия. Ценности, с другой стороны, — это фундамент культуры, и меняются они медленнее, чем представления и установки. Примером служит центральная для конфуцианства ценность — почтительное отношение к старшим: ребенок обязан чтить, уважать и слушаться отца. Правда, в Японии, Южной Корее, Гонконге, Сингапуре, а теперь и в самом Китае даже эту фундаментальную ценность пошатнула быстрая модернизация.

Каким образом культура влияет на развитие обществ? Культуру можно представить как верхний слой, покрывающий единую человеческую природу. Этот верхний слой позволяет объяснить многие поведенческие различия, которые отражаются в расходящихся путях политической, социальной и экономической эволюции обществ, например Западной Европы и арабских стран¹⁵. Здесь существенно наблюдение из известного «Доклада о положении человека в арабском мире (2002)», подготовленного по заказу Программы развития ООН и Арабского фонда экономического и социального развития:

Культура и ценности — это душа развития. Они дают ему побудительный импульс, доставляют средства, необходимые для его продолжения, и существенным образом определяют то, как люди видят его задачи и цели. Культура и ценности инструментальны в том смысле, что участвуют в формировании надежд, страхов, притязаний, установок и действий людей, но одновременно они же придают определенность людским идеалам и возбуждают в них мечты о совершенствовании жизни ради самих себя и будущих поколений. В арабском мире идет спор о том, способствуют ли культура и ценности развитию или замедляют его. В конечном итоге, однако, ценности — это не служанки развития, а его источник.

Правительства — в арабских и других странах — не могут предписать своему народу некие ценности; на самом деле сами правительства и все, что они делают, несут на себе отпечаток национальной культуры и ценностей. Правительства могут, однако, воздействовать на культуру, осуществляя руководящую роль и давая пример, оказывая влияние на образование и педагогику, на действующую в обществе систему стимулов и на использование медиа. Более того, влияя на ценности, они могут воздействовать на путь развития¹⁶.

На протяжении всей книги я буду высказывать общие суждения о культурах и религиях. Без этого не обойтись, если стремишься к углубленному пониманию того, что образует «культуру», каково ее влияние на поведение и каким образом можно ее изменить. Но при этом следует помнить: культуры неоднородны, во всех культурах присутствуют, по словам Роберта Хефнера, «внутренний плюрализм, разнообразие или соперничающие „течения“»¹⁷. Более того, всем культурам присущи индивидуальные вариации: в культурах, противящихся прогрессу, всегда найдутся люди, тяготеющие к прогрессу, и наоборот. Тем не менее такие работы, как проделанный Гиртом Хофтедом сравнительный анализ культурных различий в разбросанных по всему миру отделениях корпорации IBM¹⁸, и отчеты Мировой службы ценностей (World Values Survey), которая изучает ценности и следит за их изменением примерно в 65 странах, убедительно свидетельствуют: можно осмысленно говорить и делать обоснованные и полезные обобщения относительно систем ценностей, представлений и установок разных народов и даже «цивилизаций».

Определение «прогресса»

Любая попытка определить «прогресс» почти заведомо вступит в противоречие со взглядами людей, исповедующих культурный релятивизм, т.е. теорию, согласно которой культуры не лучше и не хуже одна другой — все они просто разные, а каждое общество или культура должны сами определять собственные идеи о том, что есть «истина, добро, красота и практическая польза»¹⁹. Культурный релятивизм подвигнул Американскую антропологическую ассоциацию к протесту против принятой ООН в 1948 году Всеобщей декларации прав человека, которая была отвергнута как этноцентрическая и навязывающая взгляды Запада всему остальному миру²⁰. Тем не менее сегодня Декларация дает нам определение прогресса, по существу принимаемое далеко за пределами «Запада»:

- Право на жизнь, свободу и личную безопасность.
- Равенство перед законом.
- Свобода мысли, совести и вероисповедания.
- Право участвовать в... управлении... напрямую или через выбранных представителей.
- [Право гарантировать, что] воля народа [является] основой власти правительства.
- Право на [достаточный] уровень жизни.
- [Право на] соответствующую медицинскую помощь и необходимое социальное обеспечение.
- Право на образование.

Никто не сможет доказать, что Декларация ООН носит поистине «всеобщий» характер. Конечно, существуют люди и целые группы, не принимающие те или иные составляющие прогресса. Однако большинство живущих на земле, несомненно, согласятся со следующими утверждениями — своего рода парафразами положений Декларации:

Лучше быть живым, чем мертвым.

Лучше быть здоровым, чем больным.

Свобода лучше рабства.

Лучше быть богатым, чем бедным.

Лучше быть образованным, чем невежественным.

Справедливость лучше несправедливости.

Противоположные взгляды

Выше, в связи с разговором о прогрессе, я упомянул о том, что некоторые антропологи не приемлют тезис о значимости культуры на том основании, что «прогресс» и «развитие» — это западные идеи,

которые навязываются всему миру, как это было с принятой ООН Всеобщей декларацией прав человека.

Ричард Шведер, антрополог из Чикагского университета, выразил эти взгляды в своем эссе «Моральные карты, уловки “первого мира” и новые евангелисты». Шведер считает себя «культурным плюралистом». Я верю, говорит он,

в «универсализм», но в такой универсализм, который не допускает единообразия. Именно это позволяет мне считать себя плюралистом. Иначе говоря, я полагаю, что универсальные ценности действительно существуют, но их довольно много (например, справедливость, милосердие, независимость, жертвенность, свобода, верность, праведность, долг)... Мне кажется, что все хорошее в нашей жизни нельзя максимизировать одновременно. И поэтому, когда дело доходит до выбора подлинных ценностей, всегда имеет место своеобразный торг. Именно по этой причине в мире существуют различные ценностные системы (или культуры), и как раз поэтому ни одна культурная традиция не в состоянии восславить все блага жизни сразу²¹.

Шведер продолжает:

На протяжении всей человеческой истории наиболее богатые и технологически развитые народы считали свой образ жизни наилучшим, самым естественным, божоданным, открывающим самый надежный путь к спасению души или по меньшей мере к достижению благополучия в земной жизни... Ослепленные своими нынешними затеями и игрушками (среди которых CNN, IBM, бигмак, джинсы, противозачаточные средства, кредитные карточки), мы поддаемся тем же иллюзиям и тому же самообману²².

Шведер не согласен с «радикальными релятивистами», с теми, кто верит, что «развивается абсолютно все»²³. Но совершенно ясно: его разновидность культурного плюрализма близка к радикальному релятивизму, или к тому, что канадский социолог Рода Ховард называет «культурным абсолютизмом, — к философской позиции, провозглашающей, что культура общества является высшей мо-

ральной ценностью. Он провозглашает, что этноцентрическая или националистическая приверженность собственным культурным нормам является этически корректной для всех, кроме, условно говоря, „западных людей“²⁴. Шведер открыто выступает в поддержку женского обрезания как подлинной национальной традиции. В лекции, прочитанной им несколько лет назад на острове Мартас-Виньярд, он описал, с какой серьезностью и ожиданием относятся девочки к предстоящему обрезанию, «потому что через это когда-то прошли их мамы и бабушки»²⁵.

В примечании к своей главе в сборнике «Культура имеет значение» Шведер счел нужным сообщить:

Среди множества восхитительных замечаний, сделанных на конференции [в Гарварде в 1999 году], было несколько «туземных», прозвучавших из уст космополитических интеллектуалов из Африки и Латинской Америки. Эти представители третьего мира играли роль раздраженных «инсайдеров», выступивших здесь свидетелями крайнего обнищания их родных культур, рассказавших нам о том, как все плохо в их родных странах... Для большинства мотающихся по миру менеджеров международных компаний, в том числе для космополитических интеллектуалов из третьего мира, план поездок значит больше, чем происхождение... В конце концов, чей голос ближе «к туземцам»? Голос получившего «западное образование» доктора наук из Дакара или Дели, который смотрит на собственную культурную традицию сверху вниз, а в Соединенных Штатах ищет интеллектуального и нравственного руководства и материальной помощи? Или голос «западного» ученого, который годы провел в экспедициях в сельских районах Африки или Азии, а потому понимает и ценит традиции «других»?²⁶

Камерунский экономист, также автор одной из статей в сборнике «Культура имеет значение», озаглавленной «Нуждается ли Африка в программе коррекции культуры?»²⁷, ответил на это так:

Будучи «раздраженным инсайдером» и «космополитическим интеллектуалом» из Африки, я... не без робости... берусь прокомментировать слова Ричарда Шведера.

В конце концов, я отвечаю западному ученому, который считает себя большим «туземцем», чем я, потому что он «годы провел в экспедициях в сельских районах [третьего мира]».

Я должен признаться, что, вопреки собственным ожиданиям, не сумел получить «интеллектуального и нравственного руководства и материальной помощи» на этом Гарвардском симпозиуме, поэтому намерен сказать правду. Нам, африканцам, действительно нравится жить в трущобах, где нет в достатке пищи, медицинской помощи и образования для наших детей. Более того, наша политическая система, возглавляемая коррумпированными вождями племен, — это нечто достойное восхищения, поскольку она позволила странам вроде Заира при Мобуту завоевать международный престиж и всеобщее уважение.

Более того, было бы действительно страшно скучно, если бы по всей Африке удалось организовать свободные и демократические выборы. Если бы такое случилось, мы перестали бы быть настоящими африканцами и утратили бы всякую самобытность — наш авторитаризм, наши кровавые гражданские войны, нашу безграмотность и сорокапятилетнюю продолжительность жизни; мы бы разочаровались в себе и уронили бы себя в глазах тех западных антропологов, которые с таким сочувствием изучают нас, понимая, что от нас не следует ожидать такого же поведения, как у всех других людей, которые стремятся к достойной жизни... Мы — африканцы и должны быть самобытными.

Поэтому давайте бороться за это, опираясь на поддержку тех западных ученых, которым хватает мудрости и отваги признать, что африканцы принадлежат к другому миру²⁸.

Утверждение «культура имеет значение» ставит в затруднительное положение многих экономистов. Как написал в рецензии на мою книгу «Кто процветает?» бывший экономист Всемирного банка Уильям Истерли, автор книги «В поисках роста», «возможно, многое еще может быть сказано в пользу старомодного взгляда экономистов, что люди повсюду одинаковы и потому реагируют на соответствующие экономические возможности и стимулы»²⁹.

В своем подходе Истерли игнорирует тот факт, что в странах, отличающихся пестротой культур, где для всех открыты равные экономические возможности и действуют одинаковые экономические стимулы, некоторые этнические или культурные меньшинства достигают намного большего, чем основная часть населения, как мы наблюдаем в случае с китайским меньшинством в Индонезии, на Филиппинах и в Таиланде — словом, всюду, где есть китайские общины, в том числе в Соединенных Штатах. Почему «Вашингтонский консенсус», предписывающий меры перехода к демократическому капитализму, превосходно сработал в Индии и плохо — в Латинской Америке (за исключением Чили)³⁰, где зато прекрасно себя чувствует социализм и даже, в случае Венесуэлы, социализм авторитарного толка? Вероятно, не все можно объяснить культурными факторами, но они, безусловно, имеют значение.

В своей недавней книге «Конец бедности» экономист Джейфри Сакс напустился на утверждение, что культура имеет значение:

Многие принимают за данность, что бедность и богатство — это просто отражение социальных ценностей. В одном недавнем исследовании [эссе Даниэля Этунга-Мангуэля в сборнике «Культура имеет значение»] бедность Африки объясняется отвращением к труду, иррациональностью и подавлением индивидуализма; в другом исследовании [«Американская мечта» Лайонела Соса, которую цитирует Сэмюэль Хантингтон в работе «Кто мы?»³¹], главными препятствиями для вертикальной мобильности американцев мексиканского происхождения названы «смирение бедных [с бедностью]», «отсутствие интереса к обучению» и «недоверие ко всем, кто не входит в круг семьи». У идеи, что целые общества обречены на бедность только в силу своих ценностей, давняя история, но она редко бывает полезной³².

Однако в этой же книге Сакс ранее говорит:

Даже когда правительства пытаются обеспечить движение своих стран вперед, культурная среда способна стать препятствием в развитии. Действующие в обществе культурные или религиозные нормы могут заблокировать, например, возможности женщин, и тогда половина населения

останется лишенной экономических или политических прав... Сходные культурные барьеры могут помешать определенным группам получить доступ к таким общественным услугам, как обучение в школе, здравоохранение или профессиональное обучение... Культурные факторы могут стать причиной сохранения бедности в условиях роста³³.

Внутреннее противоречие в построении Сакса, подмеченное в рецензии на его книгу в New York Times, отражает его давнишнюю двойственность в вопросе о значимости культуры³⁴. До участия в 1999 году в Гарвардском симпозиуме «Культура имеет значение» он придерживался того взгляда, что культура является одним из факторов, влияющих на экономические показатели. Однако на симпозиуме он представил доклад («Заметки о новой социологии экономического развития» — глава 3 в сборнике «Культура имеет значение»), где роль культуры отрицается. Позже, в 2001 году, в ходе дебатов со мной в Совете по международным отношениям в Нью-Йорке, Сакс неохотно согласился, что культура, вероятно, сыграла свою роль в экономическом крахе России*. А в следующем году, выступая перед моими студентами в Школе Флетчера, он признал, что культура сыграла роль в зловещей истории Гаити (см. главу 1).

Нежелание многих экономистов учитывать факторы культуры отчасти отражает трудность их квантификации и выявления четкой структуры причинно-следственных связей. Афоризм Мойнихена подчеркивает сложности, возникающие при попытке учесть роль культуры: главная истина консерватизма гласит, что культура — это причина национального успеха (или неудачи); а либеральная истина состоит в том, что все определяется политикой и политиками. В книге «Чтобы демократия сработала» Роберт Патнэм возводит истоки сегодняшнего прогресса итальянского севера и отсталости итальянского юга к возникновению коммун на севере и к авторитарному правлению норманнов на юге — все это происходило почти тысячу лет назад³⁵.

Но когда речь идет о более коротких временных промежутках, культура испытывает влияние других многочисленных факто-

Председатель Федеральной резервной системы Аллан Гринспен несколько лет назад сказал, что привык думать, будто капитализм «соприроден человеку». Но после краха экономики России он пришел к выводу, что «дело здесь не в природе человека, а в культуре».

ров, в том числе таких, как политические лидеры, политика, экономические силы, общественные движения (вроде того, что шло за Мартином Лютером Кингом), средства массовой информации и книги. О ключевой роли последнего фактора свидетельствует история книги уругвайского писателя Хосе Энрике Родо «Ариэль»³⁶. В этом произведении, впервые опубликованном в 1900 году, представлены два персонажа из пьесы Шекспира «Буря», аллегорически представляющие Латинскую Америку и Соединенные Штаты: миловидный, одухотворенный, артистичный, нравственный Ариэль противопоставлен безобразному, вульгарному, прагматичному, жадному до денег Калибану. «Ариэль», выходивший миллионными тиражами, до сих пор популярен в Латинской Америке — спустя 105 лет после первой публикации. Эта книга эффективно поддерживает антикапиталистические ценности и антиамериканские установки поколений латиноамериканских интеллектуалов.

Я надеюсь, что факты и анализ, приведенные в этой книге и в двух сопровождающих ее сборниках эссе, посвященных влиянию культуры («Развивающиеся культуры: эссе о культурных изменениях» [«Developing cultures: Essays on cultural change»] и «Развивающиеся культуры: исследование конкретных примеров» [«Developing cultures: case studies»], оба вышли в издательстве Routledge), окажутся убедительными для тех экономистов, которые сомневаются в полезности культурного анализа. Среди авторов второго сборника четыре экономиста: Джеймс Фокс (помощь развитию и изменению культуры в «Эссе о культурных изменениях»); Дэвид Ходжман (Чили), Стив Льюис (Ботсвана) и Йошихара Кунио (Япония). Экономистами являются и члены консультативного совета проекта «Культура имеет значение»: Моррис Альтман, Роберт Ходам и Тимур Куран.

В своей книге «Азия на душу населения» Йошихара выделяет следующие связи между культурой и экономическим развитием³⁷:

- Культура определяет структуру личных предпочтений.
- Культура оказывает существенное влияние на отношение людей к общественному порядку и к нравственности правительственные чиновников.
- Культура воздействует на институты, поскольку она формирует идеологический фундамент политики и законодательства.
- Стратегия устойчивого экономического роста требует соответствующей культурной политики³⁸.

Панацея: план Маршалла

В предыдущие полстолетия стандартные стратегии экономического развития, предлагавшиеся организациями вроде Всемирного банка и учеными, акцентировали рыночные стимулы, торговлю и инвестиции, конкурентоспособность, трудоемкие производства, рост производительности в сельском хозяйстве, развитие соответствующих технологий, строительство институтов, развитие систем здравоохранения и образования, развитие инфраструктуры и т.п. Следование этим рекомендациям обычно давало положительные результаты, но редко порождало преобразующие темпы экономического роста. Джейфри Сакс и другие критики, винят богатые страны в том, что те скромно дают деньги на помощь развитию; особенно это касается Соединенных Штатов, которые со временем плана Маршалла выделяют на иностранную помощь все меньшую долю ВВП. Сакс напоминает нам: богатым странам было рекомендовано выделять на помощь развитию 0,7% ВВП в год, а США в 2004 году выделили на эти цели всего около 15 млрд долларов, или 0,14% ВВП*. (При 0,7% в качестве помощи было бы передано 75 млрд долларов³⁹.) Сакс верит, что, если удвоить объем помощи бедным странам, удалось бы наполовину сократить крайнюю бедность.

В последние десятилетия после каждого серьезного международного кризиса (в странах Латинской Америки, например, в 1980-х годах, в Афганистане — в 2001-м, в Ираке — в 2003-м) эксперты начинали призывать к «новому плану Маршалла», чтобы ускорить темп развития. При этом они исходили из того, что увеличение объема иностранной помощи обеспечит проведение экономических преобразований, которые до сих пор не давались самим бедным странам мира⁴⁰. В рамках плана Маршалла, трехлетней программы помощи, начатой в 1948 году, Соединенные Штаты представили 17 европейским странам продуктов питания, техники, сырья и всего прочего, необходимого для восстановления разрушенного хозяйства, на 13 млрд долларов. Для координации программы была создана Организация европейского экономического сотрудничества, оказавшаяся предшественницей Евросоюза.

По данным Межамериканского банка развития, на которые ссылается редакционная статья в Los Angeles Times от 21 мая 2005 года, денежные переводы иммигрантов, прежде всего из Соединенных Штатов, в латиноамериканские страны составили в 2004 году 45 млрд долларов — больше, чем сумма всех прямых инвестиций и иностранной помощи.

По сути дела, подобный подход — выделение значительных средств в качестве помощи и активное участие стран-получателей в принятии решений о политике и распределении полученных ресурсов — был использован и в Латинской Америке, но хороших результатов не дал. «Союз во имя прогресса», созданный в 1961 году президентом Кеннеди и лидерами латиноамериканских государств, копировал план Маршалла, хотя и оперировал меньшими ресурсами — 20 млрд долларов (10 млрд долларов на помощь развитию и 10 млрд долларов частных инвестиций) на десять лет. (Нужно помнить, что по плану Маршалла ресурсы направлялись не на цели развития, а на восстановление разрушенноговойной хозяйства.) Предполагалось, что к началу 1970-х годов Латинская Америка будет уверенно двигаться к демократии, процветанию и социальной справедливости. Прошло более сорока лет, и ситуация в Латинской Америке убедительно демонстрирует: «Союз во имя прогресса» успеха не имел.

Но почему в Европе план Маршалла привел к успеху? Почему Япония после Второй мировой войны превратилась в преуспевающую демократическую страну, тогда как сопоставимые усилия в Латинской Америке не были успешными? И почему следует скептически относиться к призывам повторить план Маршалла в Афганистане и Ираке? Западная Европа и Япония были опустошены войной, но у них сохранился незаменимый потенциал развития: большое количество образованных, подготовленных, изобретательных, предпримчивых людей, которые в прошлом уже сумели достичь высокого уровня благосостояния; также они располагали достижениями технологического прогресса, отложенными государственными и частными институтами, развитыми системами образования, инфраструктурой и пережившими войну производственными мощностями. Довоенные условия в Западной Европе и Японии и скорость послевоенного восстановления (а также переход к демократии в Германии и Японии) были порождением систем ценностей, ориентированных на прогресс. Я согласен с Джеком Саксом и другими: хорошо было бы увеличить объем помощи, представляемой для экономического развития. Но никакое увеличение уровня помощи, например, Центральной Америке после сандинистской революции 1979 года в Никарагуа не дадут преобразующих темпов экономического роста в отсутствие последовательной политики и работающих институтов, а то и другое требует изменений культуры.

«Расизм», природа человека и культура

Одним из самых серьезных упреков в адрес тех, кто пытается найти связь между культурой и развитием, является обвинение в расизме. Джейфри Сакс сделал существенное замечание: «Главная проблема с культурными факторами в том, что обычно все это замешено на предрассудках»⁴¹. Важно отметить, что в этой книге нет аргументов, опирающихся на генетическую или расовую теорию культуры. Насколько нам известно, культура никак не связана с генами или расой. Ее усваивает каждое новое поколение и передает следующему посредством, среди всего прочего, воспитания детей, семьи, церквей, школ, средств массовой информации и отношений между сверстниками. Культура изменчива, гены, по всей вероятности, — нет, по крайней мере не в тех временных рамках и не в том контексте, которые нас интересуют*.

Хорошим примером служат Гаити и Барбадос. Оба государства населены преимущественно потомками рабов, вывезенных из одного и того же района Западной Африки. В колониальный период то и другое были заняты выращиванием сахара на основе труда рабов. Гаитянские рабы восстали и получили независимость от Франции уже в 1804 году (см. главу 1), а Барбадос оставался британской колонией до 1966 года. С самого начала XVIII века, по мере углублявшейся либерализации британского общества, барбадосские рабы все в большей степени проникались британскими ценностями, осваивались с их институтами и постепенно приобретали политическое влияние, что позволило им в XX веке обрести политическое господство в жизни острова.

Поражают сегодняшние контрасты между Гаити и Барбадосом. Freedom House, уважаемая организация, занимающаяся оценками уровня демократии и свобод в разных странах, ставит Барбадосу высшие баллы за полноту реализации политических прав и гражданских свобод, тогда как Гаити попадает в категорию «несвободных» стран. В составленном ООН в 2003 году Индексе человеческого развития Барбадос стоит на 27-м месте — впереди Сингапура и Южной Кореи, а Гаити — на 150-м месте среди 175 стран.

Я обратил внимание на появившееся в New York Times от 3 июня 2005 года сообщение об исследовании трех ученых (Грегори Кохрана, Джайсона Харди и Генри Харпендина) из Университета штата Юта. Они доказали, что более высокий IQ у евреев-ашкенази есть результат векового генетического отбора («Исследователи говорят, что в генах евреев-ашкенази закреплены интеллект и болезнь», с. A21). Но чем тогда объяснить сравнительно высокий IQ жителей Восточной Азии?

Культура имеет значение, а раса — нет. Более того, если заклеймить культурные аргументы как «расистские», мы закроем себе доступ к потенциально влиятельному инструменту прогресса — к изменениям культуры.

Исследовательский проект «Культура имеет значение»

Главное дело либерализма — попытаться перенести культурную парадигму из теории в практику с помощью конкретных рекомендаций. Чтобы сформулировать нужные рекомендации, мы выделили три задачи, каждая из которых требует ответа на фундаментальный вопрос.

Задача 1. Какие ценности и установки оказывают влияние на политическое, экономическое и социальное развитие обществ?

Задача 2. Какие инструменты и институты осуществляют передачу культурных ценностей, представлений и установок и насколько они пригодны или могут быть сделаны пригодными для продвижения прогрессивных ценностей?

Задача 3. Что мы можем узнать о роли культуры и культурных изменений в результате исследования конкретных случаев, в том числе исследования обществ, претерпевших преобразования в области политики, экономики и социальных отношений?

Для решения этих задач были привлечены 65 экспертов из 22 стран мира. Большинство экспертов — профессора университетов (представлены 30 университетов); кроме того, среди них есть представители исследовательских институтов или фондов, журналисты, правительственные чиновники и люди других профессий. (Краткие биографические сведения о каждом участнике приведены в Приложении.) Эксперты (51 человек) подготовили статьи для двух конференций в Школе Флетчера: первая прошла в марте 2003 года, вторая — в марте 2004-го. В конференциях участвовали также 14 членов консультативного совета.

Что касается имеющих значение ценностей и установок (задача 1), на основе работы аргентинского журналиста и писателя Мариано Грондоны была создана модель или типология культурных ценностей. Эта типология (мы обсуждаем ее в главе 2) охватывает 25 факторов, воспринимаемых весьма по-разному в тех обществах, которые ориентированы на прогресс, и в тех, которые прогрессу

противятся. Вслед за «дезагрегированием» культуры в типологии были выделены те ценности, представления и установки, которые должны быть объектом воздействия и изменений.

Инструменты и институты передачи и изменения культуры (задача 2) включают способы воспитания детей, отдельные аспекты образования, религии, медиа, политического лидерства и проектов развития. Координацией работы в области воспитания детей, воспитания личности, гражданского воспитания и реформы образования занимался гарвардский психолог Джером Каган. В сфере религии рассмотрены разные аспекты буддизма, католицизма, конфуцианства (его этического учения), индуизма, ислама, иудаизма, православного христианства и протестантизма. В сфере средств массовой информации рассмотрены развлекательное телевидение, подача новостей и формирование общественного мнения. Статья о роли политического руководства написана политиком, бывшим губернатором Колорадо Ричардом Ламмом. Две статьи о помощи развитию включают широкий обзор того, как традиционные программы развития влияют на ценности, представления и установки, а также описание и оценку конкретных проектов, направленных на повышение уровня политического участия. Эти эссе были опубликованы в январе 2006 года издательством Routledge в сборнике «Развивающиеся культуры: эссе о культурных изменениях». Редакторами сборника были я и Джером Каган.

Возможность исследовать конкретные ситуации вдохновила авторов на разработку обеих составляющих афоризма Мойнихена: как культура влияет на успех и провал обществ и как широко понимаемая политика, включающая личные и групповые инициативы, а также политические действия, может изменять культуру. Статьи (их 27) охватывают Африку (Ботсвану и Южную Африку, а также сообщество Йоруба в Нигерии), Восточную Азию (Китай, Японию, Сингапур, Тайвань), Восточную Европу и православные страны (Новгородскую область России, Грузию и другие члены Советского блока), Индию, исламские страны (Египет, Индонезию, Пакистан, Бангладеш и Турцию), Латинскую Америку (Аргентину, Бразилию, Чили, Мексику и Венесуэлу) и Запад (афроамериканцев в Соединенных Штатах, Ирландию, Италию, провинцию Квебек, Испанию и Швецию). Эти эссе были опубликованы в 2005 году издательством Routledge в сборнике «Развивающиеся культуры: исследование конкретных примеров». Редакторами сборника были я Питер Бергер.

Структура книги

Глава 1 показывает власть культуры на примере истории острова Эспаньола, где расположены две страны с очень несходными культурами — Гаити и Доминиканская Республика. Глава 2 описывает 25-факторную модель/типологию культур, открытых прогрессу и противящихся ему, чтобы облегчить понимание того, что мы подразумеваем под «культурными ценностями, представлениями и установками», и того, как культура формирует поведение, влияющее на политическое, экономическое и социальное развитие общества.

Глава 3 начинается с двух моделей культурных изменений, которые объясняют, каким образом культура посредством разных факторов влияет на поведение. Затем дан обзор инструментов и институтов передачи и/или изменений культуры: воспитания детей, образования, средств массовой информации и лидерства. Пятый институт, религия, настолько значителен в своем воздействии на культуру и настолько разнообразен, что ему я посвятил отдельную главу.

Глава 4, раскрывающая ключевую роль религии, включает анализ достижений (по 10 показателям прогресса) 117 стран, сгруппированных по преобладающим в них религиям. В главе содержится также обзор 11 статей о религии.

Главы 5 и 6 содержат обзор 27 статей о разных странах, сгруппированных по регионам, или, если воспользоваться термином Хантингтона, по цивилизациям, объединяющим общества со сходными «ценностями, верованиями, традициями и социальными институтами»⁴². В главе 5 представлены материалы по Африке, конфуцианской (Восточной) Азии, Индии и странам ислама. В главе 6 — материалы по Латинской Америке, православным/восточноевропейским странам и по Западу.

Глава 7 выявляет и исследует шаблоны изменений: ключевую роль лидерства, значимость открытости новым идеям, важность установления связей с прошлым, ключевую роль образования, воздействие экономической политики, конструктивную роль иностранных инвестиций, культурную значимость собственности на жилье, ключевую роль профессиональной государственной службы.

В главе 8 исследуются инициативы и программы, разработанные для изменений культуры: перуанский Институт развития человека, который продвигает в Перу и других странах Латинской

Америки «Десять заповедей развития»; кампании по борьбе с коррупцией, поддерживаемые неправительственной организацией «Национальный центр стратегической информации» со штаб-квартирой в Вашингтоне; реализуемый в Боливии проект углубления политического участия; эквадорскую кампанию по борьбе за пунктуальность; помошь США в продвижении демократии в Латинской Америке; преображение столицы Колумбии Боготы; филантропию; американские и другие школы за границей; оценку культурного потенциала традиционных программ развития.

Завершающая книгу глава 9 содержит рекомендации по прогрессивным культурным изменениям в ряде ключевых областей: в воспитании детей и образовании, реформе религии, правительственный политике, институтах помощи в развитии, университетах, медиа, частном секторе.

1 Загадка Эспаньолы

Чтобы продемонстрировать, что культура имеет значение, я предлагаю сравнить Гаити, бывшую французскую колонию, и Доминиканскую Республику, бывшую испанскую колонию. В обеих странах в колониальный период основное значение имели плантации сахарного тростника, где трудились привезенные из Африки рабы. Обе страны расположены на острове Эспаньола — это исключает возможность объяснить различия в их истории географическими и климатическими особенностями.

В первой половине XIX века Гаити была гораздо сильнее и богаче, чем Доминиканская Республика, однако сегодня это самая бедная страна в Западном полушарии, тогда как Доминиканская Республика представляет собой намного более прогрессивное общество, обладающее, впрочем, всеми политическими, экономическими и социальными болезнями, характерными для большинства стран, бывших в свое время колониями Испании и Португалии.

Остров Эспаньола

Карибский остров Эспаньола — один из четырех, составляющих архипелаг Большие Антильские острова, к востоку от Кубы и Ямайки и к западу от Пуэрто-Рико.

Его северный берег расположен на 12-м градусе северной широты, т.е. весь остров расположен в зоне тропиков. 12-я параллель проходит через Атлантику, затем через расположенные к югу от Сахары страны Африки, северные районы Саудовской Аравии, центральную Индию, северную Мьянму (Бирму), Таиланд и Лаос, через китайский остров Хайнань, расположенный недалеко от Гонконга, через Тихий океан и Гавайи, через Мексику — неподалеку от Мехико-Сити, и через полуостров Юкатан — назад в Карибское море, где пересекает Кубу в районе Сантьяго и залива Гуантанамо, после чего крут замыкается.

Эспаньола — это двадцать третий по величине остров в мире, 29 418 кв. миль, что приблизительно равно площади Австрии или Южной Каролины. Доминиканская Республика расположена

на востоке острова и занимает примерно две трети его территории, а Гаити, расположенная на западе, — чуть больше трети.

Обе страны щедро наделены плодородными землями, хотя Доминиканская Республика в этом отношении имеет преимущество. Долина Сибао на севере ее центральной части представляет собой самый обширный плодородный район острова. Но и в Гаити есть участки плодородной земли: Северная равнина, окружающая город Кап-Альтен на атлантическом берегу; долина реки Артибонит, которая впадает в залив Гонаив, окруженный северным и южным полуостровами, или челюстями (это самая приметная географическая особенность Гаити); равнина Кюль-де-Сак, к северу от Порт-о-Пренса, столицы Гаити. В Доминиканской Республике добывают золото и никель. Гаити некогда была богата залежами бокситов, но они уже несколько десятилетий как исчерпаны.

Когда Христофор Колумб в декабре 1492 года приплыл на Эспаньолу, она была заселена индейцами племени таино, членами семьи аравакских племен, которые занимали пространство от Малых Антильских островов до северо-востока Южной Америки. Цивилизация таино не достигла того же уровня развития, что цивилизации ацтеков, майя и инков в Центральной и Южной Америке.

В конце 1493 года вторая экспедиция Колумба установила испанский контроль над островом, а индейцев обратила в рабов на золотых и серебряных рудниках. Индейцы начали быстро вымирать из-за изнурительного труда, насилия, но прежде всего — из-за восприимчивости к завезенным испанцами болезням, к которым у местного населения не было иммунитета. По одной оценке, в 1492 году численность индейцев таино составляла около 600 000 человек, но уже к 1508 году их осталось не более 60 000, а к 1518-му — всего 3000¹.

Индейцы вымерли, и работать стало некому, а потому испанцы занялись массовым завозом на остров африканских рабов. Затем начало расширяться производство сахара; добычу металлов свернули, а большинство африканских рабов перевели на плантации. К 1540 году центром испанских интересов стали Мексика и Перу, с их богатыми золотыми и серебряными рудниками. Эспаньола превратилась в задворки испанской колониальной империи.

Эспаньола, интерес к которой был утерян, стала уязвимой. В 1586 году на остров напали британцы — Френсис Дрейк захватил столицу Санто-Доминго и получил от испанцев солидный выкуп; в 1625-м навалились французские, голландские и британские каперы и создали базу на острове Тортуга (черепаха), расположенному

в 2 милях к северу от Эспаньолы. Испанцы безуспешно пытались выгнать их оттуда: французы обосновались крепко, а впоследствии подчинили своему господству западную треть Эспаньолы. Право Франции владеть этой территорией, получившей название Сан-Доминго, в 1697 году было закреплено Рисвикским договором.

В XVIII веке Сан-Доминго разбогател на сельском хозяйстве, построенным за счет рабского труда. В 1776 году Адам Смит написал: «Французская колония Сан-Доминго... в настоящее время является важнейшей из сахарных колоний Вест-Индии, и ее продукт, как утверждают, размерами своими превышает продукт всех английских сахарных колоний, взятых вместе»². Через четырнадцать лет после этого вспыхнуло восстание рабов, положившее начало революции, во главе которой встал легендарный Туссен-Лувертюр. В 1803 году французские войска потерпели окончательное поражение. В 1804-м Республика Гаити объявила свою независимость, а главой государства стал преемник Туссена генерал Жан-Жак Дессалин.

К моменту завоевания независимости население Гаити превышало полмиллиона человек, из которых более 85% были рабами. Санто-Доминго, восточные две трети острова Эспаньола, с населением чуть больше 100 000 человек³, перестала быть испанской колонией, поскольку в 1795 году Испания передала эту территорию Франции. Восстание гаитянских рабов поставило в тупик сначала испанцев, а потом и французов — на острове остался только один французский гарнизон, контролировавший город Санто-Доминго. К 1809 году испанцы с помощью британцев восстановили контроль над двумя третями восточной части острова, но в 1821-м колония провозгласила свою независимость от Испании и получила ее практически без сопротивления. Через несколько месяцев гаитяне, во главе с президентом Жан-Пьером Бойе, почти не встречая сопротивления, захватили восточную часть острова и в течение двух десятилетий сохраняли контроль над всей его территорией. В 1843 году Бойе был свергнут, доминиканцы восстали и в следующем году создали независимую Доминиканскую Республику.

Эспаньола в XXI веке

Спустя сто шестьдесят лет, в начале XXI века, Доминиканская Республика представляет собой довольно типичную латиноамериканскую страну с населением около 9 млн человек. История этого периода изобилует сменяющими друг друга диктаторскими режимами и междоусобицами, характеризуется медленным экономическим развитием,

значительным экономическим неравенством и вездесущей коррупцией. В XX веке Соединенные Штаты дважды осуществляли военное вторжение на остров. Один раз — во время Первой мировой войны: тогда возникли опасения, что политическая и экономическая нестабильность делают остров привлекательным для Германии, которая в случае успеха оказалась бы в опасной близости к Панамскому каналу; второй раз — в 1965 году, когда в связи с политическими волнениями возникла угроза того, что Америка получит еще одну Кубу⁴.

После 1965 года Доминиканская Республика с известными колебаниями, подобно многим другим странам Латинской Америки, продвигалась к демократической системе правления. В последние сорок лет в ее политике доминировал троекратный президент Хоакин Балагер, умерший в 2002 году в возрасте 95 лет. В 2003-м Доминиканская Республика получила в рейтинге Freedom House 2 балла за состояние политических прав и гражданских свобод (шкал: от 1 до 7; 1 — полная свобода).

История Гаити, после того как в 1844 году она вернулась к своим нынешним границам, неизменно мрачна. И до сих пор ее политика — это столкновение своекорыстных интересов, некомпетентности и нередко кровавой жестокости. Как бы в подтверждение малтизузианского пророчества (если рост населения не сдерживается правилами морали или природными бедствиями, то оно растет быстрее, чем производство средств существования, так что результатом оказываются всеобщая нищета и вырождение) рост населения Гаити привел к истощению природных ресурсов, а эрозия почв, ставшая следствием бесконтрольной вырубки горных лесов, опустошила страну. Граница между Гаити и Доминиканской Республикой отчетливо видна с воздуха: лишенная растительности бурая земля на западе и зеленые леса и луга — на востоке. Население Гаити составляет около 7 млн человек.

Сотни тысяч гаитянцев и доминиканцев покинули свои страны и, законно или нелегально, обосновались в Соединенных Штатах. Многие доминиканцы начинают с перемещения в соседнюю Пуэрто-Рико и либо остаются там, либо перебираются на материк. Большое количество гаитянцев живут в Канаде, во Франции и в Доминиканской Республике⁵. В XX веке американцы осуществляли военное вторжение на Гаити дважды: во время Первой мировой войны ради обеспечения безопасности Панамского канала, а в 1994–1995 годах — чтобы вернуть к власти выбранного президентом Жан-Берграна Аристида, который был низложен гаитян-

скими военными в сентябре 1991-го, всего через восемь месяцев после вступления в должность⁶. В 2004 году Аристид, теперь уже общеизвестный враг демократии и коррупционер, был опять отстранен от власти в результате вооруженных беспорядков, в которых на сей раз участвовали и его бывшие союзники, и американские военные опять вернулись на Гаити, чтобы вывезти его из страны и навести хоть какой-то порядок. Однако хаос и насилие продолжаются там и в наши дни.

Два руководителя Гаити, Франсуа Дювалье, диктаторски правивший страной в 1957–1971 годах, и Жан-Берtrand Аристид, пришли к власти с репутацией либеральных реформаторов, но, ни минуты не промедлив, продолжили традицию злоупотреблений. В 2003 году Freedom House отнесла Гаити к категории «несвободных» государств: страна получила 6 баллов по шкалам политических прав и гражданских свобод.

В XVIII и первой половине XIX века Гаити была богаче и сильнее, чем Доминиканская Республика и предшествовавшая ей испанская колония, но сегодня это самая бедная страна Западного полушария. Об этом наглядно свидетельствуют данные, взятые преимущественно из статистического сборника ООН за 2003 год⁷:

ТАБЛИЦА 1.1 ДОМИНИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА И ГАИТИ

	Доминиканская Республика	Гаити
Индекс человеческого развития (объединяет факторы здоровья, образования и материального благосостояния от 1 — высший балл до 173 — низший балл)	94	150
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	67	49
Грамотность взрослого населения, %	84	51
Учатся в школе, % от численности детей школьного возраста	72	52
Коррупция (индекс восприятия коррупции 2004 года, составленный Transparency International для 145 стран: № 1 Финляндия — самая чистая)	87	145
ВВП на душу населения по паритету покупательной способности, USD	7020	1860

Объяснение упадка

Чем можно объяснить поразительный упадок Гаити? Начнем с исследования факторов, с которыми чаще всего связывают различия в развитии разных обществ, — окружающей среды и географии.

Как я уже отметил во введении, историк Джаред Даймонд привел убедительные доводы в пользу того, что особенности окружающей среды позволяют во многом объяснить различия

в путях развития. Среди этих особенностей важнейшими являются: климат, включая амплитуду температур, количество и распределение осадков; обеспеченность природными ресурсами, в том числе плодородной землей, пригодными для одомашнивания животными, месторождениями минеральных ресурсов и облегчающими торговлю водными путями; число горных хребтов, затрудняющих коммуникации.

К сходному выводу пришел и Джейфри Сакс: «Интересны два аспекта этой проблемы. Во-первых, страны умеренного климата более развиты, нежели тропические страны... Во-вторых, географически отдаленные регионы — лежащие либо вдали от морского побережья и судоходных рек, либо в горах, где чрезвычайно высоки транспортные издержки, — развиты значительно хуже, чем равнинные или прибрежные общества. С самыми неприятными проблемами сталкиваются государства, не имеющие доступа к морю»⁸.

Когда размышляешь о том, почему одни страны богаты, а другие бедны, почему одни пошли по демократическому пути, а другие — нет, географический фактор следует учитывать в первую очередь. Но во многих ситуациях он оказывается бесполезным. Таков случай с островом Эспаньола. Различия в природных особенностях восточной части острова (Доминиканская Республика) и западной (Гаити), конечно, есть, но они сравнительно невелики, а потому с их помощью нельзя объяснить различия в историческом пути этих стран.

Если обогнуть земной шар по той широте, на которой расположен остров Эспаньола, мы обнаружим дополнительные контрасты, отчасти, впрочем, объясняемые особенностями окружающей среды. Некоторые страны бедны и имеют авторитарную форму правления, например, расположенные к югу от Сахары страны Сахеля (Нигер, Мали, Мавритания и др.), а также Мьянма и Лаос. Саудовская Аравия богата нефтью, но это авторитарное государство. Таиланд встал на путь процветания и движется к демократии. Китайская экономика уже четверть столетия растет с поразительной скоростью, однако ее политика остается авторитарной. Мексика добилась процветания, а продержавшийся там очень долгие годы однопартийный режим нехотя уступает место политическому плюрализму, хотя страна по многим показателям еще сильно отстает от своих северных соседей, Канады и Соединенных Штатов. Куба, которая еще полвека назад была страной довольно преуспевающей — пусть авторитарной и с большим материальным неравенством, — сегодня бедна и авторитарна, а равенства в ней стало больше.

Особняком стоят два острова, расположенные на той же широте, что и Эспаньола: Гонконг и Гавайи. Во второй половине XX века, когда Гонконг был еще британской колонией, там произошло экономическое чудо. Сегодня Гонконг стал частью Китая, а по уровню благосостояния не уступает Франции. Тяготение его жителей к демократии — настоящая головная боль для Пекина. Остров Гавайи, являющийся частью одноименного штата, наслаждается тем же уровнем благосостояния и свободы, что и Соединенные Штаты.

На других широтах объяснительные возможности географического детерминизма тоже ограничены. Невозможно сравнить по стилю и уровню жизни две соседние латиноамериканские страны: Коста-Рику, относительно зажиточную и демократически стабильную, и Никарагуа, бедную и издавна страдающую от диктатур и гражданских войн. Тем не менее их природные условия очень близки, а Никарагуа даже имеет преимущество в обеспеченности природными ресурсами.

Столь же показательны контрасты между Аргентиной и Канадой и Аргентиной и Австралией. Три большие, богатые природными ресурсами, сравнительно малонаселенные страны расположены главным образом или целиком в зоне умеренного климата (больше трети территории Австралии — в тропическом поясе, что любопытно). В XIX веке все три получали значительные объемы инвестиций из Великобритании. Сегодня в Аргентине величина ВВП на душу населения в два с лишним раза меньше, чем в Канаде и Австралии. Канада и Австралия принадлежат к числу самых стабильных и демократичных стран мира, а политическая история Аргентины — это история авторитаризма, междуусобиц и нестабильности.

Канада и Россия расположены по большей части в тех же широтах. Между ними имеются существенные географические и демографические различия, но очень много сходства в том, что касается богатства минеральных ресурсов, в том числе залежей нефти. А вот экономические и политические различия поразительны. Величина ВВП на душу населения в Канаде в шесть раз больше, чем в России. Есть искушение свалить экономические, да и политические различия на семь десятилетий коммунизма. Но, согласно историку экономики Ангусу Мэддисону, в 1913 году Россия отставала от Канады еще больше, чем в 1989-м⁹. И, разумеется, в истории России никогда не было ничего, кроме авторитаризма и политической и административной централизации.

Бросим взгляд еще на одну часть мира, опровергающую правомерность географических объяснений экономического развития, на Восточную Азию. Как понять, что все страны, продемонстрировавшие во второй половине XX века самые быстрые темпы экономического роста, были «конфуцианскими», а Гонконг и Сингапур плюс к тому еще и «тропическими»?*

Власть культуры

Чем еще можно объяснить поразительный поворот к худшему в развитии Гаити? В 2001 году я дважды спорил на эту тему с Джейфри Саксом, сначала в Гарвардском дискуссионном клубе, а потом — в Совете по международным отношениям в Нью-Йорке. Во время дебатов в Гарварде я противопоставил достижения Гаити и Доминиканской Республики как свидетельство власти культуры и распространил таблицу, демонстрирующую, что в культурном отношении Гаити намного ближе к Африке, чем к соседней Доминиканской Республике. Из африканских стран я выбрал Бенин, так как он расположен именно в том районе Африки, где существовало государство Дагомея, из которого в XVI, XVII и XVIII столетиях было импортировано больше всего рабов в обе части острова Эспаньола.

ТАБЛИЦА 1.2 БЕНИН, ГАИТИ И ДОМИНИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

	Бенин	Гаити	Доминиканская Республика
ВВП на душу населения, USD	380	410	1770
Доля недоедающих детей, %	29	28	6
Уровень детской смертности, человек на 1000 детей	149	125	47
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	53,5	53,5	71
Уровень неграмотности, %	60	55	18
Обеспеченность горожан канализацией, %	60	43	89

Источник. Всемирный банк, World Development Report 1999/2000

Я доказывал, что общей для Гаити и Дагомеи является анимистическая религия, известная как вуду, которая, подобно множеству других распространенных в Африке анимистических религий, противостоит прогрессу. Вуду не относится к числу религий, озабо-

Я отношу к «конфуцианским» странам Китай, Корею, Японию, Тайвань и Сингапур — т.е. страны, испытавшие глубокое влияние китайской культуры, которая, в свою очередь, глубоко пронизана конфуцианством, представляющим собой не религию, а моральный кодекс. Китайская культура, разумеется, испытала и другие сильные влияния, в том числе со стороны буддизма, даосизма и культа предков.

ченных этическими вопросами: «...понятия греха и нравственного закона... чужды вуду»¹⁰. Считается, что судьбой последователей вуду управляют сотни духов, лоа, очень капризных и раздражительных, и для исполнения своих желаний их непременно надо ублажить. Вуду — это колдовство, которое камерунский экономист Даниэль Этунга-Мангуэль в сборнике «Культура имеет значение» называет одной из главных помех на пути прогресса в Африке¹¹. «Общество, в котором в наши дни процветают магия и колдовство, — больное общество, в нем царят напряжение, страх и моральный хаос. Колдовство — это дорогостоящий механизм улаживания конфликтов и сохранения статус-кво, а именно к нему, что важно, и сводится вся африканская культура»¹². Вуду делает бессмысленными инициативу, рациональность, достижения, обучение и ряд других факторов, о которых мы будем говорить в следующей главе.

Вуду — по преимуществу религия бедных гаитян, составляющих подавляющее большинство населения страны. Но его влияние дает о себе знать и в жизни тех, кто принадлежит к высшему классу. Гаитянин, работавший со мной в миссии Агентства по международному развитию и имевший диплом американского университета, как-то сказал: «Если любой гаитянин, включая меня самого, скажет тебе когда-нибудь, что совершенно отвергает вуду, имей в виду: он лжет». С этим согласен мой гаитянский зять, имеющий диплом Гарварда. По его словам, его реакция на любые события зачастую бывает окрашена его первыми впечатлениями от знакомства с вуду.

Уоллес Ходжес, баптистский миссионер, двадцать лет проживший на Гаити, живо описал роль вуду в жизни гаитян (его статья опубликована в 1981 году в *Baltimore Sun*). Он пишет, что

придумал объяснение того, почему Гаити... является одной из беднейших [стран] мира. Объяснение строится на культуре, а не на расе, на вере, а не на способностях. Оно возлагает вину исключительно на духов вуду, которые до сих пор оказывают господствующее влияние на жизнь [гаитян]... Гаитяне... «обладают особым восприятием мира», корни которого тянутся из Африки и опыта рабства. «Гаитяне воспринимают этот мир совершенно иначе, чем мы». Основное различие в том, что иудеохристианская традиция возлагает на человека ответственность за его судьбу.

«Интернализируя вину, мы возлагаем на себя ответственность за происходящее и за собственное поведение».

Гаитянин, напротив, экстернализирует вину. Все хорошее и все плохое он приписывает влиянию духов. Поскольку это ограничивает его ответственность... это ограничивает и его потенциал (курсив мой. — Л.Х.).

На простейшем уровне это означает: если гаитянин стянул кувшин молока в больнице д-ра Ходжеса, он может этого не стыдиться, так как верит, что эту возможность ему дали духи. На более сложном уровне это означает, что есть жесткая граница того, насколько хорошо может быть организовано это общество, насколько развитым может быть сельское хозяйство.

Гаитянского ребенка с младых ногтей учат тому, что все происходящее находится во власти духов. Его приучают экстернализировать зло и понимать, что он пребывает в постоянной опасности... Все думают, что гаитяне мечтают сбежать из страны, так как боятся своего правительства. Это заблуждение. Они боятся друг друга. На Гаити царит острая паранойя¹³.

Но не только вуду блокирует возможности прогресса на Гаити. Ходжес упоминает о рабстве, и это существенный фактор в понимании различий двух соседних стран. Во французском Сан-Доминго с рабами обращались с собой жестокостью. А в результате восстания, принесшего им свободу, на людей обрушилась и ответственность за собственную судьбу. Их система ценностей явилась порождением рабства и африканской культуры, в которой важную роль играл культ вуду. Лауреат Нобелевской премии по экономике, сэр Артур Льюис, сам потомок африканских рабов, написал: познавшие рабство (и рабы, и хозяева) «наследуют идею, что работа — это удел рабов»¹⁴.

В застойном колониальном Санто-Доминго «хозяева и рабы жили по-соседски и помогали друг другу, и со временем это сделало цепи менее тяжкими»¹⁵. Подтверждением того, что в двух частях острова с рабами обращались по-разному, может служить расовый состав двух стран в наши дни. В Гаити небольшой высший класс состоит из белых и мулатов, а подавляющее большинство низшего класса составляют черные. В Доминиканской Республике небольшой высший класс состоит из белых, а массы — из мулатов.

Но опыт рабства оставил шрамы на культуре обеих стран. Вот наблюдение венесуэльского писателя Карлоса Рангеля: «Неудивительно, что развитию обществ, прежде зиждившихся на рабстве, сегодня мешает целый ряд факторов: пассивное отлынивание от труда как отличительная черта рабов; абсурдная престижность праздной жизни, являющаяся клеймом их хозяев; наконец, ритм жизни, в которой нет места пунктуальности»¹⁶.

Джеффри Сакс утверждает, что на историческую судьбу Гаити отрицательно повлияли два обстоятельства, не имеющие отношения к культуре: (1) заметное падение мировых цен на сахар, последовавшее за переходом Европы к выращиванию сахарной свеклы во второй половине XIX века; и (2) оккупация Гаити американской морской пехотой в период 1915–1934 годов¹⁷. Но Доминиканская Республика тоже была оккупирована морской пехотой в 1916–1924 годах, и это создало условия для диктатуры Трухильо¹⁸. А Гаити на несколько десятилетий перестала быть экспортёром сахара лишь в результате того, что президенты Александр Петион и Жан-Пьер Бойе в 1806–1843 годах раздробили плантации страны на маленькие участки, тогда как Доминиканская Республика во второй половине XIX века превратилась в один из важнейших поставщиков сахара на мировой рынок.

Какие еще факторы могли бы объяснить отсталость Гаити? Прежде всего нужно отметить низкий уровень руководителей страны. За всю ее историю только два лидера заслуживают того, чтобы их так называли: Туссен-Лувертюр, предводитель восстания рабов, и Александр Петион (1806–1818), социальный реформатор, который намного опередил свое время, обеспечив медицинское обслуживание всего населения, помочь престарелым, пособия беременным и кормящим матерям. Но если не считать Петиона, на Гаити не было президентов, преданных делу модернизации. Гаитянские лидеры — отражение своей культуры, а не ее реформаторы. На ум опять приходит параллель с Африкой, где типичным явлением всегда были антидемократичные, жестокие и своекорыстные вожди.

Объяснения, акцентирующие роль политики и институтов, также заводят в тупик. Политика неизбежно отражает цели своекорыстных диктаторов и той культуры, которая вскармливает их в неограниченном количестве. Тем из нас, кому приходилось заниматься созданием институтов в странах вроде Гаити, хорошо знакомо чувство бессилия, вызванное упорным сопротивлением культуры попыткам провести модернизацию. Такие общества

подтверждают правоту Даниэля Этунга-Мангуэля: «Культура — это мать. Институты — это дети»¹⁹. Хотя, как мы увидим, все может обстоять ровно наоборот.

За прошедшие двести лет две страны, занимающие остров Эспаньола, поменялись местами. Чем еще можно это объяснить, если не отражением ценностей и установок, заложенных в африканской культуре, в том числе в анимистической религии и в опыте рабства, которые противятся демократизации, процветанию и справедливости? Кто-то, вероятно, спросит, как можно винить рабство, если оно окончилось две сотни лет назад. Тут уместно напомнить о выводе Роберта Патнэма: культура итальянского юга до сих пор находится под влиянием норманнского завоевания, случившегося девятью лет назад.

Чем еще объясняют уродливую историю Гаити? Некоторые ссылаются на огромную компенсацию, востребованную Францией у Гаити за восстановление отношений (первоначально 150 млн. франков за пять лет, а позднее 60 млн франков за тридцать лет), как на главную причину нищеты этой страны²⁰. Верно и то, что в течение нескольких десятилетий после обретения независимости Гаити подвергалась ostrакизму со стороны других стран Западного полушария, в том числе Соединенных Штатов, опасавшихся, как бы их собственные рабы не заразились духом свободы и мятежа. Что касается Соединенных Штатов, они от этой политики отказались во время Гражданской войны: Гаити была официально признана в 1862 году. Как доказывают другие, проблемы Гаити по преимуществу вытекают из того, что мулаты, составляющие высший класс общества, отождествляют себя с бывшими французскими хозяевами и обращаются с черными гаитянцами как с людьми низшего сорта²¹. (Когда я жил на Гаити, мой сосед-мулат сказал мне однажды о черных гаитянах: «Знаете, они ведь действительно недочеловеки».) Но хотя цвет кожи по-прежнему много значит на Гаити, на протяжении значительной части истории страны черные лидеры государства, в том числе и «папа Док» Дювалье, были такими же жестокими диктаторами, как и их коллеги-мулаты.

Эти и другие факторы имеют значение, но ни один из них, ни даже все они вместе не объясняют нескончаемое неблагополучие гаитянского общества. Объяснением могут служить лишь ценности, представления и установки, унаследованные от африканского и рабского прошлого, которые противятся прогрессу.

Каковы они, эти ценности, представления и установки? В следующей главе мы разложим «культуру» на 25 компонентов, которые выглядят совершенно по-разному в обществах, тяготеющих к демократии, процветанию и справедливости, и в тех обществах, что противятся всему этому.

В начале 2005 года Джаред Дайамонд опубликовал продолжение книги «Пушки, микробы и сталь» — «Крушение: как общества делают выбор между успехом и крахом»²². В ней он исследует несколько случаев, позволяющих объяснить, как взаимодействие политики и особенностей природы и географии влияет на историческую судьбу. Там есть и глава, посвященная Гаити и Доминиканской Республике. Автор пишет:

Почему результаты в двух странах оказались настолько разными и почему не Доминиканская Республика, а именно Гаити претерпела столь катастрофический упадок? Природа восточной и западной частей острова не вполне одинакова, и это внесло известный вклад в такой исход, но это совершенно недостаточное объяснение. Объяснением различий между народами может быть их история, установки, самоидентификация и институты, а также особенности их лидеров. Для тех, кто тяготеет к «географическому детерминизму», контрастирующая история Доминиканской Республики и Гаити явится хорошим противоядием. Да, особенности природной среды очень важны, но имеет значение и то, как общество реагирует на свое окружение. Имеет значение также и то, что делают и чего не делают его лидеры²³.

Далее Дайамонд анализирует различия в этой реакции между двумя частями Эспаньолы, рассматривая при этом исключительно природные факторы и соответствующие им возможности. Узость подхода мешает ему заметить другие различия, скажем в области образования, здравоохранения, инфраструктуры и в особенностях институциональных недугов в целом. Если бы автор выбрал более широкий подход, то, я уверен, он заметил бы: особенности «возможностей» и «руководства» столь поразительны — и не только в последние десятилетия, — что предполагают наличие общего знаменателя, т.е. культуры.

2 Дезагрегирование «культуры»

...два аспекта культуры показались мне особенно существенными в этом плоском мире. Во-первых, какова ваша культура вовне: в какой степени она открыта для внешних влияний и идей?.. Во-вторых, и это труднее уловить, какова ваша культура внутри... в какой мере в ней присутствует дух национальной солидарности и направленность на развитие, в какой мере в обществе существуют доверие и возможность сотрудничества с чужаками... и в какой мере элиты страны интересуются массами?

Томас Фридман. «Плоский мир»

После нескольких лет наблюдений и размышлений аргентинский ученый и журналист Мариано Грondona создал теорию развития, которая опирается на группу влияющих на прогресс культурных факторов. Эти факторы образуют типологию, где культуры, благоприятные для экономического развития, противопоставлены культурам, противящимся такому развитию. Как говорит сам Грondona, «можно сконструировать две идеальные системы ценностей: одна будет включать только ценности, благоприятные для экономического развития, а другая — только неблагоприятные для него... В действительности подобных систем ценностей не существует, и ни один народ не попадает целиком ни в одну из них. Однако одни страны ближе к полюсу, благоприятному для экономического развития, тогда как другие близки к противоположному полюсу»¹.

ТАБЛИЦА 2.1. ТИПОЛОГИЯ КУЛЬТУР, ТЯГОТЕЮЩИХ К ПРОГРЕССУ И ПРОТИВЯЩИХСЯ ПРОГРЕССУ

Фактор	Культура, тяготеющая к прогрессу	Культура, противящаяся прогрессу
Мировоззрение		
1 Религия	Воспитывает склонность к рациональности, побуждает к достижениям, деятельности в реальном мире	Воспитывает склонность к иррациональности, утопизм, гасит интерес к реальности, побуждает обратиться к иному миру

Фактор	Культура, тяготеющая к прогрессу	Культура, противящаяся прогрессу
2 Судьба	Вера в свою способность изменить судьбу к лучшему	Фатализм, смирение, вера в колдовство
3 Ориентация во времени	Ориентация на будущее побуждает к планированию, пунктуальности, сбережениям	Ориентация на настоящее или на прошлое вызывает пренебрежение к планированию, пунктуальности, сбережениям
4 Богатство	Считается, что богатство — это продукт человеческого творчества и может быть увеличено (игра с положительной суммой)	Считается, что богатство — это то, что уже существует (игра с нулевой суммой); оно не увеличивается
5 Знания	Практические, верифицируемые, основанные на фактах	Абстрактные, теоретические, неверифицируемые
Ценности, добродетели		
6 Моральный кодекс	Жесткий, но его нормы реалистичны; воспитывает доверие людей друг к другу	Гибкий, большой разрыв между утопическими нормами и реальным поведением, порождает недоверие к людям
7 Житейские добродетели	Важны хорошо сделанная работа, опрятность, учтивость, пунктуальность	Житейские добродетели не имеют значения
8 Образование	Незаменимо; воспитывает самостоятельность, неортодоксальность, терпимость к многообразию мнений, творческий подход	На втором плане, воспитывает зависимость и ортодоксальность
Экономическое поведение		
9 Труд / достижения	Действует принцип. жить, чтобы работать; труд ведет к богатству	Действует принцип: работать, чтобы жить; труд не ведет к богатству; труд — это удел бедняков
10 Бережливость	Мать инвестиций, ведет к зажиточности	Угроза равенству: сберегающие богатеют, а это рождает зависть
11 Предприимчивость	Инвестиции и творчество	Погоня за рентой: высокий доход приносят связи в правительстве
12. Готовность к риску	Умеренная	Низкая
13 Конкуренция	Ведет к совершенствованию общества	Связывается с агрессивностью, рассматривается как угроза равенству и привилегиям
14 Новаторство	Открытость, быстрая адаптация к новациям	Подозрительность ко всему новому, медленная адаптация к новациям
15 Продвижение вверх	На основе заслуг и связей	На основе семейных связей и/или отношений с патроном
Социальное поведение		
16 Верховенство закона / коррупция	Законопослушание, коррупция наказуема	От закона можно откупиться; коррупция приемлема
17 Радиус доверия и идентификации	Наиболее сильна идентификация с обществом в целом	Наиболее сильна идентификация с узким кругом
18 Семья	Идея «семьи» распространяется на общество в целом	Семья дает защиту от общества

Фактор	Культура, тяготеющая к прогрессу	Культура, противящаяся прогрессу
19. Общественные связи (социальный капитал)	Доверие, идентификация обеспечивают сотрудничество, соучастие в общем деле	Недоверие питает крайний индивидуализм, падение нравов
20. Индивидуализм и коллективизм	Индивидуализм, но не чрезмерный	Безоговорочный коллективизм
21 Власть	Рассредоточена: сдержки и противовесы, консенсус	Централизована, не знает ограничений, зачастую произвольна
22. Роль элит	Ответственность перед обществом	Власть и получение ренты, дух эксплуатации
23 Отношения между государством и церковью	Святское государство: церковь полностью отделена от государства	Религия играет главную роль в жизни гражданского общества
24. Взаимоотношения полов	В реальности равенства полов может и не быть, однако оно не противоречит системе ценностей	В большинстве жизненных ситуаций женщина подчинена мужчине
25 Рождаемость	Количество детей должно зависеть от способности семьи их воспитать и дать образование	Дети — это дар Божий; они представляют собой хозяйствственный актив

Четыре участника проекта «Культура имеет значение»: Ираклий Чхония, Рональд Инглхарт, Маттео Марини и я — расширили типологию Грondonы и включили в нее развитие политическое, социальное и экономическое. В порядке расширения были введены подзаголовки «Мировоззрение», «Ценности и добродетели», «Экономическое поведение» и «Социальное поведение». Важно помнить, что Грondonа называет типологию «идеальной», т.е. это упрощенное представление сложной системы. Культура не бывает вполне монолитной; во всех культурах помимо основного течения есть и встречные. Это в равной мере относится как к аргентинской / латиноамериканской культуре, которая послужила образцом для колонки «Культура, противящаяся прогрессу», так и к американской культуре, послужившей образцом «Культуры, тяготеющей к прогрессу». По словам Роберта Хефнера, который был процитирован в предисловии, «...тема [неоднородности культур] позволяет нам осознать, что даже в культурах, сравнительно враждебных прогрессу, существуют альтернативные течения, и некоторые из них могут содержать элементы прогрессивных ценностей»². Как мы увидим далее, изменению культуры может помочь обращение к прогрессивной культурной традиции, даже не входящей в основное течение культуры страны.

Политолог Рональд Инглхарт проверил предложенные Грondonой 25 компонентов культуры на данных Мировой службы

ценностей (World Values Survey), которая уже более двух десятилетий проводит соответствующие замеры, охватывая сегодня 81 страну с 85% населения мира. О том, что он обнаружил, я расскажу в ходе описания типологии. В целом «эти эмпирические результаты подтверждают „типологию прогресса“, и порой очень убедительно»³. Из 25 факторов 11 нашли «строгое подтверждение» в данных World Values Survey, 3 — «умеренно строгое подтверждение», 2 — не получили «значимого подтверждения», а для 9 остальных соответствующих данных не нашлось. Как подчеркивает Инглхарт, «мировой замер ценностей не был предназначен для проверки „типологии прогресса“». Но он задумывался как инструмент всестороннего исследования всех основных человеческих ценностей, а потому и охватывает большую часть... категорий, включенных в „типологию прогресса“»⁴. Уже после этого коллега Инглхарта Мигель Басанез разработал ориентированный на эту типологию вопросник, который был протестиран в Гватемале в 2005 году.

Бассам Тиби, автор статей об исламе и Египте, вошедших в сборник «Развивающиеся культуры», представил типологию на конференции в Абу-Даби. Рассказывая о компонентах типологии, я приведу некоторые соображения Тиби, Инглхарта и Майкла Новака. А также выскажусь о Гаити, ставшей образцом модели сопротивления прогрессу.

Мировоззрение

1 Религия

Религия может быть влиятельной силой прогресса, если она воспитывает рациональность и объективность, подталкивает к накоплению богатства и побуждает к этичному поведению, совместимому с целями Всеобщей декларации прав человека ООН. Подобными чертами в полной мере обладает протестантская этика, которой Макс Вебер приписывал заслугу в возышении капитализма. Она отзывается в таких, например, факторах, как судьба, моральный кодекс, образование, труд, бережливость, предприимчивость и новаторство.

Религия — или моральный кодекс, когда мы говорим о конфуцианских странах, — является важным источником ценностей, которые сохраняются и после угасания массовой религиозности, что можно наблюдать на примере очень успешных лютеранских стран Скандинавии, где религия давно утратила массовость. Эти ценности могут содействовать или препятствовать демократии, социальной справедливости и экономическому развитию. В работе

«Демократия в Америке» Алексис де Токвиль замечает: «[Британские поселенцы] принесли в Новый Свет христианство, которое точнее всего можно определить как демократическое и республиканское. С самого начала и до нынешнего времени политика и религия жили в согласии»⁵.

Если же религия воспитывает в людях иррациональность, как это делает вуду, тормозит интерес к реальному миру или сохраняет двойственность в этом вопросе, как это делает католицизм с его устремленностью к будущей жизни в ином мире, ее последователи будут безразличны к экономическому развитию. При этом они также подвержены настроениям пассивности и смирения, которые благоприятны для авторитаризма и несправедливости. Памятуя о первых столетиях величия ислама, Бассам Тиби говорит: «Читая Коран и изучая его заповеди... я... нахожу в исламе глубокую приверженность рационализму и достижениям, а также обращенность к делам этого мира... но я не встречаю этого духа у современных мусульман»⁶. Поскольку Гайти является типичным примером общества, противящегося прогрессу, вуду служит образцом религии, воспитывающей иррационализм.

Как сказал Рональд Инглхарт, «сильная религиозность отрицательно коррелирует с прогрессом. Общества, в которых религия сцеплена с рационализмом, интересом к материальному миру и стремлением к успеху, придают куда меньшее значение религии»⁷. (Исключением являются Соединенные Штаты, где, в отличие от Западной Европы, значительное большинство граждан — верующие.) В этих словах Инглхарта эхом отдается прозвучавшее более двухсот лет назад проницательное сетование основателя методизма Джона Уэсли: «Я опасаюсь того, что там, где растет богатство, в той же мере уменьшается религиозное рвение. Поэтому... я не вижу возможности, чтобы возрождение подлинного благочестия... могло быть продолжительным. Ибо религия неминуемо должна порождать как трудолюбие, так и бережливость, а эти свойства, в свою очередь, обязательно ведут к богатству. Там же, где увеличивается богатство, создается благодатная почва для гордыни, страстей и привязанности к мирским радостям жизни во всех их разновидностях»⁸.

2. Судьба

И опять мы находим в Коране слова, которые могут быть истолкованы как прогрессивный взгляд на судьбу: «Всякое выпадающее тебе благо... от Аллаха, а все зло — от тебя самого»⁹. Но можно возра-

зить, что слова эти двусмысленны: если считать, что все хорошее приходит только от Аллаха, то подрывается сама идея ответственности человека за свою судьбу, хотя Коран и возлагает на людей обязанность избегать зла. В любом случае, заключает Тиби, «мы постоянно сталкиваемся с проявлениями фаталистического мировоззрения, хотя оно и противоречит... исламу»¹⁰.

3. Ориентация во времени

Прогрессивные культуры, сложившиеся в протестантских и конфуцианских обществах, в большей мере ориентированы на будущее, чем культуры обществ, противящихся прогрессу. Ориентация на будущее предполагает возможности изменений и прогресса, и эти возможности, подчеркивает Вебер, могут быть реализованы в этой жизни. Кальвинизм требует от верующих смотреть в будущее. Таково же основное требование иудаизма: «Иудаизм привержен идее прогресса. Золотой век человечества не в прошлом, а в будущем»¹¹. Культуры, противящиеся прогрессу, зачастую ориентированы на настоящее или славное прошлое, как в случае мексиканцев, восхваляющих достоинства доколумбовой цивилизации. Такая ориентация во времени отворачивает людей от планирования и сбережений. В таких культурах обычно невысоко ценят пунктуальность и эффективное использование времени.

4. Богатство

У кальвилистов, для которых милость Божья находит проявление в богатстве, культура, подчеркивает Вебер, всячески поощряет труд и накопление богатства. Мировоззрение, представляющее этот мир как игру с нулевой суммой, подавляет инициативу, потому что любой выигрыш неизбежно оказывается чьим-то проигрышем. Во многих традиционных обществах действует психология «раков в корзинке»: если кому-то удается «выбраться наверх», тут же идут в ход всевозможные санкции, тянувшие его назад, вплоть до перераспределения его богатства между остальными членами общества. Человек чувствует себя уязвленным, когда кто-то его опережает. Эта темная сторона человеческой природы находит проявление в чувстве злорадства, удовлетворения от зрелища чужих несчастий.

Согласно антропологу Джорджу Фостеру, во всем мире крестьянские общества склонны воспринимать мир как игру с нулевой суммой. В этой «универсальной крестьянской культуре» господствует «идея ограниченности благ», описанная Фостером: «Под

„идеей ограниченности благ“ я имею в виду вот что. В самых разных сферах жизни крестьяне ведут себя так, будто весь окружающий мир — природу, общество и экономику — они воспринимают таким образом, что все нужное для жизни — земля, богатство, здоровье, дружба и любовь, мужество и честь, уважение и статус, власть и влияние, защищенность и безопасность — имеется в нем всегда в ограниченном количестве, и всегда — в недостаточном... И мало того, что все это и многое другое из „хороших вещей“ существует в ограниченном и недостаточном количестве, но у крестьян при этом еще и нет совершенно никакой возможности сделать так, чтобы всего этого стало больше»¹².

5. Знания

Если общество не уважает факты, это крайне неблагоприятно не только в плане производительности, конкурентоспособности и экономического развития, но и с точки зрения возможности создать демократические и справедливые институты. Модернизация предполагает ориентацию на научный подход. Это особенно существенно, когда речь идет о тех фактах (или об их истолковании), которые затрагивают самоуважение и личное достоинство.

Ценности и добродетели

6. Моральный кодекс

Жесткость морального кодекса оказывает глубокое воздействие на ряд других факторов, в том числе такие, как верховенство закона / коррупция, радиус доверия и идентификации, общественные связи. Три этих фактора попадают в рубрику «социальное поведение», но жесткий моральный кодекс важен и в плане экономического поведения. Он определяет поведение, порождающее доверие, а доверие имеет центральное значение для экономической эффективности, как подчеркивает Бебер, говоря о моральной проповеди Бенджамина Франклина¹³. Скандинавские страны занимают очень высокие места в экономических индексах (например, Финляндия, Швеция, Дания, Норвегия и Исландия в 2004 году вошли в первую десятку стран по составленному Мировым экономическим форумом Индексу конкурентоспособности), и это почти заведомо связано с тем фактом, что они заняли столь же высокие места по шкале доверия Мировой службы ценностей. И наоборот, бедность Гаити определенно связана с отсутствием морального кодекса в вуду, поскольку это порождает высокий уровень недоверия.

Демократия возникла и прижилась в тех странах, где укоренена ценность игры по правилам. Она имеет центральное значение для англо-протестантской традиции — хорошими примерами служат сама Британия и ее доминионы и бывшие колонии. Она же стала ключевым элементом в подмеченном Токвилем сродстве между американской культурой и демократией. Что касается католических стран, с большой задержкой воспринявших демократию, я хочу привести наблюдение Вебера: «Кальвинистский Бог требовал от своих избранных не отдельных „добрых дел“, а святости, возведенной в систему. Здесь не могло быть и речи... о характерном для католицизма, столь свойственном природе человека чередовании греха, раскаяния, покаяния, отпущения одних грехов и совершения новых»¹⁴.

7. Житейские добродетели

Хорошо сделанная работа, опрятность, учивость, пунктуальность — это «смазка», необходимая для функционирования экономической и социально-политической систем. Житейские добродетели обеспечивают достижения в экономике: пунктуальность характерна для всех 15 стран, занявших высшие места в составленном Мировым экономическим форумом Индексе конкурентоспособности, — 12 протестантских и 3 конфуцианских (Тайвань, Сингапур и Япония).

«Пунктуальность не является сильной стороной латиноамериканцев», — констатирует журнал *The Economist* в статье, посвященной национальной кампании борьбы за пунктуальность, которую открыл президент Эквадора Лусио Гутьеррес — появившийся на церемонии открытия только в последнюю минуту¹⁵. Кампанию инициировала организация *Participacion Ciudadana* («Гражданское участие»); по ее оценке, из-за опозданий и неаккуратности Эквадор теряет ежегодно более 700 млн долларов, или более 4% ВВП.

Эквадорская кампания по борьбе за пунктуальность привлекла внимание журналиста Джеймса Суровицки, который написал в журнале *The New Yorker*: «Отношение ко времени пронизывает буквально все аспекты культуры. В таких сверхпунктуальных странах, как Япония, пешеходы ходят быстро, сделки заключаются без промедлений, а банковские часы всегда точны... Иными словами, эквадорцы... пытаются революционизировать свое отношение к жизни и к труду»¹⁶.

В связи с этим Тиби вспоминает, как египтяне расшифровывают аббревиатуру IBM: *Inshallah* (если на то будет воля Аллаха), *Bukra* (завтра), *Ma'lish* (не имеет значения).

„идеей ограниченности благ“ я имею в виду вот что. В самых разных сферах жизни крестьяне ведут себя так, будто весь окружающий мир — природу, общество и экономику — они воспринимают таким образом, что все нужное для жизни — земля, богатство, здоровье, дружба и любовь, мужество и честь, уважение и статус, власть и влияние, защищенность и безопасность — имеется в нем всегда в ограниченном количестве, и всегда — в недостаточном... И мало того, что все это и многое другое из „хороших вещей“ существует в ограниченном и недостаточном количестве, но у крестьян при этом еще и нет совершенно никакой возможности сделать так, чтобы всего этого стало больше»¹².

5. Знания

Если общество не уважает факты, это крайне неблагоприятно не только в плане производительности, конкурентоспособности и экономического развития, но и с точки зрения возможности создать демократические и справедливые институты. Модернизация предполагает ориентацию на научный подход. Это особенно существенно, когда речь идет о тех фактах (или об их истолковании), которые затрагивают самоуважение и личное достоинство.

Ценности и добродетели

6. Моральный кодекс

Жесткость морального кодекса оказывает глубокое воздействие на ряд других факторов, в том числе такие, как верховенство закона / коррупция, радиус доверия и идентификации, общественные связи. Три этих фактора попадают в рубрику «социальное поведение», но жесткий моральный кодекс важен и в плане экономического поведения. Он определяет поведение, порождающее доверие, а доверие имеет центральное значение для экономической эффективности, как подчеркивает Бебер, говоря о моральной проповеди Бенджамина Франклина¹³. Скандинавские страны занимают очень высокие места в экономических индексах (например, Финляндия, Швеция, Дания, Норвегия и Исландия в 2004 году вошли в первую десятку стран по составленному Мировым экономическим форумом Индексу конкурентоспособности), и это почти заведомо связано с тем фактом, что они заняли столь же высокие места по шкале доверия Мировой службы ценностей. И наоборот, бедность Гаити определенно связана с отсутствием морального кодекса в вуду, поскольку это порождает высокий уровень недоверия.

Демократия возникла и прижилась в тех странах, где укоренена ценность игры по правилам. Она имеет центральное значение для англо-протестантской традиции — хорошими примерами служат сама Британия и ее доминионы и бывшие колонии. Она же стала ключевым элементом в подмеченном Токвилем сродстве между американской культурой и демократией. Что касается католических стран, с большой задержкой воспринявших демократию, я хочу привести наблюдение Вебера: «Кальвинистский Бог требовал от своих избранных не отдельных „добрых дел“, а святости, возведенной в систему. Здесь не могло быть и речи... о характерном для католицизма, столь свойственном природе человека чередовании греха, раскаяния, покаяния, отпущения одних грехов и совершения новых»¹⁴.

7. Житейские добродетели

Хорошо сделанная работа, опрятность, учтивость, пунктуальность — это «смазка», необходимая для функционирования экономической и социально-политической систем. Житейские добродетели обеспечивают достижения в экономике: пунктуальность характерна для всех 15 стран, занявших высшие места в составленном Мировым экономическим форумом Индексе конкурентоспособности, — 12 протестантских и 3 конфуцианских (Тайвань, Сингапур и Япония).

«Пунктуальность не является сильной стороной латиноамериканцев», — констатирует журнал The Economist в статье, посвященной национальной кампании борьбы за пунктуальность, которую открыл президент Эквадора Лусио Гутьеррес — появившийся на церемонии открытия только в последнюю минуту¹⁵. Кампанию инициировала организация Participacion Ciudadana («Гражданское участие»); по ее оценке, из-за опозданий и неаккуратности Эквадор теряет ежегодно более 700 млн долларов, или более 4% ВВП.

Эквадорская кампания по борьбе за пунктуальность привлекла внимание журналиста Джеймса Суровицки, который написал в журнале The New Yorker: «Отношение ко времени пронизывает буквально все аспекты культуры. В таких сверхпунктуальных странах, как Япония, пешеходы ходят быстро, сделки заключаются без промедлений, а банковские часы всегда точны... Иными словами, эквадорцы... пытаются революционизировать свое отношение к жизни и к труду»¹⁶.

В связи с этим Тиби вспоминает, как египтяне расшифровывают аббревиатуру IBM: *Inshallah* (если на то будет воля Аллаха), *Bukra* (завтра), *Ma'lisch* (не имеет значения).

8. Образование

Ценность, придаваемая образованию, непосредственно связана с модернизацией и испытывает очень сильное влияние религии или морального кодекса. Протестантизм и иудаизм, в отличие от католицизма, поощряли образование, потому что иначе верующие не смогли бы читать Библию; это утверждение иллюстрирует высокий уровень грамотности в Шотландии XVII века и низкий уровень грамотности в Ирландии¹⁷. В конфуцианстве ученость с точки зрения престижа ценится превыше всего, это подтверждается высоким положением ученых чиновников в императорском Китае. Другим примером престижности образования в конфуцианском мире является Япония — в 1905 году более 90% японских мальчиков и девочек начального школьного возраста посещали школу — больше, чем в любой другой стране того времени¹⁸.

Экономическое поведение

9. Труд/достижения

Труд как средство достижения благополучия и хорошей жизни — это еще одна ценность, общая для протестантизма и иудаизма. В католической доктрине, унаследовавшей многие черты классической греческой и римской философии, хорошая жизнь отождествлялась с духовными интересами, созерцанием и художественными достижениями. Труд, особенно физический, ниже достоинства людей, относящихся к эlite, он является уделом низших классов. Экономическая деятельность непрестижна, это отмечали многие авторы, в том числе Вебер, Эдвард Бэнфилд и Мариано Грондона¹⁹. А если вспомнить о важном для католического учения культе бедности («Легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому войти в Царствие небесное» [Мф 19: 24]), легко понять, почему и сегодня в католицизме сохраняется двойственность в отношении к капитализму.

Конфуцианские страны еще сравнительно недавно придерживались тех же ценностных приоритетов, что и католики: в случае Японии до второй половины XIX века и до второй половины XX века — в случае Южной Кореи, Китая и родственных ему Тайваня, Гонконга и Сингапура. Однако из соображений национальной безопасности и престижа экономическая деятельность, которая в конфуцианской традиции считается менее достойной, чем занятия ученого, солдата и крестьянина, была выдвинута на передний план, о чем свидетельствует увещевание Дэн Сяопина: «Богатеть почет-

но». Результатом стало повышение в ранге всех ценностей, которые объединяют конфуцианство с протестантизмом: образования, заслуг, бережливости, достижений, житейских добродетелей. Как мы увидим в главе 6, сходную трансформацию ценностей, имеющих отношение к экономической деятельности, претерпели и католические — теперь именуемые порой «посткатолическими» — общества Ирландии, Италии, Квебека и Испании.

Данные Мировой службы ценностей подтверждают значимость того, как люди относятся к труду. Инглхарт заключает: «Внутренняя установка на труд положительно коррелирует с прогрессом. Общества, в которых труд воспринимается только как источник жизненных средств, в плане прогресса отстают»²⁰.

10. Бережливость

Экономические чудеса, явленные миру Японией, Южной Кореей, Тайванем, Гонконгом, Сингапуром, а теперь и Китаю, во многом стали возможны в том числе и благодаря очень высокому уровню сбережений. В 2001 году в Сингапуре сбережения составили 44,8% ВНП, а в Китае — 40,1%²¹. Высокий уровень сбережений в сочетании с такими конфуцианскими ценностями, как образование, заслуга и достижение, да плюс еще экспортно ориентированная экономическая политика в значительной мере объясняют эти чудеса. Но бережливость — это не только экономическая ценность: затянувшаяся экономическая стагнация в Японии в значительной мере может быть приписана низкому уровню внутреннего потребления. И бережливость не всегда одинаково необходима, о чем свидетельствует низкий уровень сбережений в Соединенных Штатах — 17% ВНП в 2001 году, что плохо согласуется с основами протестантской этики. Богатая страна может позволить себе низкий уровень сбережений, хотя едва ли это может продолжаться длительное время. Но бедная страна не может позволить себе такой роскоши, если мечтает о быстром экономическом развитии.

11 Предпринимчивость

Йозеф Шумпетер, американский экономист австрийского происхождения, видел в предпринимателях основной двигатель экономики. Он доказывал, что одних сбережений и инвестирования недостаточно. Формула должна быть дополнена творческим духом человека: «Функция предпринимателей заключается в том, чтобы реформировать или революционизировать производство, используя

изобретения или, в более общем смысле, используя новые технологические решения для выпуска новых товаров или производства старых товаров новым способом, открывая новые источники сырья и материалов или новые рынки, реорганизуя отрасль и т.д.»²².

Шумпетер был уверен: для занятия предпринимательством нужны «совершенно особые способности, которые присущи лишь небольшой части населения»²³. Думаю, в этом он не прав. Потому что, с одной стороны, доля предпринимателей в обществе зависит от культуры: в Швеции культура, ориентированная на прогресс, рождает пропорционально намного больше предпринимателей, чем в Аргентине, где культура прогрессу противится²⁴. С другой стороны, в культурах, ориентированных на прогресс, предпринимательство — это куда менее элитарное занятие, чем полагал Шумпетер: взрыв торговли и индустриализации в Соединенных Штатах и Японии был осуществлен усилиями буквально миллионов предпринимателей, из которых, естественно, лишь немногие развернули крупные предприятия, а подавляющее большинство осталось в малом бизнесе. Более того, предпринимательство не ограничено лишь частным сектором: наделенные способностью к новаторству государственные администраторы могут сыграть важнейшую роль в прогрессе общества, проявляя изобретательность в принятии и проведении политики.

Незначительность прослойки предпринимателей на Гаити ставит под сомнение рецепт решения проблемы неразвитости, который предлагает перуанский автор Эрнандо де Сото в своей книге «Загадка капитала»²⁵. Де Сото, безусловно, прав, указывая на то, что, если собственность бедняков официально зарегистрировать, они смогут получить от этого огромную выгоду, поскольку получат возможность использовать в качестве обеспечения кредитов свои дома, мастерские и земельные участки. Но проблема в том, что именно такой человек сделает с заемными деньгами, если культура не сформировала в нем стремление к предпринимательству. А в случае Гаити, одной из стран, о которых пишет де Сото, нужно учесть еще и отсутствие благоприятного инвестиционного климата. Некоторые гаитяне склонны использовать любые дополнительные средства только для того, чтобы сбежать из страны.

Контраст между англопротестантским и иберокатолическим отношением к предпринимательству и глубина разделяющих их культурных различий тонко подмечены в дневнике американского ученого и дипломата Джона Л. Стивенса, который в 1839–1840 го-

дах ездил по Центральной Америке и после осмотра вулкана Масайя в Никарагуа записал следующее: «Я не мог не задуматься о том, как расточительно обходятся с щедрыми дарами Провидения в этой благодатной по климату, но бедствующей стране! Дома этот вулкан стал бы настоящим сокровищем, с хорошей гостиницей на вершине, с ограждением вокруг кратера, чтобы дети не могли свалиться, с лестницами, зигзагами спускающимися в кратер, и стаканом ледяного лимонада на дне»²⁶.

12. Готовность к риску

Готовность к риску неразрывно связана с предпримчивостью. Оба эти качества вытекают из мировоззрения и, прежде всего, из понимания роли знания и веры в способность влиять на собственную судьбу. В фаталистических культурах люди не пытаются даже проанализировать степень риска, так как он является порождением таинственных сил, работающих за сценой. Непредсказуемость риска иногда вызывает авантюрное поведение. В культурах, ориентированных на прогресс, ощущение человека, что он контролирует свою судьбу, в сочетании с готовностью учитывать факты, оборачивается способностью оценивать шансы, вычислять степень риска.

13. Конкуренция

Здесь будут уместны слова Грondonы:

Необходимость соперничать в борьбе за богатство и первенство есть характеристика обществ, открытых развитию. Соперничество — это центральный элемент в успехе предпринимателя, политика, интеллектуала, профессионала. В закрытых для развития обществах... предполагается, что заменой ей будут солидарность, лояльность и сотрудничество... В закрытых для развития обществах отрицательное отношение к конкуренции — это отражение узаконенной зависти и утопического равенства. Хотя такие общества порицают соперничество и превозносят сотрудничество, последнее в них встречается много реже, чем в «конкурентных» обществах. Фактически можно доказать, что конкуренция — это форма сотрудничества, при которой оба соперника выигрывают от необходимости выложитьсь до конца, как в спорте. Конкуренция питает демократию, капитализм и многообразие мнений²⁷.

14. Новаторство

Новаторство концептуально близко к предприимчивости и готовности рисковать. Подобно им, оно непосредственно вытекает из мировоззрения, а в особенности из степени уверенности человека в том, что он в состоянии контролировать свою судьбу.

Открытость к новому — это ключевой фактор во многих историях успеха, речь о которых пойдет ниже. Она сыграла главную роль в успехах ислама в первые века его существования, когда он возродил мудрость, знания и умения античной Греции, и в реставрации Мэйдзи, когда удалось преобразовать Японию, приняв разнообразные достижения Запада в образовании, администрации, военном искусстве и во множестве других областей.

Что касается ислама, главным препятствием на пути прогресса в исламских странах вообще и в арабских в особенности Тиби считает нежелание учиться у других. Таково же мнение и других авторов: «Истина в том, что у арабской культуры нет иного выбора, кроме как еще раз окунуться в новый глобальный эксперимент. Она не может замкнуться и жить только прошлым, историей и унаследованной культурой, потому что в мире возникли победоносные силы, проникающие во все уголки земли, господствующие во всех областях знания, поведения, жизни, производства и новаторства»²⁸.

15. Продвижение вверх

Общество, предоставляющее посты в государственном или частном секторе самым способным и подготовленным, тем, от кого можно ждать наиболее эффективной работы, может рассчитывать на самый быстрый прогресс. Нужно отдавать себе отчет, что в любом обществе при принятии решений о продвижении действует субъективный фактор. Все дело в степени субъективности. В обществах, противящихся прогрессу, где степень доверия и идентификации с другими обычно низка, в решениях такого рода обычно превалируют субъективные факторы, в особенности семейные связи, кумовство там считают делом обычным, а заслугами нередко пренебрегают. В обществах, ориентированных на прогресс, главным основанием для продвижения на высшие посты являются заслуги. Заслуги занимают центральное место в конфуцианстве и достаточно видное — в протестантизме и иудаизме.

Социальное поведение

16. Верховенство закона / коррупция

Степень уважения к верховенству закона непосредственно связана с жесткостью морального кодекса, например с тем, насколько в обществе следуют принципам честности, игры по правилам и социальной ответственности. Если вспомнить о сравнении двух религий у Вебера, противопоставившего неустанное требование протестантов ежедневно творить добро католическому чередованию греха, покаяния, отпущения грехов и нового греха, можно предположить, что протестантские страны менее коррумпированы, чем католические. Так оно и есть — согласно Индексу восприятия коррупции, в котором 133 страны ранжированы по степени ощущаемой коррупции: среди 10 наименее коррумпированных стран 9 — преимущественно протестантские (включая пять скандинавских, Новую Зеландию, Голландию, Австралию и Швейцарию), а одна (Сингапур) — конфуцианская²⁹. Преимущественно католические страны выглядят по этому показателю не столь хорошо: Испания, например, заняла 23-е место, Италия — 25-е, а Аргентина — 92-е. Любопытно, что Чили, в которой католическая церковь очень влиятельна, получила достойное уважения 20-е место — аномалия, о которой мы еще поговорим в этой книге.

Инглхарт заключает: «Проведенное Transparency International измерение уровня коррупции... показывает поразительно сильную... корреляцию с человеческим прогрессом (прогресс тем более выражен, чем ниже уровень коррупции)»³⁰. Он отмечает также, что в случае коррупции причинно-следственные связи действуют в обоих направлениях: «Можно утверждать, что правительенная коррупция подобна раковой опухоли, которая душит экономическое развитие, эффективное управление в образовании и в сфере услуг и буквально все другие элементы здорового общества. Но одновременно можно утверждать, что в процветающем и эффективно управляемом обществе коррупция менее привлекательна. Я думаю, что прежде всего действует все-таки первая зависимость, однако готов признать и известную правоту второго утверждения»³¹.

Состав десятки наименее коррумпированных стран поразительно близок к перечню первых десяти стран по Индексу конкурентоспособности и по еще одному существенному индексу. В 1998 году группа экономистов подготовила для Национального бюро экономических исследований доклад о качестве государственного

управления; управление оценивалось по показателям эффективности, личной свободы и степени вмешательства правительства в дела частного сектора³². В первую десятку вошли преимущественно протестантские страны:

1. Новая Зеландия
2. Швейцария
3. Норвегия
4. Великобритания
5. Канада
6. Исландия
7. Соединенные Штаты
8. Финляндия
9. Швеция
10. Австралия

17 Радиус доверия и идентификации

С жесткостью морального кодекса связано и то, в какой степени люди способны доверять и идентифицировать себя с другими, не входящими в круг семьи и друзей. Я уже отмечал роль доверия как «смазки», обеспечивающей эффективность экономики. Это также довольно значимый фактор для обеспечения эффективности демократии. Если, как во многих исламских и латиноамериканских обществах, преобладает недоверие между людьми, человеку трудно отказаться от политической власти, иначе преемник может обрушить на него репрессии или навсегда лишить политического влияния.

Если человек отождествляет себя с другими членами общества, больше шансов, что он будет добровольно платить налоги, участвовать в благотворительной и филантропической деятельности, сотрудничать с другими для достижения общих целей политического, экономического или социального характера. Мне вспоминается замечание историка Дэвида Хекта Фишера о том, что в Новой Англии, возможно, именно пуританизм породил традицию городских собраний, ставших выражением глубокой приверженности этого региона демократии: «Пуритане верили, что связаны друг с другом божественным Провидением. Один из их лидеров сказал им, что они должны „считать себя связанными узами любви, а это очень тесные и сильные узы, обязывающие их служить друг другу“. ... И спустя долгое время после того, как пуритане превратились в янки, а янки тринитарианцы превратились в унитарианцев Но-

вой Англии (не более, по мнению Уайтхеда, чем верующие в единого Бога), длинная тень пуританской веры все еще осеняла нравы и обычаи американского народа»³³.

18. Семья

В обществе, ориентированном на прогресс, идея «семьи» — радиус идентификации и доверия — распространяется, как отмечено выше, даже на чужаков. В обществах, противостоящих прогрессу, радиус идентификации и доверия ограничен семьей, которая превращается в крепость, противостоящую всему обществу. Такое понимание выражено в классической работе Эдварда Бэнфилда «Моральные основы отсталого общества»; в ней проанализирована деревня итальянского юга, в которой идентификация и доверие ограничены нуклеарной семьей, что автор считает главным фактором относительной бедности и институциональной слабости всего региона³⁴.

Чрезвычайно характерно наблюдение бразильского антрополога Роберто Да Матты, который отмечает в работе «Дома и на улице»: «Покупая или продавая что-то родственнику, я не забочусь ни о деньгах, ни о прибыли... Но если я имею дело с незнакомцем, то здесь действует только одно правило: нужно извлечь из него всю возможную выгоду»³⁵.

19. Общественные связи (социальный капитал)

Благодаря Роберту Патнэму и Фрэнсису Фукуяме, акцентировавшим концепцию «социального капитала», она прочно вошла в лексикон общественных наук и сообщества специалистов по развитию. Джеймс Коулман, отчеканивший эту концепцию, определял ее как «способность людей ради реализации общей цели работать вместе в одном коллективе»³⁶. Социальный капитал тесно связан с «гражданским сообществом» Патнэма и с «гражданским обществом», о котором часто приходится слышать в таких институтах развития, как Всемирный банк, словно гражданское общество является некой данностью, которую нужно лишь разыскать и взлелеять.

Но социальный капитал неравномерно распределен в обществах и культурах, так что некоторые общества в большей степени располагают преимуществами гражданского общества, нежели другие. Иногда забывают, что ранняя работа Патнэма посвящена культурным факторам, способным объяснить разительный контраст между севером и югом Италии в плане общего развития и гражданской активности. Пытаясь объяснить, почему

в Южной Италии люди настолько лишены доверия друг к другу, этого «важнейшего компонента социального капитала»³⁷, Патнэм опирается на работу Бэнфилда «Моральные основы отсталого общества». Причину он усматривает в крайнем авторитаризме норманнского правления на юге Италии в XII и XIII веках. Фукуяма в работе «Доверие» делает аналогичное утверждение: некоторые общества порождают «спонтанную способность создавать ассоциации» — как в Японии, Соединенных Штатах и Германии, а другие лишены этого качества.

Социальный капитал — это, по сути дела, явление культуры, вот что здесь главное. Чтобы укрепить его в культуре, для которой характерен низкий уровень доверия, следует усилить культурные факторы, способствующие росту доверия, такие как жесткий моральный кодекс, жителей добродетели, радиус идентификации. Примером инициативы, направленной на укрепление жителей добродетелей, служит эквадорская кампания по борьбе за пунктуальность. Ее дополнительное преимущество состоит в том, что она сама объединяет людей в рамках общего дела, а это позволяет людям получить опыт сотрудничества и познакомиться с тем, как работают ассоциации.

20. Индивидуализм и коллективизм

Это сюжет замысловатый: индивидуализм — отличительная особенность прогрессивного Запада, а общинность, коллективизм — прогрессивной конфуцианской Азии. Дело дополнительно усложняется крайним индивидуализмом Латинской Америки, который мешал этому региону (а также и Испании вплоть до второй половины XX века) укрепить демократические начала жизни и достичь равномерно распределенного процветания. Как заметил об испанцах Хосе Орtega-и-Гассет: «Истинному испанцу ничего не нужно. Более того, ему и никто не нужен. Вот почему наши люди такие ненавистники новизны и новшеств. Принять что-либо новое со стороны было бы унизительным для нас... Для подлинного испанца всякое новшество — это явное публичное оскорбление»³⁸.

Нужно признать, что многие коллективистские общества также противятся прогрессу. Примером здесь служит Африка, где, по мнению Даниэля Этунга-Мангзуэля, община душит инициативу и личную ответственность; подавление же разнообразия мнений и личной ответственности, среди всего прочего, отнюдь не способствует демократизации этих обществ³⁹. А как отмечает Фукуяма, лю-

ди легко создают ассоциации и организуют сотрудничество в таких известных своим индивидуализмом обществах, как Соединенные Штаты и Германия. Он доказывает, что протестантские/индивидуалистические культуры двух этих стран породили существенно больший социальный капитал, чем конфуцианские/общинные культуры Китая и Тайваня. (Правда, в качестве третьего примера общества с высоким уровнем социального капитала он приводит конфуцианскую Японию.) Дело окончательно запутывается очевидной тягой к личным достижениям, творчеству и предпринимательству, которые мы встречаем в конфуцианских странах, — во многом именно этим качествам они обязаны своим экономическим успехом.

Различие между индивидуализмом и коллективизмом в плане их влияния на прогресс очевидно двойственно и требует тщательного эмпирического исследования. Совершенно ясно, что такие культурные факторы, как труд/достижения, бережливость, предприимчивость и заслуга, способны акцентировать как достоинства, так и недостатки, присущие индивидуализму и коллективизму. Специалист по Китаю Ту Вэймин призывает к синтезу различных аспектов обоих мировоззрений: «Несомненно, такие ценности Просвещения, как инструментальная рациональность, права и свободы человека, верховенство закона, неприкосновенность частной жизни и индивидуализм, в наше время приобрели универсальное значение. Но, как показывает пример Восточной Азии, конфуцианские ценности типа сострадания, уравнительной справедливости, чувства долга, приверженности ритуалам, ориентации на группу сегодня также стали общепризнанными»⁴⁰.

Можно убедительно показать, что такого рода синтез в значительной мере реализован, например, в скандинавских странах и в Японии. И совершенно ясно, что общества предельно индивидуалистические, как проанализированная Ортега-и-Гассетом традиционная иберийская культура, и предельно общинные, как африканские культуры, проанализированные Даниэлем Этунга-Мангуэлем, сталкиваются на путях модернизации со значительными препятствиями.

21 Власть

Представление общества о власти оказывает фундаментальное влияние на развитие культуры. Оно коренится в религии (моральном кодексе) и глубоко воздействует на то, как общества организуют свою политику. Я уже цитировал наблюдение Токвиля, отметившего

отчетливую связь между протестантизмом и демократией в Америке. То, что католические общества в целом медленнее приходили к демократии, чем протестантские, отражает, возможно, более авторитарную, иерархическую природу католицизма. Административное устройство ислама ближе к протестантской децентрализованности, чем к католической централизации, но его доктрина порождает фатализм, абсолютизм и нетерпимость, которые прямо ведут к политическому авторитаризму. Основа конфуцианской доктрины — почтение к родителям, и это отношение распространяется на правителя, что во многом объясняет сравнительно медленное усвоение демократии конфуцианскими обществами.

22. Роль элит

Степень ответственности элит за благополучие всех остальных — *noblesse oblige*, так сказать — очевидным образом соотносится с характерным для общества радиусом идентификации. В этом отношении скандинавские и латиноамериканские страны образуют любопытный контраст, на исследование которого выделил средства Межамериканский банк развития⁴¹. Шведские ученые Даг Бланк и Торлейф Петтерсон пишут: «В середине XVII века в центральной Швеции были возведены чугунолитейные предприятия... Чугун производился в небольших поселках, именовавшихся *bruk*, где развились особые социальные и культурные связи, для которых было характерно патерналистское отношение владельцев фабрик к рабочим, сопровождавшееся, однако, чувством социальной и экономической ответственности».

Нетрудно представить, каким образом из этого патернализма и чувства ответственности, возбуждаемого отчасти лютеранским учением, в Швеции могло развиться современное развитое государство благосостояния. Сравните это с порабощением индейцев и черных в Латинской Америке в тот же самый период и с самодовольным и безответственным поведением многих латиноамериканских элит в последующее время.

23. Отношения между государством и церковью

Ни в одной из развитых демократий религия не играет существенной роли в сфере гражданских отношений. Это особенно верно для Западной Европы, где во многих странах связи между церковью и государством были разорваны давным-давно, а религиозность населения значительно ослабла. Но это верно и для намного более

религиозных Соединенных Штатов. Строго говоря, религия может оказывать немалое влияние на общество через коренящиеся в ней ценности и взгляды политиков и журналистов, как мы наблюдаем в случае, например, Джорджа Буша, твердо выступающего против абортов и исследований с использованием стволовых клеток, извлекаемых из abortированных плодов. Но вот религиозные институты не имеют никакой возможности влиять на политический процесс.

Видный католический мыслитель Майкл Новак изменил бы в нашей типологии некоторые формулировки. В колонке «Культура, тяготеющая к прогрессу» вместо «Светское государство: церковь полностью отделена от государства» он написал бы так: «Разделение полномочий между церковью и государством; защита свободы совести». А в колонке «Культура, противившаяся прогрессу» — так: «Религиозные лидеры исполняют политические функции, а государство наделяет их соответствующими полномочиями».

Роберт Хефнер добавляет: «Именно разделение властей — а не „секуляристское“ устранение или даже приватизация религии — является ключом к социальному прогрессу. Как показывает опыт США и как показывает опыт протестантской реформации в Латинской Америке, определенный тип религиозного сознания может быть очень полезен для социального прогресса»⁴².

Альфред Степан предложил полезную формулировку «взаимной терпимости» в отношениях между церковью и государством в демократическом обществе: «Свобода для демократически избранных правительств и свобода для религиозных организаций в гражданском и политическом обществе... отдельные люди и религиозные общины... должны иметь полную свободу для того, чтобы приватным образом почитать божество. Более того, в качестве отдельных граждан и групп они должны иметь возможность публично продвигать свои ценности в гражданском обществе ровно до тех пор, пока победа их верований не начнет негативно сказываться на свободах других граждан или не обернется насилием против демократии и закона»⁴³.

В этом контексте существенно, что ошеломляющее преображение Ирландии, Италии, Квебека и Испании сопровождалось значительным понижением роли и влияния католической церкви. Не менее показателен пример Турции, во многих отношениях самой модернизированной исламской страны в мире и при этом сохраняющей светский характер даже при нынешнем исламистском

правительстве Реджепа Тайипа Эрдогана. Как пишет турецкий политолог Йылмаз Эсмер, Эрдоган и люди из его окружения «подчеркивают тот факт, что не являются „политическими исламистами“ и у них нет проблем со светским характером государства и другими основополагающими принципами республики»⁴⁴.

24. Взаимоотношения полов

Специалисты по развитию уже давно осознали, насколько значимы многочисленные роли, которые играют женщины в качестве профессиональных работников, учителей, политиков и т.д., не говоря уже о роли матери, рожающей и воспитывающей детей. Как мы увидим, воспитание детей — это ключевой инструмент передачи культуры, и образованная мать способна сделать эту работу лучше, чем не имеющая образования. Более 90% японских девочек учились в школе в 1905 году, в Чили необычно большое (для Латинской Америки) число женщин (30%) были грамотны уже во второй половине XIX века. А вот в некоторых исламских странах и сегодня уровень грамотности женщин поразительно низок: в 2001 году в Пакистане умели читать и писать 29% женщин, в Марокко — 37%, в Египте — 45%⁴⁵. Вот ситуации — и с подобными мы еще столкнемся, — когда реформы и инициативы, полезные для развития страны, способствуют также продвижению прогрессивных ценностей.

25. Рождаемость

Дети в крестьянских обществах — это одновременно и рабочая сила, и социальное обеспечение на старости лет; такие практические соображения в сочетании с библейским напутствием «плодитесь и размножайтесь» обычно обеспечивали высокий уровень рождаемости в бедных странах.

Но большие бедные семьи — это рецепт консервации бедности и социальных патологий, включая высокий уровень преступности, обычный в Латинской Америке и Африке. Тощего семейного бюджета хватает лишь на то, чтобы как-то прокормить и одеть детей, а ведь их нужно еще и учить. Замордованные родители, среди которых много одиноких матерей, просто не имеют времени для надлежащего ухода и воспитания. Эти проблемы раскрыты в антропологическом эссе Элиши Ренне об общине йоруба в Нигерии.

Сегодня во многих частях мира рост населения сократился благодаря использованию противозачаточных средств. Но рождаемость падает и в самых процветающих странах мира, в особенно-

сти в Западной Европе и Японии. Как указывает Майкл Новак, к 2050 году население Европы неизбежно сократится; кроме того, он напоминает, что низкая рождаемость тоже может превратиться в проблему. В связи с этим я могу отметить: по прогнозу Бюро переписи населения, население США к 2050 году увеличится до 420 млн человек, т.е. примерно на 50% относительно уровня 2000 года. Такой рост населения обеспечивается по большей части иммиграцией (в США ежегодно прибывают до одного миллиона легальных и около полумиллиона нелегальных иммигрантов) и более высоким уровнем рождаемости у недавних иммигрантов. Например, коэффициент рождаемости у иммигрантов из Мексики составляет 3,5 ребенка на одну мать, а средняя по стране — 2,0⁴⁶.

Суть предложенной типологии

Сердцевину типологии составляют два фундаментальных вопроса: 1. Поощряет ли культура представление, что люди в состоянии влиять на свою судьбу? 2. Содействует ли культура укреплению золотого правила этики? Если люди верят, что способны влиять на свою судьбу, они, вероятнее всего, будут смотреть в будущее и воспринимать мир как игру с положительной суммой; они будут ценить образование, верить в этику труда, делать сбережения, проявлять предпримчивость и т.п. Если золотое правило этики действительно имеет для них смысл, они, скорее всего, будут следовать достаточно жесткому моральному кодексу, уважать житейские добродетели, соблюдать законы, отождествлять себя с обществом, создавать социальный капитал и т.п. Золотое правило — это не только западная идея. Оно играет центральную роль и в конфуцианстве, где используется отрицательная формулировка: «Не делай другим того, чего не хотел бы, чтобы они сделали тебе».

Универсальная культура прогресса

Культуры, ориентированные на прогресс, придерживаются системы ценностей, в основном разделяемой самыми успешными обществами земли — Запада и Восточной Азии — и, я бы добавил, чрезвычайно успешными этническими и религиозными меньшинствами, такими как джайны и сикхи в Индии, а китайцами, японцами, корейцами и евреями — всюду, куда их заносит судьба. Я говорю об универсальной культуре *progressa*, которая противостоит универсальной крестьянской культуре, как ее описали Джордж Фостер и другие. Несомненно, что совпадение Востока и Запада более

всего происходит в области экономического и социального развития, поскольку для всех одинаково значимы хорошее развитие образования и здравоохранения, а также сравнительно справедливое распределение дохода. Существует явное расхождение в вопросе о демократии: в Китае и Сингапуре упорно удерживается конфуцианский авторитаризм, опирающийся на глубоко укорененную традицию «почтания старших». Но, судя по демократическому развитию Японии, Южной Кореи и Тайваня, а также исходя из идеи, что быстрый экономический рост содействует демократизации, можно предположить: в Восточной Азии вполне может быть реализован тот синтез лучших ценностей Востока и Запада, к которому призывает Ту Вэймин. Он уже в значительной мере реализован на Западе, прежде всего в странах Скандинавии.

Если правы Токвиль, Вебер и многие другие авторы, полагавшие, что культура имеет значение, то продвижение ценностей универсальной культуры прогресса может ускорить прогресс отсталых обществ. В следующих главах мы обратимся к центральному вопросу этой книги: как можно укрепить эти прогрессивные ценности?

3 Модели и инструменты передачи и изменения культуры

Как культура влияет на поведение? Как изменяется культура? Что представляют собой те инструменты и институты, через которые от поколения к поколению передаются культурные ценности, представления и установки? В какой степени могут быть модифицированы эти инструменты и институты, чтобы это пошло на пользу прогрессивным изменениям культуры? Ответам на эти вопросы посвящена настоящая глава.

Я начну с двух моделей, созданных для объяснения изменений культуры, а затем рассмотрю инструменты и институты, через которые в поколениях передаются культурные ценности и установки. Первую из двух моделей изменений культуры, действующую на макроуровне, в марте 2004 года на конференции «Культура имеет значение» представил политолог Харви Нельсон из Университета Южной Флориды. Вторая, действующая на микроуровне, создана гарвардским социологом Орландо Паттерсоном и опубликована в его статье «Принимая культуру всерьез» в сборнике «Культура имеет значение».

Модель Нельсена

Прежде всего Нельсон подчеркивает, как трудно изменяется культура, поскольку она «коренится в языке, религии, географии, климате и общем историческом наследии, а это все вещи, которые изменить нелегко». Некоторые сокровенные верования и представления настолько сильны, что могут считаться «черными дырами культуры, которых луч света может достичь, но вот обратно он уже не выйдет»¹; в Соединенных Штатах к такого рода ценностям может быть отнесен индивидуализм. Но многое в культуре достаточно изменчиво, и Нельсон верит: единственный способ достижения изменений — это «развитие нового сознания... которое приходит через межкультурное оплодотворение... или через внутренних диссидентов». Автор напоминает о культурном воздействии кампаний за избирательные права женщин в Соединенных Штатах, начатой

Элизабет Кэди Сентон и Сьюзен Б. Энтони. Другим примером он считает воздействие Мартина Лютера Кинга на межрасовые отношения. Нельсен полагает, что легче достичь успеха с помощью внутренних изменений, нежели посредством перекрестного оплодотворения, источник которого находится в другом обществе.

Нельсен считает возможными три вида изменений ценностей и установок: вследствие катастрофических событий, под влиянием элит или через социальные движения. Катастрофическими событиями он называет военные поражения Японии и Германии, а также крайне разрушительные последствия инициированной Мао Цзэдуном культурной революции. В двух первых случаях бедствия военного времени удобрили почву и сделали ее пригодной для восприятия демократических ценностей и институтов. В последнем случае коммунистическая революция сокрушила самое себя. Менее масштабными оказались злоупотребления диктатуры Пиночета, способствовавшие возрождению и укреплению демократических традиций в Чили.

Нельсен использует Китай и как пример влияния элит. В вакууме, возникшем после того, как Мао сокрушил собственный режим, появился Дэн Сяопин и двумя словами смел существовавшую в Китае столетнюю имперскую и коммунистическую традицию враждебного отношения к бизнесу: «Богатеть почетно». В качестве политиков, действия которых привели к изменению культуры своего народа, Нельсен упоминает также испанского короля Хуана Карлоса, Франклина Рузельта и Маргарет Тэтчер. Должен заметить, что все приведенные в качестве примеров события происходили после кризиса: в Испании после смерти Франко избранный им преемник, Хуан Карлос I, неожиданно выступил в поддержку демократических преобразований; в Соединенных Штатах прологом к изменению политики стала Великая депрессия; в Великобритании антикапиталистическая политика ряда лейбористских правительств привела к устойчивому упадку экономики. Нельсен отмечает, что демократические лидеры чаще бывают не лидерами общественного мнения, а его невольниками: «При демократии резкая смена направления, особенно когда это затрагивает ценности, чревата поражением на ближайших выборах»².

Третьей формой политически мотивированных изменений культуры являются социальные движения, такие как феминизм и движение за охрану среды. В авторитарных обществах социальные движения могут привести к революции, примером чему может служить движение «Солидарность», способствовавшее краху коммунизма в Польше. В демократических обществах следствием мо-

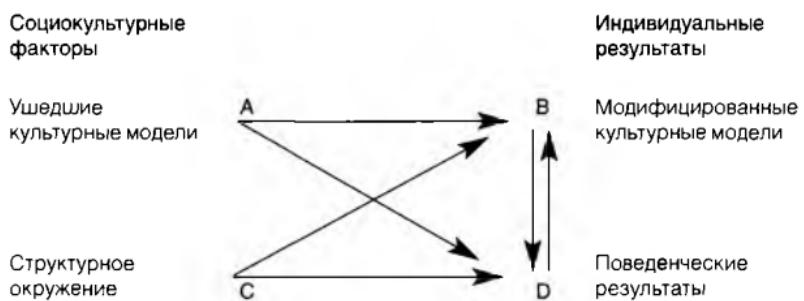
жет стать изменение политического баланса: рост рабочего движения в Соединенных Штатах в свое время укрепил позиции Демократической партии, особенно в период администрации Франклина Рузвельта.

Нельсен заключает: «Эти три формы политического влияния на культуру не исключают друг друга. За большинством изменений стоит действие ряда факторов, но в основе почти всегда лежат внутренние или внешние сопоставления, приводящие к обострению сознания»³.

Модель Паттерсона

Чтобы проиллюстрировать, как работает его модель, Паттерсон использует историю американских негров, или афроамериканцев. В этом сценарии поведенческим результатом, который он анализирует, является высокий уровень отказа американских негров от воспитания собственных детей.

Рисунок 3.1. МОДЕЛЬ ПАТТЕРСОНА

Пункт А, ушедшая культурная модель, — это взаимоотношения между мужчиной и женщиной, находящимися в рабстве. Такие отношения убивают чувство отцовской ответственности, потому что «большинство мужчин не живут регулярно со своими партнершами». Во многих случаях эти отношения между партнерами, живущими на разных плантациях, «и у трети [мужчин-рабов] не было стабильных союзов»⁴. Ослаблению отцовской ответственности способствовала и сохранившаяся в условиях рабства африканская традиция «материнской семьи», в которой отношения между матерью и детьми имеют куда большую ценность, чем отношения с отцом. То же самое можно сказать о связанной с этим и также сохранившейся в условиях рабства традиционной независимости женщин. Наконец, по словам Паттерсона, «у мужчин-рабов не

было того, на что опирались все другие мужчины для подчинения женщин, — контроля над собственностью»⁵.

Безответственность мужчин в отношении собственных детей дополнительно усилилась в период расовой дискриминации, когда огромное число бывших рабов мужского пола стали издольщиками. Теперь их доход напрямую зависел от количества доступных рабочих рук, способных обрабатывать землю, так что без детей было уже не обойтись. Но восприятие детей как рабочей силы не способствовало укреплению отцовского инстинкта. Более того, Паттерсон полагает, что оскорбительное обращение с черными мужчинами (в предельных ситуациях — кастрация и линчевание) создали психологическую атмосферу, в которой мужчины-негры только одним способом могли «доказать свою ценность» — через сексуальные победы. В результате усилилась сплоченность негритяночек и укрепились связи между женщинами и их детьми.

Пункт С на диаграмме обозначает структурное окружение: «безработица, низкий доход, сегрегация в местах проживания, расовая и половая дискриминация при найме на работу»⁶. Паттерсон причисляет к числу структурных факторов и воздействие программ социальной помощи, глубокое влияние черных атлетов на систему ценностей негритянских мужчин и приток малоквалифицированных иммигрантов.

Паттерсон заключает: «Таким образом, у нас А и С ведут... к разновидностям В, ведут к... моделям сексуального и отцовского поведения молодых черных мужчин, выраженным в D, что, в свой черед, поощряет соответствующее отношение к обществу и труду (DB) и стиль жизни в гетто. Это усиливает... сексуальное хищничество и ослабляет надежду на отцовское покровительство. В этом контексте противостояния господствующим в обществе нормам еще усиливается вероятность того, что в D будут актуализированы модифицированные модели сексуального и отцовского поведения... Есть основания сделать следующий вывод: для большого числа живущих в городах молодых черных мужчин из низшего класса эти модели стали нормативными, так что они при всякой возможности действуют в соответствии с ними»⁷.

Инструменты и институты

Общество поддерживает культурную преемственность с помощью разнообразных инструментов и институтов, которые обеспечивают передачу ценностей и установок от поколения к поколению и, пред-

положительно, могут быть использованы для модификации этих ценностей и установок. Главные инструменты и институты объединены в несколько рубрик: воспитание детей, образование, медиа и лидерство. Религия, которой должна быть посвящена пятая рубрика, оказывает на культурные ценности и установки настолько мощное влияние и к тому же столь разнообразна, что я посвятил ей отдельную главу, которая следует за этой.

Воспитание детей

Джером Каган

Специалист по психологии развития из Гарвардского университета Джером Каган участвовал в исследовательском проекте «Культура имеет значение» с самого начала, с 2002 года, и является соредактором сборника «Развивающиеся культуры: эссе о культурных изменениях». В его собственной статье для этого сборника рассматриваются связи между методами воспитания детей и прогрессом в достижении трех целей: демократического правления, социальной справедливости и материального процветания, созвучных духу Всеобщей декларации прав человека. Нижеследующее представляет собой прямое заимствование из его эссе «Моральные ценности и культура».

Демократия

Антропологи предполагают, что первые люди жили общинами, считались с мнениями соседей, откликались на просьбы о помощи и следовали моральным требованиям тех социальных категорий, к которым принадлежали. В первые 80–90 тысячелетий существования человечества люди не придерживались принципов равенства и демократии. Отсюда следует, что три ценности, продвигаемые проектом «Культура имеет значение», не являются приоритетными с точки зрения биологии человека.

Для продвижения демократической этики требуется, чтобы семья поощряла в детях чувство личной значимости (*agency*), для чего нужно дать почувствовать сыновьям и дочерям, что у них есть возможность оказывать влияние на семью. Попросту говоря, чтобы укрепить в ребенке чувство собственной значимости, нужно с ним советоваться, спрашивать его мнение, а при возможности учитывать его предпочтения. Психологи называют родителей, действующих подобным образом, *властно-демократическими*. Исследования показывают, что в Европе и Северной Америке родители

подобного типа чаще встречаются среди выпускников университетов. Это не означает, что родители с более низким уровнем образования не в состоянии воспитывать детей таким образом; просто, когда люди сами не чувствуют в себе особой силы и значимости, им труднее поверить, что в детях нужно воспитывать глубокую веру в свою силу.

А вот представление о том, что все члены сообщества должны иметь равные возможности влиять на его будущее, продвигать труднее, нежели чувство собственной значимости, так как оно требует от ребенка понимания разницы между экономической выгодаю и символами статуса, с одной стороны, и политической привилегией — с другой. В отличие от чувства значимости, которое может возникнуть до семи лет, эта более абстрактная идея должна дожидаться полового созревания, когда развивающиеся умственные способности позволяют молодым людям понять, что жизненные интересы сообщества порой должны иметь приоритет над желаниями индивида. Для продвижения этой идеи недостаточно системы поощрений и наказаний, она требует, чтобы родители разговаривали с детьми, обсуждали существенные проблемы. Действовать надо с умом, в тот момент, когда контекст позволяет преподать этот урок.

Как нельзя лучше подходит в этом отношении ситуация, при которой кто-либо из отдельно живущих членов семьи остается в одиночестве или заболевает. Навещая его, нужно обязательно взять ребенка с собой, даже если у него на этот день намечены свои планы: таким образом, семья учит тому, что поддержание семейных связей может быть важнее личных желаний. Подчеркивая социальные категории семьи, клана, этнической группы и религии, к которым принадлежит ребенок, и объясняя ему, почему требования этих групп должны быть приоритетными, родители готовят ребенка к тому, чтобы распространить эту привилегию и на государство.

Социальная справедливость

Убедить ребенка, что обедневшие или лишившиеся гражданских прав члены общества заслуживают сочувствия, так же трудно, как и то, что все должны обладать равными политическими правами. Но в решении этой задачи у родителей есть союзник. Природа наделяет всех — кроме очень небольшого числа детишек с врожденными особенностями — способностью сочувствовать тем, кто страдает от физических или психических недугов. В каждом ребенке легко пробуждаются сочувствие и желание помочь склонящему

щенку или плачущему малышу. Это чувство, в котором Юм видел основу человеческой нравственности, дает возможность преподать идею социальной справедливости.

Если регулярно напоминать детям о лишениях, испытываемых выпавшими из общества гражданами, в них к моменту созревания возникнет желание заботиться о нуждающихся в помощи чужаках. Разумеется, очень полезно, если родители не ограничиваются в этом деле одними разговорами, но и сами реализуют подобное сочувствие. Большинство детей отождествляют себя с родителями, и им будет легче поверить в обоснованность такой установки, если они увидят, как ее на практике реализуют их образцы для подражания. Одни только слова, сказанные родителями, но не подкрепляемые ежедневно на деле, зачастую не в состоянии поддержать в детях сильное сочувствие и желание помочь тем, кто испытывает нужду.

Материальное процветание

Экономическое процветание основывается на этике, которая подчеркивает внутреннюю ценность личных достижений, т.е. на трудовой этике, в которой преимущество приносят личные достижения. Многие отмечали, что такой подход, бывший частью проповеди Лютера, является основой процветания протестантских обществ. Эта норма, общая для Северной Америки и части Европы, требует подавления тревоги, возникающей от сознания, что «ты лучше других».

Представление, согласно которому успех предполагает следование трудовой этике, ведет к выводу, что бедные не усвоили ее или не следовали ей. Мол, если бы они следовали трудовой этике, то не испытывали бы материальных лишений. А значит, сочувствие им не является моральным императивом, ибо они бедствуют по собственной вине. Как и в случае с абстрактной идеей того, что интересы сообщества бывают важнее личных, родители должны объяснить ребенку, что некоторые люди не в силах улучшить свое материальное положение из-за структурных особенностей общества, а не в силу своих моральных ошибок и недостатков.

Что следует делать?

Цель исследовательского проекта «Культура имеет значение» состоит в том, чтобы народы, не достигшие политической демократии, экономического процветания и не создавшие систему помощи нуждающимся, могли провести изменения, которые позволят до-

стичь этих целей — если им этого захочется. Общество может обладать любым из этих трех качеств, не обладая двумя другими. Во многих латиноамериканских и африканских странах наличествуют все основные признаки политической демократии, но нет никакого процветания и социальной справедливости. При председателе Мао Китайская Народная Республика заботилась о положении крестьян, но оставалась тоталитарным государством. Достичь всех трех целей можно только при одном условии: те, кто обладают политической властью, будь это диктатор или избираемое собрание представителей, должны признать права большинства и обеспечить нуждающихся необходимыми ресурсами и правовой защитой.

Но для того чтобы эти изменения оказались прочными и устойчивыми, необходимо принять определенные ценности. Принятие морали, сочетающей демократию, социальную справедливость и экономическое процветание, требует, чтобы в процессе социализации семья, школа и медиа привили молодым веру в следующие четыре суждения:

С помощью образования и сознательного использования собственных талантов каждый может улучшить свое экономическое и общественное положение. В менее развитых странах многие граждане придерживаются фаталистического представления, что они являются пассивными жертвами общественных сил, на которые не в силах повлиять, — и зачастую не без оснований. Поэтому нет никакого смысла заботиться о развитии своих способностей и трудиться для достижения цели. Такую установку можно назвать «идеологией беспомощности».

Политическая и судебная системы в общем случае действуют честно и справедливо, а потому от каждого ждут соблюдения закона и наказывают за его нарушение.

Люди из социальной группы, пострадавшей от предрассудков, обладают достоинством, имеют право на защиту от нетерпимости и возможность улучшить свою жизнь. Вера в то, будто некоторые социальные группы от природы менее способны или менее добродетельны, чем большинство, и будто винить в этом можно только историческое происхождение или некие биологические особенности, является важнейшим препятствием для достижения обозначенных выше целей. Отчасти именно поэтому Руанда, Гва-

темала, Нигерия и Россия не так богаты, как Ботсвана, Коста-Рика, Чили и Китай.

Более того, отождествление с народом в целом должно быть сильнее, чем отождествление с племенем, кланом или регионом. Преимущество Америки, как отметил Токвиль почти двести лет назад, состоит в том, что большинство американцев верят, что принадлежат к одной и той же национальной группе, а потому они восприимчивы к идеи, что все граждане от природы имеют равное достоинство и, следовательно, право на равные возможности и равную защиту закона.

Накопление богатства, обычно приносящее положение в обществе, — это добродетель; если видишь, что кто-то живет намного лучше соседей, не следует только на этом основании предполагать, что он действовал аморально.

Для того чтобы большинство поверило в эти идеи и приняло их, нужны согласованные действия семьи, школы и средств массовой информации. Семья отвечает за воспитание в детях настойчивости, стремления к успехам в учебе и самостоятельности и должна наказывать за отсутствие ответственности, плохие отметки, чрезмерную зависимость и пассивность. Родители, являющиеся для своих детей образцом для подражания, должны и в повседневной жизни демонстрировать эти желаемые качества в своем поведении.

Луис Диего Эррера

Статью о воспитании детей для проекта «Культура имеет значение» подготовил коста-риканский детский психиатр Луис Диего Эррера, который практиковал и в Соединенных Штатах. Он исследует методы семейного воспитания в Коста-Рике, по его мнению, типичные для всей Латинской Америки, и увязывает их с моделями поведения, тормозящими прогресс общества в целом. Коста-Рика довольно сильно отличается от большинства других стран Латинской Америки: в ней сильны демократические институты, и можно было бы усомниться в том, что коста-риканские дети могут представлять весь регион. Более того, Эррера фокусирует внимание на семьях среднего и высшего среднего класса, которых в Коста-Рике пропорционально больше, чем в большинстве других стран Латинской Америки, поэтому правомерен вопрос о том, следуют ли в семьях низшего класса тем же методам воспитания детей. Однако автор, признавая обосно-

ванность этих сомнений, убежден в том, что его обобщения верны, и опирается при этом на свой обширный опыт работы в других странах Латинской Америки и в Соединенных Штатах.

Многие из критических замечаний Эрреры могут быть отнесены к воспитанию детей и в других странах, в том числе в США. Но психиатр полагает, что значение имеет степень проявляемой заботы; он усматривает в методах воспитания детей в Коста-Рике (и в Латинской Америке в целом) следующие шесть недостатков:

1. Родители слишком озабочены здоровьем своих детей и чрезмерно им потакают, а в результате неприятности, стресс и тревога превращаются в симптомы телесного нездоровья: «Видный коста-риканский врач как-то заметил, что костариканцев легко разделить на две категории: на уставших и страдающих головной болью»⁸.

2. Методы воспитания детей в Коста-Рике подрывают чувство ответственности, стирают границу между честностью и ловкостью. Прежде всего, в испанской культуре не получила достаточного развития сама идея ответственности, о чем свидетельствует отсутствие в испанском языке слова, точно передающего эту идею. «Повседневный язык позволяет выставить себя безответственным. Когда кто-то что-то разбил, потерял, или поломал, или совершил какую-либо ошибку, в испанском это выражает безличный глагол в пассивном залоге: разбилось, потерялось, поломалось, — но не говорится: „я сломал“, „я потерял“, „я разбил“»⁹.

Более того, «детей приучают к взаимно противоречивым нормам поведения: от них ждут соблюдения правил, но если дети их нарушают, то считается очень важным, чтобы они могли выкрутиться. Умение оставаться непойманым воспринимается как признак ловкости и сообразительности, что подрывает моральное обязательство следовать правилам. Обычно родители с гордостью рассказывают о том, как их малыш сумел схитрить, умно соврать или изобретательно обмануть, т.е. размывают границу между честностью и ловкостью, — примечательная мораль, в которой награды заслуживает скорее мошенничество, нежели честность».

В своей этапной книге «Общество достижений» психолог Дэвид Макклелланд говорит о влиянии детских сказок на интернализируемые детьми ценности и установки. Он отмечает: «Есть серия читаемых на ночь детских книжек, главным героем которых является Tio Conejo (Дядюшка Кролик). Главный смысл его при-

ключений таков: если хочешь добиться своего, то лучше быть пронырливым и хитрым, чем честным и правдивым. Для Коста-Рики и других латиноамериканских стран это точное указание на то, что, получив санкцию культуры, может обернуться [дисфункциональным] поведением»¹⁰.

3. Чрезмерная заботливость коста-риканских родителей может заставить детей забыть о том, что значит быть самостоятельным. Родители часто выполняют за детей их домашние задания, выбирают им друзей, решают их повседневные проблемы. (Может показаться, будто то же самое относится к другим странам, в том числе Соединенным Штатам, но Эррера настаивает, что в Латинской Америке проблема намного серьезнее.) Взрослые не дают своим чадам возможности почувствовать себя по-настоящему успешными или развить в себе чувство собственного достоинства. «Даже если чрезмерная забота не лишит их самоуважения, она может иметь другое вредное последствие — воспитать ни на чем не основанное сознание своей выделенности, уникальности и утонченности, которое будет результатом не собственных усилий и достижений, а всего лишь отражением излишней родительской активности. Как следствие — развивается представление, что человеку все должны»¹¹.

4. Коста-риканские родители воспитывают в детях уклончивость и неумение проявлять твердость. В общении латиноамериканцы склонны к многословию и уклончивости. Ничто не говорится напрямую, все только иносказательно, чтобы никоим образом не огорчить собеседника, не поссориться с ним. Эта черта особенно очевидна, когда обсуждаются неоднозначные или волнующие темы¹². Детей приучают к тому, что уверенность обязательно приведет к одному результату из двух — к уступке или враждебному противостоянию. Идея сдержанной, но эффективной уверенности не получила достаточного развития в латиноамериканской культуре.

Эррера продолжает: «Если к уклончивости и боязни проявить твердость добавить слабое акцентирование ответственности, неформальное поощрение обходных путей и увиливания от наказаний, получаем все условия для того, чтобы дети прибегали к „противозаконным“ стратегиям самоутверждения и достижения того, чего от них ждут. Эти сомнительные стратегии могут закрепиться в характере и мировоззрении, и тогда во взрослой жизни мы получаем разращенность и неуважение к закону»¹³.

5. Коста-риканские родители демонстрируют авторитарный и непоследовательный стиль воспитания. «[Общепринятые] взгляды на то, как дети усваивают ценности, поддерживают идею, что дисциплина, опирающаяся на силу, особенно в отсутствие других оснований, вредна для морального развития детей; напротив, отказ от давления, теплота и аргументация оказывают положительное влияние на усвоение ценностей. Согласно этим взглядам, принуждение тормозит развитие нравственного сознания, тогда как обсуждение дает детям возможность воспринять чужие психологические сценарии и, следовательно, воспитывает сочувствие и уважение к другим.

Для анализа того, как латиноамериканские родители осуществляют свою власть, важны результаты, полученные Дианой Баумринд¹⁴; они, в частности, показывают различия между двумя стилями воспитания — авторитетным и авторитарным, или деспотичным. Родитель, пользующийся авторитетом, практикует демократичный стиль общения, но при этом недвусмысленно доводит до сознания ребенка свои требования, устанавливает четкие правила, определяет допустимые границы. Дети авторитетных родителей демонстрировали более адаптивное поведение, проявляли большую ответственность и понимание»¹⁵.

В своей врачебной практике Эррера часто сталкивается с родителями, которые в раннем возрасте позволяют ребенку буквально все, а потом ведут себя деспотично. По его словам, «двуихполюсное» воспитание «может стать источником путаницы в детских мозгах и помешать усвоению сбалансированного, справедливого и рационального использования власти... Деспотичность, отказывающая детям в возможности договариваться о правилах поведения и ценностях, ослабляет их способность к нравственному суждению... А если способность к нравственному суждению развита недостаточно, подавленной оказывается способность принимать решения исходя из принципов и правил, и тогда на первый план выходят эгоистичные и импульсивные решения, а мыслей о последствиях и общем благе не возникает. Короче говоря, в результате дети не очень хорошо умеют руководствоваться правилами»¹⁶.

Эррера заключает: хотя непоследовательное воспитание имеет место не только в Латинской Америке, «такой подход, в сочетании с другими особенностями воспитания, о которых говорилось выше, создает в нашей культуре предрасположенность к недостаточной настойчивости, низкому уровню ответственности за свои действия и неспособности воздерживаться от немедленного удовлетворения своих желаний»¹⁷.

6. Коста-риканский стиль воспитания подрывает способность заботиться о будущем и воздерживаться от немедленного получения удовольствия. «Детей в Коста-Рике воспитывают таким образом, что они на ранних этапах развития не усваивают идеи планирования, альтернативных вариантов будущего и необходимости быть готовым к трудностям. В поведении это проявляется как неспособность отложить удовольствие на будущее, и подобная невоздержанность буквально поощряется стилем воспитания. Вероятным результатом заложенного в культуре невнимания к будущему является отвращение к сбережениям и к разработке продуманной стратегии распределения ограниченных ресурсов... Откладывание на завтра широко распространено в нашей культуре, возможно, больше, чем в других странах Запада. Детей приучают к тому, что, если они не успели вовремя сделать домашнее задание или выполнить свои домашние обязанности, можно придумать какие-нибудь отговорки, а то даже и так сойдет, и за этим не последует обязательного наказания... Все это мешает увидеть связь между поведением и предполагаемыми результатами и, соответственно, ослабляет способность заботиться о будущем»¹⁸.

Любопытно, что в отношении арабских стран также подчеркивается необходимость изменить методы воспитания: «Исследования показали, что самый распространенный стиль воспитания в арабских семьях складывается из сочетания деспотизма и чрезмерной защиты. Это сужает зону независимости детей, мешает им выработать уверенность в себе и умение действовать эффективно, воспитывает в них пассивность и нерешительность. На мышление детей сильнее всего воздействует подавление любознательности, инициативы и исследовательского поведения»¹⁹.

Для исправления разрушительных аспектов воспитания детей в Латинской Америке Эррера рекомендует следующие меры:

В дошкольном и школьном воспитании должны быть курсы, посвященные ценностям. Школы должны сотрудничать с родителями, чтобы те активно участвовали в идентификации тех ценностей, к которым их детей будут приучать в классах. Более того, дети должны совместно с родителями выполнять те домашние задания или работать над теми проектами, которые требуют активного обсуждения ценностей.

Врачи, медсестры и социальные работники частного и государственного секторов должны, помимо всего прочего, объяснять родителям, что необходимо приучать детей обуздывать свои импульсы; нужно учить родителей устанавливать границы и использовать ненасильственные, эффективные методы приучения детей к дисциплине.

Нужно добиться того, чтобы медиа обратились к теме социальной ответственности и сообщали о проявлениях коррупции, неуважения к закону и безответственности в частной и общественной жизни как о проблемах, затрагивающих всех граждан.

Есть еще один инструмент модификации традиционных методов воспитания детей — обучение родителей.

Образование

Обучение родителей:

Шарон Линн Каган и Эми Лоуэнстейн.

Шарон Линн Каган преподает в Йельском и Колумбийском университетах. Эми Лоуэнстейн учится в докторантуре Джорджтаунского университета.

В последние годы формальное обучение родителей делается все более популярным, прежде всего в развитых демократических странах. Но главным образом оно касается приемов воспитания и необходимых изменений в поведении, тогда как вопрос о ценностях почти не затрагивается. Отчасти игнорирование вопроса о ценностях объясняется представлением, будто это исключительно дело родителей.

Однако из всего уже сказанного о воспитании очевидно: то, как родители обращаются с детьми, непосредственно влияет на то, какие ценности усваиваются в детском возрасте. Дело не сводится к тому, чтобы ввести проблему ценностей в программу обучения будущих родителей, хотя и это, конечно, желательно. Но если родители пытаются передать демократические ценности, а ведут себя при этом деспотично, у детей возникнет путаная картина мира. Интересно, что Каган и Лоуэнстейн тоже ссылаются на работу Дианы Баумринд с ее тремя стилями воспитания: авторитетным, авторитарным и попустительским (permissive), определенно отдавая предпочтение авторитетному.

Что касается включения вопроса о ценностях в обучение родителей, Каган и Лоуэнстейн приходят к заключению:

Нужно заново пересмотреть задачи обучения родителей и относиться к нему не только как к инструменту изменения поведения, но и как к механизму ускоренного внедрения ценностей. Хорошей стартовой позицией является позиция ООН в отношении прав человека, с широтой ее целей и упором на социальную справедливость. Следует обращать внимание на то, что конечными целями выступают социальная справедливость, демократическое правление и процветание. Могут быть определены и промежуточные цели, которые, как указывают литературные источники, им соответствуют. Например, установлены связи между такими целями, как доверие и терпимость, с одной стороны, и демократическое правление, социальная справедливость и процветание — с другой. Можно рассмотреть одну за другой все тринацать добродетелей Бенджамина Франклина (умеренность, немногословие, порядок, твердость характера, бережливость, трудолюбие, искренность, справедливость, уравновешенность, чистоплотность, спокойствие, простота и скромность) — с точки зрения современного понимания задач обучения родителей. Можно использовать и двенадцать пунктов закона бойскаутов: скаут должен быть надежным, верным, готовым прийти на помощь, дружелюбным, обходительным, сердечным, заботливым, послушным, жизнерадостным, опрятным, отважным, почтительным.

Включение в программу обучения родителей вопроса о ценностях должно стать первостепенной задачей для министерств образования и социальных агентств (*human services agencies*) во всем мире. Но очень полезны были бы и особые курсы обучения будущих родителей.

В целом необходимо:

- Делать различие между программами, нацеленными только на изменение поведения, и теми, что имеют целью изменение как поведения, так и ценностей.
- Наметить ценности, которые подлежат продвижению.
- Позаботиться о том, чтобы содержание обучения родителей отражало желательные ценности.
- Увязать стратегию и план обучения с ценностями.
- Утвердить систему/системы эффективного продвижения ценностей.

- Создать инфраструктуру адекватной поддержки обучения родителей²⁰.

Воспитание личности: Томас Ликона

Подобно обучению будущих родителей и воспитанию гражданственности (civic education), воспитание личности — акцентирование морали и нравственности в курсе начального и среднего образования — привлекает все большее внимание в Соединенных Штатах и в других странах. Хорас Манн, отец американской системы государственного образования, считал формирование личности высшей целью образования. Публицист Карлос Альберто Монтанер, участвующий в проекте «Культура имеет значение», говорит: «Образованию приходится иметь дело с личностью. Ему приходится иметь дело с дисциплиной, уважением к нормам поведения, интеллектуальной честностью, поиском совершенства, с выполнением обязательств, пунктуальностью, научным любопытством, решением проблем и всеми остальными достоинствами, характерными для самых развитых людей планеты»²¹.

В своем эссе о воспитании личности Томас Ликона, специалист по возрастной психологии и профессор кафедры проблем системы образования Университета штата Нью-Йорк в Кортленде, пишет:

Личность имеет значение. Личность необходима обществу для того, чтобы оно не только выжило, но и могло бы продолжаться вперед, заботясь о чувстве собственного достоинства и развитии каждого из своих членов. Для поступательного изменения культуры необходимо широкое усвоение таких ценностей, как демократия, социальная и экономическая справедливость, честность, личная инициатива и ответственность. Эти ценности должны стать качествами личности — привычками ума, сердца и поведения — у подавляющего числа граждан. Развитая личность позволяет культуре процветать, а человеку — вести наполненную жизнь.

...Как подчеркивали авторы «Федералиста», демократия — это правление народа; сам народ, сами люди несут ответственность за создание и сохранение свободного и справедливого общества. Это означает, что народ — или по крайней мере критическая масса граждан — в некоем существенном смысле должен быть хорошим. Люди обяза-

ны понимать, что именно является нравственным фундаментом демократии, обязаны нести ответственность за поддержание уважения к правам человека, добровольного подчинения закону, заботы об общем благе. Создатели конституции полагали, что верность этим демократическим добродетелям следует воспитывать с младых ногтей²².

Какие черты должны быть целью воспитания личности? Каждому обществу придется ответить на этот вопрос самостоятельно. Но базирующаяся в Калифорнии коалиция «Character Counts!» («Личность имеет значение!») успешно продвигает шесть основных «опор», которые должны иметь всеобщую значимость: надежность, уважение, ответственность, честность, заботливость и гражданственность. Ликона предлагает другую формулировку: «Наш центр воспитания личности в Кортлендском колледже Университета штата Нью-Йорк продвигает десять основных достоинств, которые одобряют практически все философские, религиозные и культурные традиции: мудрость, справедливость, стойкость, самообладание, любовь, позитивное отношение к миру, трудолюбие, целостность, благодарность и скромность»²³.

На связь между совершенствованием методов воспитания детей и воспитанием личности однозначно указывает Луис Диего Эррера в статье, написанной до его встречи с Ликоной на первой конференции проекта «Культура имеет значение» (в марте 2003 года): «Томас Ликона в его этапной книге „Воспитание личности“ отмечает, что „долгосрочный успех нового подхода к воспитанию личности зависит от сил, действующих за пределами школы, — от того, в какой степени семьи и общественные организации присоединяются к школе, чтобы общими усилиями удовлетворить потребности детей и обеспечить их здоровое развитие“»²⁴.

Воспитание гражданственности:

Ричард Ниеми и Стив Финкел

Ричард Ниеми, политолог из Рочестерского университета, исследовал развитие воспитания гражданственности в Соединенных Штатах. Стив Финкел, политолог, прежде работавший в Виргинском университете, а теперь — в Питтсбургском, изучал воспитание гражданственности в других местах, в том числе в странах Африки и Латинской Америки. Резюме их совместного эссе о воспитании гражданственности выглядит так:

На протяжении жизни целого поколения или дольше воспитание гражданственности [в Соединенных Штатах] считалось делом старомодным, неэффективным и, соответственно, ненужным. Хотя альтернативные взгляды никогда как следует не формулировались, все как будто предполагали, что молодые люди автоматически — то ли на основании жизненного опыта, то ли из объяснений родителей или из образовательных курсов — получают знания и установки, приличествующие гражданам демократической республики. Или наоборот: возможно, все сочли, что знания и установки, которым учили прежде, больше не нужны (да и всегда были не нужны). Теперь, однако, в свете распространившегося безразличия, отстранения и недоверия, особенно среди молодых, наше внимание опять привлек вопрос о том, какие граждане требуются демократическому обществу.

По ходу дела мы укрепились в ряде давнишних убеждений и пришли к ряду новых:

- Образование — это главный фактор гражданской и политической жизни и поддерживающих ее установок. Образование во многом определяет политические интересы. Образование способствует интересу к политике (пассивному участию) и активному участию в ней. В целом образование способствует политической толерантности.
- Образование поддерживает политическую ответственность на местном и национальном уровнях и укрепляет чувство соучастия (политической действенности).
- Воспитание гражданственности само по себе является компонентом подготовки к жизни в демократическом обществе. Воспитание гражданственности следует начинать в раннем возрасте. И продолжать его вплоть до получения человеком среднего образования. Оно должно пронизывать многие учебные курсы — не только те, что специально посвящены подготовке к политической жизни, но также курс истории и другие общественные дисциплины.
- Важный компонент воспитания гражданственности — организация учебного процесса («климат классной комнаты»). Нужно поощрять учащихся следить за текущими событиями и обсуждать их. Нужно поощрять их к свободному и открытому обсуждению противоречивых

общественных и политических вопросов. Нужно поощрять студентов думать о проблемах своей школы и о том, как их решать. Советы учащихся — это превосходный способ показать учащимся, как можно решать проблемы школы, и приучить их к участию в решении таких проблем.

Учителя и администрация школ должны быть защищены от чрезмерной критики в ходе обсуждения противоречивых вопросов при условии, что они участвуют в них ответственно и беспристрастно.

- Хорошим способом подготовки молодых людей к выполнению гражданского долга — при правильном подходе — является общественно полезная работа. Постоянное, долговременное участие в такого рода деятельности намного полезнее, чем эпизодическая гражданская активность. Предпочтение следует отдавать проектам, направленным на удовлетворение реальных потребностей, а не чисто формальным, которые проводятся просто „для галочки“. Не столь ясен вопрос об обязательном участии в общественно полезных работах: добровольность создает условия для сознательного и активного участия, а обязательность может вызвать протесты. Вопрос о том, как встроить общественно полезные работы в курс академического обучения, следует решать в опытном порядке — искать и опробовать самые эффективные подходы.

- Семья остается главным участником общественного и политического развития. На отношение молодых людей к миру сильно влияют их родители, особенно если последние в чем-то убеждены и настаивают на своей правоте. Политическое поведение человека во многом формирует родительский пример. К тому же без поддержки родителей трудно организовать качественный процесс воспитания гражданственности.

- Воспитание гражданственности приобретает все более существенное значение в жизни новых демократических стран Восточной Европы, Латинской Америки, Азии и Африки. Программы воспитания гражданственности, финансируемые Соединенными Штатами и другими международными донорами, широко внедряются не только в области формального школьного образования, но и в многочисленных сельских и городских программах для взрослых. Они

нацелены на распространение знаний, ценностей, навыков и желания участвовать в общем деле, которые необходимы для поддержания политической культуры демократического общества. Система воспитания гражданственности у взрослых может быть очень важным элементом повышения политической активности населения.

- В разных странах используются разные методы воспитания гражданственности, но цели информированных, активных и сознательных граждан в основном одинаковы, и то же самое относится к принципам, направляющим воспитание нового поколения в духе гражданской активности и ответственности²⁵.

Реформа образования:

Фернандо Реймерс и Элеонора Виллегас-Реймерс

Системы образования — в их философском и организационном аспектах — суть отражение ценностей общества и инструмент их увековечивания. Вот почему реформа образования может явиться ключевым компонентом изменения культуры.

Фернандо Реймерс (гарвардская докторантура по образованию) и Элеонора Виллегас-Реймерс (Уиллок-колледж) написали эссе о реформе образования для исследовательского проекта «Культура имеет значение». Хотя пишут они о проблемах Латинской Америки, их анализ и рекомендации значимы и для других отсталых регионов, о чем свидетельствует уже вступительный абзац этой работы: «Среди общественных институтов, способствующих развитию общих ценностей и норм поведения, ни один — исключая, вероятно, семью — не обладает таким же влиянием, как школа, особенно с учетом того, сколько времени проводит в ней каждый в критически важный период становления личности, никакой другой не оказывает столь мощного воздействия на умы и сердца... Извилистый путь исторической эволюции гражданских свобод и прав человека в Латинской Америке не дает никаких гарантий относительно того, насколько открытыми окажутся здешние общества в будущем — возможны любые сценарии, зависящие преимущественно от того, какие умственные навыки получит молодежь»²⁶.

1. В Латинской Америке школы не обеспечивают равные возможности обучения для всех. Дело не в том, что все дети учатся по-разному, в меру своего прилежания или способностей. Дело скорее в том,

что из поколения в поколение преобладающая часть образовательных учреждений региона больше преуспеваю в воспроизведстве или увеличении социальных различий, нежели в их нивелировании, о чем свидетельствует неотступающая проблема значительного неравенства в распределении дохода, богатства, земли и возможностей в большинстве стран Латинской Америки... Дети из бедных семей ограничены в доступе к среднему и высшему образованию. Причина отчасти заключается в том, что государственных средних школ и университетов просто не существует в достаточном количестве, и спрос на образование превышает предложение. Но, кроме того, нет и адекватных финансовых механизмов, которые позволяли бы учащимся с низкими доходами вкладывать свое время в образование; плюс к этому многие из малообеспеченных молодых людей не получают тех знаний, которые необходимы для поступления и учебы в университете. Иными словами, среднее образование сегментировано, и учащиеся из семей с низкими доходами зачастую получают образование низшего качества.

Состояние дел в школах соответствует делению общества на две разные группы с крайне низким уровнем мобильности между ними, так что социальное происхождение оказывается и социальным предначертанием. В самом деле, за последние несколько столетий задача образовательных учреждений Латинской Америки состояла в том, чтобы увековечивать этот набор феодальных ценностей и соответствующих норм общественной жизни. В Латинской Америке не получила широкого распространения идея, что все люди имеют равные права, в том числе право на хорошее образование, и отчасти из-за этого в сфере образования сохраняется вопиющее неравенство, которое препятствует процессу формирования социального капитала и увековечивает раздробленность общества, бедность и неравенство.

2. В Латинской Америке систему образования пронизывает авторитаризм, при котором правительственные чиновники нередко смешивают служение обществу с улаживанием своих частных делишек. «Надменные [политические] элиты не видят большого смысла в том, чтобы читать работы, оценивающие состояние дел, или задавать какие-либо вопросы тем, кто мог бы дать совет, так как верят, что в силу своих постов и положения и сами знают все нужные ответы. Верят они и в то, что им известны проблемы, требующие безотлагательных решений. Поскольку они действуют в контексте,

в котором им не приходится отвечать за свои действия, систематическая неэффективность системы образования в Латинской Америке сохраняется с изумительным постоянством»²⁷.

3. Неполноценность школ в качестве образцов и инструментов продвижения демократического участия усиливается ограниченностью возможностей родителей участвовать в деятельности школ. В регионе существует значительное неравенство возможностей для участия родителей в работе школьных наблюдательных советов. Дело в том, что во многих школах вовсе нет подобных советов, а там, где есть, они состоят исключительно из преподавателей. Еще более ограничены возможности учащихся участвовать в деятельности подобных советов... Но и это лишь часть истории. Многие родители просто не интересуются тем, что происходит в школах.

4. Низкий уровень успеваемости в Латинской Америке... помимо прочего объясняется тем фактом, что учителя плохо учат, в частности не учат детей думать самостоятельно и ценить то, что у них есть такая возможность. Но было бы неправильно винить во всем только учителей. Недостатки школ — это результат многих факторов, в том числе и того, что культура в Латинской Америке не поощряет доверие, сотрудничество и свободу.

Как и во многих других регионах, учителя в Латинской Америке сильно бы выиграли, если бы имели более качественную профессиональную подготовку. Как правило, они получают очень плохое образование; многие не выбирают учительскую профессию, а попадают в школы потому, что не смогли найти места в системе высшего образования. Большинство учителей являются выходцами из бедных семей; они получают крайне низкое жалованье и с трудом сводят концы с концами. Многие работают в двух и более местах, причем нередко подрабатывают вне системы образования.

Содержание курсов и программ подготовки учителей в каждой стране свое, но почти нигде не дают таких навыков, которые позволяли бы учить демократии или продвигать демократические нормы в жизнь. И даже если в школьную программу включен курс, нацеленный на развитие демократических навыков, знаний и установок, как это происходит во все большем числе стран, учителя просто не готовы к эффективному преподаванию. А потому они требуют лишь заучивания конституции страны, не прилагая усилий для развития критического мышления, логического рассуждения, умения

выступать публично и понимать гражданские ценности, что необходимо для участия в жизни демократического общества. Разумеется, и сами учителя не очень хорошо знакомы с демократией, потому что они — граждане своих обществ и продукт сложившихся культур.

В подготовке учителей господствует механическое заучивание, их не учат самостоятельному мышлению, а это дополнительное ограничивает возможность школ воспитывать сознательных граждан демократического общества.

5. Необходим курс воспитания гражданственности. В последние годы несколько стран Латиноамериканского региона начали развивать учебные программы, нацеленные на укрепление ценностей, необходимых для демократии, таких как уважение, толерантность, личная и социальная ответственность. Правда, учебные программы такого рода представляют собой лишь малую часть того, что может сделать и делает школа для воспитания демократического сознания и соответствующих навыков. Тем не менее необходимо продолжать и усиливать движение в этом направлении, ибо целенаправленное воспитание демократических навыков, установок и ценностей необходимо для существования и функционирования демократических обществ, особенно в тех случаях, когда сложившийся общественный климат не способствует спонтанному формированию соответствующих ценностей и навыков.

6. Учащиеся не располагают адекватными возможностями для развития независимости мышления. Если в ходе классных занятий учащиеся не только могут слушать преподавателей, но и получают возможность для самовыражения, самостоятельного обучения и для работы (индивидуально или в группе) над решением проблем, им легче развить независимость мышления и усвоить самый ценный урок, а именно: знание добывается личными усилиями, при соответствующем старании можно выучить что угодно, учиться способен каждый.

Но в большинстве школ Латинской Америки обучение строится как раз на противоположных принципах. Большую часть времени говорят сами учителя; они объясняют учащимся содержание предмета и требуют от них выполнения несложных задач, списывания с доски и конспектирования сказанного. Возможности учеников работать над исследовательскими проектами, которые соответствовали бы их интересам, сильно ограничены. Очень многие

учителя не уважают своих учеников и всячески их унижают. Учиться в такого рода школах скучно, и с незасушенными мозгами оттуда выходят только самые сильные и жизнерадостные.

Реймерс и Виллегас-Реймерс заключают:

Для того чтобы школы в Латинской Америке могли успешно готовить демократически ориентированных граждан, способных активно, с пониманием сути дела и беспристрастно участвовать в развитии своих стран, необходимо провести существенные изменения в культуре образования. Эти изменения включают: учебную программу, нацеленную на развитие демократических ценностей, навыков и установок; подготовку высокопрофессиональных педагогов; обновление системы образования, которая должна стать открытой для всех и ответственной перед обществом, учениками и их родителями. Эти изменения возможны и необходимы, но они произойдут, только когда политики и общественные лидеры столкнутся лицом к лицу со стимулами и санкциями, которые заставят их работать ради изменений в направлении демократии и социальной справедливости²⁸.

Средства массовой информации

Медиа — новости и публицистика:

Мариано Грondona и Карлос Альберто Монтанер

Мариано Грondona — обозреватель La Nacion, одной из ведущих ежедневных газет Буэнос-Айреса, и телеведущий чрезвычайно популярного в Аргентине еженедельного публицистического ток-шоу Hora Clave («Час разгадок»). Карлос Альберто Монтанер — самый читаемый обозреватель в испаноязычных странах; он — кубинский изгнаник, ныне живущий в Мадриде. Грondona и Монтанер пишут в своем эссе, что «усвоили грустный урок, надежно защищающий их теперь от возможной заносчивости: газетные обозреватели не „создают“ общественное мнение. Их задача — попытаться логично и элегантно выразить то, что так или иначе, пусть в бессистемной и отрывочной форме, чувствуют и понимают все остальные. Авторы передовиц даже не „создают“ читателей. Они их всего лишь находят. Они собирают их и поддерживают в них интерес к газете, которую эти читатели привыкли покупать»²⁹.

Это означает, что в большинстве случаев публицист не столько влияет на публику, сколько проповедует перед обращенными. «Интерес читателя ко всем разделам газеты неодинаков... Он хочет знать, что случилось в Косово, чем закончились торги на Нью-Йоркской фондовой бирже, как сыграла его любимая команда. Но-вости могут его огорчить или обрадовать, но едва ли способны всерьез его тронуть... он редко принимает информацию близко к сердцу. А вот публицистика — это другое дело. Читая колонку обозревателя или редакционную статью, человек ищетозвучного мнения. Он получает удовольствие оттого, что может сказать, отложив газету: „Я и сам думаю об этом деле точно так же“. Или, наоборот, раздражается: „Как же этот идиот не может понять, что он здесь совсем не прав?“»³⁰

То же самое относится к тем ежедневным газетам, вроде мадридской ABC или парижской Le Figaro, которые пишут об общественных проблемах. Они действуют с минимальным запасом открытости: большинство их читателей ищут подтверждения собственных мнений и установок.

Публицистические ток-шоу на телевидении могут оказывать куда более сильное воздействие. Грондона и Монтанер пишут:

Как заметил в своих мемуарах Уолтер Кронкайт, проблема тележурналистов заключается в том, что они чаще всего конкурируют не друг с другом, как их коллеги-газетчики, а с чрезвычайно популярными комедиями, хроникой ЧП, спортивными передачами и кинофильмами.

Но те, кому удается преуспеть, — например, Лари Кинг в Соединенных Штатах — превращаются в своего рода «институты», оказывающие мощное влияние на аудиторию, многократно превышающую аудиторию печатных изданий. Правда, эта большая аудитория менее однородна. Газетный обозреватель обращается к хорошо известному ему кругу читателей, взгляды которых в целом совпадают с его собственными. А вот телевидение открывает возможность обратиться к людям, культурно и идеологически далеким от того, кто к ним обращается, так что оно получает широчайшие возможности для продвижения идеалов развития или чего угодно другого, что сидит у него в голове³¹.

Грондона и Монтанер отмечают: латиноамериканские медиа заражены левизной. «Основную причину следует искать в психологии подавляющего большинства тех молодых людей, которые приходят на факультеты журналистики или в редакции средств массовой информации. Неправда, что это люди, желающие мыслить объективно, чувствующие настоятельную необходимость посвятить свою жизнь поиску истины, которую они пока не знают. Напротив, это юные идеалисты, убежденные в том, что в этой юдоли слез многое идет не так, как нужно, и что они знают наилучший способ все исправить. Они хотят менять этот мир, а не рассказывать о нем»³².

Следует признать, что репортеры не пишут о том, что происходит в странах Скандинавии. Они пишут о самых несправедливых обществах мира, где традиционно царит деспотизм. Тем не менее университеты, в которых они обучаются, самым плачевным образом политизированы, а все поиски истины подчинены идеологии. Обычный репортер видит мир через идеологические очки, укрепляя распространенные мнения, основанные не на объективных наблюдениях и фактах, а на эмоциях. Примером может служить нынешний ренессанс теории зависимости в латиноамериканских университетах; его знаменем стала вера в то, что все беды Латинской Америки вызваны ее эксплуатацией Соединенными Штатами. Отчасти в этом выражается протест против американской авантюры в Ираке. Но, подталкивая латиноамериканцев к возврату к экономическому эстетизму, протекционизму, ограничению иностранных инвестиций и даже к авторитарному правлению, ренессанс теории зависимости оказывается вызовом самым важным урокам последних пятидесяти лет.

Грондона и Монтанер приходят к выводу, что только в результате повторного краха экспериментов, отрицающих уроки истории, латиноамериканские журналисты сумеют выработать объективность, без которой журналистика не может играть конструктивную роль. В настоящее время яростные нападки на капитализм и рыночную экономику оказывают ощутимое воздействие на общественное мнение. Как отмечают Грондона и Монтанер, «в развитых странах журналисты „либеральны“, но их влияние ограничено, потому что они в состоянии лишь модифицировать, но не разрушить инерцию сложившегося капиталистического консенсуса. В неразвитых странах, в Латинской Америке и других регионах, журналистика „популистская“, но влиятельная, потому что усиливает господствующие антикапиталистические настроения».

Неизбежный крах популизма, однако, приведет нас к тому, что неизменная связь между капитализмом и экономическим развитием станет очевидной для всех, кроме самых пылких идеологов»³³.

Они продолжают: «Недавние опросы Latinobarometro показали тревожные данные, свидетельствующие об угасании в Латинской Америке веры в демократию. За этим угасанием стоит неспособность демократического выборного процесса — не во всех странах, но в большинстве из них — придать импульс экономическому росту. Не потребуется много времени, чтобы стало ясно: в этой неспособности винить следует не демократические процедуры и не „неолиберальную“ экономическую теорию, а традиционное для культуры региона отрицание капитализма и предпринимательства, которые обеспечили процветание в странах развитой демократии. И этот момент станет оправданием того маргинального положения, которое много лет занимала в средствах массовой информации наша позиция. В этот момент Латинская Америка встанет на дорогу к первому миру, которую разметила для нее Испания»³⁴.

Развлекательные медиа:

Риз Шонфелд

Риз Шонфелд был основателем, первым президентом и генеральным директором сети Cable News Network, а также основателем сети Television Food Network. Название его провокационной статьи — «Вторжение развлечений: глобальная битва за культурное доминирование». Во введении автор цитирует Джона Бергера: «Пропаганда нуждается в постоянно действующей сети коммуникаций, чтобы иметь возможность систематически подавлять попытку размышления с помощью возбуждающих или утопических лозунгов»³⁵. Затем Шонфелд задается вопросом: «Существовал ли в истории более эффективный инструмент пропаганды, чем собственный спутниковый канал, вещающий 24 часа в сутки 7 дней в неделю, или видеосеть? Мы достигли критического момента человеческой истории: спутниковые коммуникации и Интернет открыли путь свободному потоку информации, который невозможно перекрыть. Цивилизации, государства проникают друг в друга с помощью информации, способной и повлиять на культуры, выбранные целью нападения, и даже заразить их. Демократия может ниспровергать диктатуры, но и диктатуры могут ниспровергнуть демократии. Теократии могут быть обращены в рационалистические режимы, а светские общества могут быть трансформированы в теократии»³⁶.

Шонфельд цитирует Бернда Шипхорсета, бывшего руководителя телеканала Bertelsmann:

«Рыцарь на дорогах» («Knight Rider»), невинный американский детективно-приключенческий сериал, помог разрушить Берлинскую стену. Власти Восточной Германии запретили прием спутниковых каналов. Но восточные немцы, требовавшие разнообразия, особенно неправительственного телевидения, понаделали спутниковых тарелок из крышек для мусорных баков, наловчились собирать ресиверы и наслаждались западными развлекательными программами.

Большинство обитателей Восточного Берлина игнорировали официальные новости и документальные программы, потому что считали их пропагандой. Но при этом западные развлекательные передачи они приняли как надежное и точное изображение жизни на Западе. Внешне все это выглядело бессмысленным и ничтожным, но был и подтекст: уровень жизни большинства американцев и других западных людей существенно выше, чем у восточных немцев³⁷.

О культурных войнах на Среднем Востоке Шонфельд замечает:

Арабские фундаменталистские каналы носят строго доктринерский характер, но арабские светские телеканалы, у которых зрителей намного больше, чем у правоверных конкурентов, строят свои развлекательные программы по американским моделям. «Реалити-шоу» — это поле битвы, на котором бушует война. Что чрезвычайно нравится Томасу Фридману из The New York Times: «Как вы думаете, что было главным предметом обсуждения в арабском мире в последние недели? Ирак? Нет. Палестина? Нет. Это был „Super-Star“, ливанская версия американского идола!»³⁸ Естественно, что фундаменталистский Исламский фронт проклинает «Super-Star», потому что культура глобализации, управляемая американцами, разрушает культурную самобытность арабского народа.

Содержание передачи «Суперзвезда» вполне невинно — это состязание талантов, организованное каналом Future TV, в котором зрители участвуют в выборе победи-

теля. В конкурсе участвуют мужчины и женщины, женщины появляются без паранджи, и, пожалуй, самое главное, что зрителей просят голосовать. В августе 4,5 миллиона зрителей из стран Среднего Востока сочли самым талантливым певца из Иордании, а сирийскому исполнителю досталось второе место. За иорданца было подано 52% голосов, а за сирийца — 48%. Рами Кхури, обозреватель Beirut Daily Star, написал по этому поводу: «Я не помню в своей счастливой взрослой жизни национальных выборов, на которых победителя выбрали бы 52% голосов против 48%». Вот это и был первый успех демократии на Среднем Востоке — избрание победителя в конкурсе талантов³⁹.

Но в культурных войнах Среднего Востока участвует и влиятельный голос исламского экстремизма:

Al Manar — это фундаменталистская исламская сеть, финансируемая группировкой «Хезболла», которая показывает новости, документальные съемки, исторические драмы, детские и религиозные программы. На выходе у нее две совершенно разные передачи: одна для шиитов, живущих в Ливане и Иране, а вторая — панисламский спутниковый канал, который вещает на весь мир. В обеих есть новостные программы и репортажи, которые изображают американцев в Ираке как убийц и террористов. Они обвиняют американских солдат в осквернении мечетей и надругательствах над иракскими женщинами. Израильяне также изображаются как убийцы и террористы, тогда как взрывающие их самоубийцы с бомбами открыто прославляются в качестве героев-мучеников.

На сегодня самая популярная программа Al Manar — это «Al-Shattat», сирийская версия классического антисемитского мифа, «Протоколов сионских мудрецов» — царистской фальшивки, обвинявшей евреев в том, что они убивают невинных младенцев, чтобы на их крови замешивать ритуальное тесто для пасхальной мацы. Все это изображается очень красочно и наглядно⁴⁰.

Шонфельд упоминает еще об одной эфирной войне — в Восточной Азии. «На Дальнем Востоке в полном разгаре собственная война

в области развлекательного телевидения — между контролируемыми государством китайским широковещательным телеканалом (CCTV) и кабельной сетью, с одной стороны, и спутниковым каналом New Tang Dynasty Television (NTDT), который связан с культом „Фалун Гонг“. Официальный Китай стоит на позициях атеизма, а „Фалун Гонг“ проповедует некую смесь буддизма и даосизма⁴¹.

Шонфельд пишет: «В лучшее эфирное время NTDT транслирует голливудские фильмы 1930–1950-х годов, отчасти потому, что они дешевы, а отчасти, и это важнее, потому, что они соответствуют объявленному намерению канала продвигать демократические изменения культуры, чтобы „между разными расами и культурами воцарилась гармония и возможность наслаждаться миром и свободой получило большее число людей“. Именно это является главным посыпом голливудских фильмов 1930-х и 1940-х: демократия — это прекрасно, к религии все относятся с почтением, добро доблестно сражается со злом и неизменно побеждает. Более простого послания и не придумать — только черное и белое, никаких полутонаов, возврат к тому, что [основатель движения „Фалун Гонг“] Ли Хун Джи рассматривает как славное прошлое»⁴².

Недавно китайское правительство сумело убедить Eutelsat, спутниковое телевидение, которое распространяет в том числе и канал NTDT, прекратить передачу его сигнала на Китай. Тем временем CCTV, правительственная телесеть, ответила обращением к телесериалам, несущим важную идеологическую нагрузку. Шонфельд пишет:

Последние шесть лет PCI [Population Communications International, некоммерческая американская организация, аффилированная с ООН] и CCTV снимают популярнейший сериал «Бай Сиянь» («Простые люди»), действие которого происходит в китайской деревне. В центре сюжета сильная женщина по имени Лю, которая бросила вызов мужу и родила дочку. Это смелый шаг, если учесть закон об одном ребенке. (Китайское правительство поддерживает однодетные семьи с помощью пособий, бесплатного образования и бесплатного медицинского обслуживания. Расходы на всех остальных детей целиком ложатся на семью.) После рождения дочери Лю развелась с мужем, опять вышла замуж и развелась со вторым мужем, когда тот потребовал, чтобы она родила ему сына. В конечном итоге Лю

заводит успешный бизнес, и вся деревня с уважением относится к ней и ее дочери. Несмотря на или, скорее, благодаря тому, что сериал затрагивает достаточно противоречивые и злободневные вопросы, у него самый высокий рейтинг в его временном диапазоне⁴³.

Столь популярные в Латинской Америке *novellas*, сериалы, скроенные по образцу мыльных опер, подхватили организации вроде PCI, Центра коммуникационных программ Джонса Хопкинса и BBC для распространения всякого рода идей — от борьбы с рождаемостью до борьбы с бедностью и необходимости поддержки находящихся на нижних социальных ступенях граждан, особенно женщин.

Шонфельд, большой поклонник BBC, отдает предпочтение общественному телевидению, а не частному. «Коммерческое телевидение, даже при наличии регулирования, безразлично к содержанию программ, потому что стремится заполучить как можно более широкую аудиторию. У него нет другого выбора, поскольку все его доходы дает реклама: оно продает свою аудиторию рекламодателям на вес, и чем больше зрителей, тем больше она весит. В мире коммерческого телевидения плохие программы вытесняют хорошие»⁴⁴.

Он приходит к поразительному и противоречивому выводу: «Если бы я планировал развитие средств массовой информации для новой нации, я бы по меньшей мере лет двадцать не выдавал лицензий коммерческим каналам. Общественное телевещание, более пригодное для распространения культурных ценностей, должно получить фору, иначе оно проигрывает. Я бы финансировал такое телевидение за счет государственных налогов или собирал бы плату со зрителей. Я бы сделал все возможное, чтобы не допустить в страну иностранные спутниковые каналы, и, следуя примеру китайцев, начал бы создавать национальную кабельную сеть, которая смогла бы поставлять зрителям самые разные программы, но только с тем условием, что все они поддерживают ценности демократии, социальной справедливости и процветания. Цензуры в новостных программах и в ток-шоу у меня бы не было»⁴⁵.

Лидеры

Член Демократической партии Ричард Ламм был губернатором Колорадо двенадцать лет (в 1975–1987 годах). Одной из его главных забот оставался низкий уровень достижений черных и испаноязычных, особенно в образовании. Обескураженный неудачами

в попытках решить эту проблему, он пришел к выводу, что здесь действуют мощные культурные силы.

Позднее Ламм заинтересовался ролью лидеров в изменениях культуры, чему и посвятил эссе «Государственная политика и культура». Рассмотрев ряд случаев, в которых лидеры сыграли несомненную роль в изменениях культуры, он приходит к обобщению, заставляющему вспомнить о модели изменений культуры, предложенной Харви Нельсоном: «Когда в стране все идет хорошо, об изменении культуры лучше не заговаривать. А вот когда все плохо, лидеры могут приписать неприятности культурным факторам и попытаться их изменить. Зачастую, конечно, лидеры выбирают самый легкий путь и возлагают всю вину на внешние факторы, скажем, на „зависимость“ и „колониализм“»⁴⁶.

Ламм отмечает, что порой изменения культуры принимают облик политических или идеологических изменений: «То, что для одного изменение культуры, для другого — смена политического курса. Франклин Делано Рузвельт навсегда изменил Америку и ее политическую культуру, добрался до самой глубины — до того, как американцы понимают самих себя и свое общество. Но и к концу его правления трудовая этика, желание продвинуться вверх, достичь процветания, приверженность принципам свободы, сотрудничества и создания богатства остались такими же, какими были в первый день его президентства. Культура подверглась модификации, но не была преобразована»⁴⁷.

Ламм задается вопросом: «Как изменить общество, избежав при этом хаоса и травмы?»⁴⁸ Отвечая, он привел в пример Пуэрто-Рико, где при первом демократически избранном губернаторе острова Луисе Муньосе Марине были проведены значительные преобразования.

Первую половину жизни Муньос Марин прожил преимущественно в Соединенных Штатах и принадлежал, по сути дела, двум культурам. В 1948 году он стал первым выборным губернатором острова и использовал эту возможность для его модернизации и проведения культурной революции.

Ради экономического развития острова была запущена «Программа самопомощи», привлекшая новые инвестиции из Соединенных Штатов. Губернатор радикально реформировал систему образования: в государственных

школах было отменено преподавание религии, на работу стали брать женщин, мальчиков и девочек начали обучать в одних классах. Система зубрежки уступила место преподаванию, построенному на прагматичном решении проблем.

За шестнадцать лет пребывания Муньоса Марина на посту губернатора Пуэрто-Рико экономически преобразилось. Сегодня это самое зажиточное общество в Латинской Америке. Теодоро Москозо, один из главных помощников Муньоса Марина и первый американский координатор «Союза во имя прогресса», написал в 1988 году: «Самой главной причиной нашего экономического взлета было политическое лидерство Муньоса Марина. Он изменил сознание пуэрториканцев. Он изменил культуру»⁴⁹.

Однако при всех достижениях Муньоса Марина и его преемников «преобразование Пуэрто-Рико еще далеко не окончено. Доход на душу населения там вполовину меньше, чем в самом бедном штате США. Уровень безработицы и число живущих на пособии существенно выше, чем в среднем по Америке. А пуэрториканцы, перебирающиеся на материк, демонстрируют очень слабые успехи в образовании, уровне доходов и вертикальной мобильности. Мы не в состоянии оценить, насколько могущественна бывает инерция традиционных ценностей»⁵⁰.

Ламм рассматривает также реставрацию Мэйдзи в Японии, вестернизацию и модернизацию Турции при Мустафе Ататюрке и трансформацию Сингапура при Ли Куан Ю. Об этих странах мы поговорим в главах 5 и 6.

Переходя теперь к рассмотрению связей между религией и культурой, мы убедимся, что некоторые культуры более благоприятны для прогресса, чем другие.

4 Религии и прогресс

Наша либеральная традиция предписывает относиться ко всем религиям с равным уважением, и, если речь заходит о религиях, мы обычно избегаем сравнительных оценок. Такая установка — назовем ее религиозным релятивизмом — в принципе преобладает на Западе и, безусловно, царит в наших университетах. Но когда возникает вопрос о связи между религией и прогрессом, я нахожу убедительные свидетельства того, что некоторые религии больше других соответствуют целям демократической политики, социальной справедливости и процветания.

В качестве примера религии, чрезвычайно противящейся прогрессу, мы опять рассмотрим вуду, религию, господствующую на Гаити и схожую с множеством религиозных культов Африки, где она и возникла. Вуду не только питает культ иррациональности, но и порождает чувство бессилия и фатализм, подавляет порывы к предпринимательству. В центре интересов этой религии не будущее, а настоящее. В ней нет этического содержания, по крайней мере нет ничего подобного золотому правилу этики, играющему центральную роль в Типологии. Я убежден, что вуду является главной причиной социальной и политической патологии, включая крайнюю бедность и очень низкий уровень доверия, которая характерна для истории Гаити. Я также уверен, что, как доказывает Даниэль Этунга-Мангуэль, анимистические религии стали препятствием на пути прогресса во многих африканских странах (см. табл. 4.1).

Я проанализировал показатели 117 стран с населением не менее 1 млн человек, где большинство принадлежит к одной из шести главных религий мира — буддизму, католицизму, православию, протестантизму, индуизму и исламу, а также к конфуцианству. Каждая религия (включая и конфуцианство) распространена по меньшей мере в трех странах с общим населением не менее 100 млн человек. Я также включил одну малую страну, Израиль, где преобладает иудаизм.

ТАБЛИЦА 4.1. РЕЛИГИИ. СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Религия ^a	1	Население, млн. ^b чел.	2	Индекс ООН ^c	3	Грамотность, % ^d	4	Женская грамотность, % ^e	5	Рождаемость ^f	6	Индекс свободы ^g	7	Переход к демократии, год ^h	8	ВНП на душу населения, USD ⁱ	9	GINI ^j	10	Доверие, % ^k	11	Коррупция ^l	12	
Протестантизм	всего	530																						
	средне- взвешенный		9,2	99	99	1,8	2,3	1826	29 784	36,8	42	14,9												
	средний невзвешенный		18,8	99	99	1,7	2,5	1877	22 373	32,3	46	14												
	средне- взвешенный для первого мира		8,5	99	99	1,8	2,3	1826	30 062	36,8	42	14,7												
	средний невзвешенный для первого мира		9,2	99	99	1,6	2,5	1852	26 340	31,4	50	9,1												
Иудаизм (Израиль)	всего	6	22	96	94	2,9	4	1948	19 320	35,5		16												
Католичество	всего	904																						
	средне- взвешенный		58,3	86	88	2,6	5,5	1940	9358	45,6	16	45,6												
	средний невзвешенный		63	88	86	2,9	5,4	1969	9366	42	22	45,7												
	средне- взвешенный для первого мира		17,4	99	99	1,4	2,7	1927	22 890	30,4	24	24,4												
	средний nevзвешенный для первого мира		17,3	98	98	1,5	2,6	1934	23 311	30,3	32	22,3												
Православие	всего	262																						
	средне- взвешенный		58,9	99	99	1,3	8,6				7045	40,4	25	75,7										
	средний nevзвешенный		62,6	99	99	1,4	7,2	1985	6038	34,3	25	63,8												
Конфуцианство	всего	1491																						
	средне- взвешенный		77,8	86	79	1,8	11,7				6691	38,5	51	52,2										
	средний nevзвешенный		34,6	93	90	1,5	7,8	1976	19 133	33,2	47	27,6												
	средне- взвешенный для первого мира		14,5	99	98	1,4	3,4				24 239	27,3	46	25,8										
	средний nevзвешенный для первого мира		21,5	96	94	1,4	5				22 172	31,4	44	20,3										

4 Религии и прогресс

Наша либеральная традиция предписывает относиться ко всем религиям с равным уважением, и, если речь заходит о религиях, мы обычно избегаем сравнительных оценок. Такая установка — назовем ее религиозным релятивизмом — в принципе преобладает на Западе и, безусловно, царит в наших университетах. Но когда возникает вопрос о связи между религией и прогрессом, я нахожу убедительные свидетельства того, что некоторые религии больше других соответствуют целям демократической политики, социальной справедливости и процветания.

В качестве примера религии, чрезвычайно противящейся прогрессу, мы опять рассмотрим вуду, религию, господствующую на Гаити и схожую с множеством религиозных культов Африки, где она и возникла. Вуду не только питает культ иррациональности, но и порождает чувство бессилия и фатализм, подавляет порывы к предпринимательству. В центре интересов этой религии не будущее, а настоящее. В ней нет этического содержания, по крайней мере нет ничего подобного золотому правилу этики, играющему центральную роль в Типологии. Я убежден, что вуду является главной причиной социальной и политической патологии, включая крайнюю бедность и очень низкий уровень доверия, которая характерна для истории Гаити. Я также уверен, что, как доказывает Даниэль Этунга-Мангуэль, анимистические религии стали препятствием на пути прогресса во многих африканских странах (см. табл. 4.1).

Я проанализировал показатели 117 стран с населением не менее 1 млн человек, где большинство принадлежит к одной из шести главных религий мира — буддизму, католицизму, православию, протестантизму, индуизму и исламу, а также к конфуцианству. Каждая религия (включая и конфуцианство) распространена по меньшей мере в трех странах с общим населением не менее 100 млн человек. Я также включил одну малую страну, Израиль, где преобладает иудаизм.

ТАБЛИЦА 4.1 РЕЛИГИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Религия ^a	1	Население, млн чел. ^b	2	Индекс ООН ^c	3	Грамотность, % ^d	4	Женская грамотность, % ^e	5	Рождаемость ^f	6	Индекс свободы ^g	7	Переход к демократии, год ^h	8	ВНП на душу населения, USD ⁱ	9	GINI ^j	10	Доверие, % ^k	11	Коррупция ^l	12
Протестантизм	всего	530																					
	средне- взвешенный		9,2	99	99	1,8	2,3	1826	29 784	36,8	42	14,9											
	средний невзвешенный		18,8	99	99	1,7	2,5	1877	22 373	32,3	46	14											
	средне- взвешенный для первого мира		8,5	99	99	1,8	2,3	1826	30 062	36,8	42	14,7											
	средний невзвешенный для первого мира		9,2	99	99	1,6	2,5	1852	26 340	31,4	50	9,1											
Иудаизм (Израиль)		6	22	96	94	2,9	4	1948	19 320	35,5		16											
Католичество	всего	904																					
	средне- взвешенный		58,3	86	88	2,6	5,5	1940	9358	45,6	16	45,6											
	средний невзвешенный		63	88	86	2,9	5,4	1969	9366	42	22	45,7											
	средне- взвешенный для первого мира		17,4	99	99	1,4	2,7	1927	22 890	30,4	24	24,4											
	средний nevзвешенный для первого мира		17,3	98	98	1,5	2,6	1934	23 311	30,3	32	22,3											
Православие	всего	262																					
	средне- взвешенный		58,9	99	99	1,3	8,6				7045	40,4	25	75,7									
	средний невзвешенный		62,6	99	99	1,4	7,2	1985	6038	34,3	25	63,8											
Конфуцианство	всего	1491																					
	средне- взвешенный		77,8	86	79	1,8	11,7				6691	38,5	51	52,2									
	средний nevзвешенный		34,6	93	90	1,5	7,8	1976	19 133	33,2	47	27,6											
	средне- взвешенный для первого мира		14,5	99	98	1,4	3,4				24 239	27,3	46	25,8									
	средний nevзвешенный для первого мира		21,5	96	94	1,4	5				22 172	31,4	44	20,3									

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Буддизм	всего	146										
	средне-взвешенный		92,2	86	83	2,9	8,9		4813	39,5		
	средний невзвешенный		42,2	70	67	3,8	9,7	1992	2625	37,3		61
Ислам в целом	всего	1122										
	средне-взвешенный		111,9	65	54	4,1	9,7		3142	36,3	26	78,6
	средний невзвешенный		105,5	66	65	4,4	10,7		3755	39,6	27	65
Ислам: арабские страны	всего	252										
	средне-взвешенный		103,3	64	51	4	12,1		4950	33,7	28	50
	средний невзвешенный		91,8	68	58	4,3	11,8		5721	35,8	25	40
Ислам: неарабские страны	всего	870										
	средне-взвешенный		114,8	65	56	4,3	8,9		2781	37,5	26	82
	средний невзвешенный		116,6	64	51	4,5	9,8		2674	41,3	27	73
Индуизм	всего	1041										
	средне-взвешенный		115	57	45	3,3	5	1950	2390	37,8		
	средний невзвешенный		115	57	45	2,8	5	1950	2390	37,8		

Примечания: ^a 50% населения или более; ^b Источник. World Bank Development Report 2002,

^c Индекс человеческого развития ООН 2001, самая развитая — 1, наименее развитая — 162;

^d Доклад ООН об уровне человеческого развития 2001 года; ^e Доклад ООН об уровне человеческого развития 2001 г.

^f Данные ООН за 1995–2001 годы; ^g По оценке Freedom House уровня политических прав и гражданских свобод за 2001 год: лучшая ситуация — 2, худшая — 14;

^h Дата перехода к демократическому правлению; МБРР; ⁱ Доклад о мировом развитии за 2002 г (по паритету покупательной способности); ^j Рассчитано МБРР за 2002 г. чем ниже показатель, тем более равномерно распределен доход; ^k Замер мировых ценностей за 1999–2002 гг;

% тех, кто полагает, что людям можно доверять; ^l Индекс восприятия коррупции Transparency International.

Я ранжировал каждую из 117 стран по десяти показателям, или индексам, и сгруппировал эти данные по преобладающей религии (см. табл. 4.1). Данные представлены в виде взвешенных (по населению) и невзвешенных средних; для протестантских, католических и конфуцианских стран первого мира эти же показа-

тели представлены отдельно. Внутри ислама я выделил арабские страны. Использованы следующие показатели: 1. Индекс человеческого развития ООН; 2. Данные ООН о грамотности; 3. Данные ООН о грамотности среди женщин; 4. Данные ООН о рождаемости; 5. Данные Freedom House о положении с гражданскими свободами и правами в разных странах; 6. Хронология демократического развития; 7. Данные Всемирного банка о доходе на душу населения¹; 8. Данные Всемирного банка о распределении дохода; 9. Данные Мировой службы ценностей о доверии; 10. Индекс восприятия коррупции Transparency International.

Должен признать, что научная точность анализа ограничена. Данные взяты из поченных источников, но некоторые искажения неизбежны. Скажем, я исходил из того, что большинство населения страны принадлежит к определенной религии, и соответствующим образом группировал страны и показатели. Однако религиозный состав многих стран далеко не однороден. Например, Индия населена преимущественно индуистами, но в ней живет множество мусульман, и в этом отношении она одна из самых крупных мусульманских стран. Индонезия, напротив, страна преимущественно исламская, но со значительным китайским меньшинством, в основном христианским. Южную Корею я отнес к группе конфуцианских стран, хотя в ней много религиозных людей, в том числе христиан. Да и само обозначение «конфуцианский» достаточно условно: точнее было бы говорить о китайской культуре, включющей элементы буддизма, даосизма и культа предков. Наконец, я отнес Германию, Голландию и Швейцарию к группе протестантских стран, хотя сегодня в каждой из них больше католиков, чем протестантов. При этом я следовал той же логике, что и Мировая служба ценностей, потому что, по словам Рональда Инглхарта, «исторически их сформировал именно протестантизм»².

Я хочу еще раз подчеркнуть один существенный момент: в каждой религии присутствуют разные течения, национальные особенности и проч., что не нашло отражения в таблице 4.1. Например, некоторые обобщения относительно католицизма неприменимы к баскам: у них сохраняются вековые традиции предпринимательства, творчества и сотрудничества, и при этом они в высшей степени католики (орден иезуитов был создан баском). В Индонезии существует другая версия ислама, нежели в Саудовской Аравии. И наш анализ не учитывает различий между шиитами, суннитами и курдскими мусульманами.

Наконец, мне пришлось принять несколько довольно произвольных решений. Например, передо мной встал вопрос: «Когда началась демократия в Великобритании?» Кто-нибудь будет доказывать, что считать нужно с 1215 года. Отчасти для того, чтобы избежать проблем с вычислениями, которые возникли бы, если бы я выбрал год подписания Великой хартии вольностей, я остановился на 1832 году, когда в стране были проведены широкие политические реформы.

Еще раз хочу подчеркнуть: религия отнюдь не является единственным фактором развития страны и ее культуры. Ключевую роль играют климат, географические особенности, наличие природных ресурсов и, естественно, превратности истории, такие, скажем, как войны, колониальный опыт, geopolитические силы и экономические модели, выбранные или навязанные. Значительное влияние, как видно из таблицы 4.1, оказывает уровень процветания. Имеет значение лидерство: если Сингапур относится к числу наиболее богатых и наименее коррумпированных стран мира, то это во многом благодаря идеям и влиянию его центральной политической фигуры, Ли Куан Ю.

Но культура также имеет значение, а глубокое влияние на культуру оказывает религия и/или моральный кодекс (в случае конфуцианства). Хотя я не в состоянии количественно оценить «глубину влияния», имеющиеся данные подтверждают вывод, что некоторые религии в большей степени способствуют модернизации, чем другие. Правда, здесь следует быть осторожным. Незначительные различия слишком легко списать на неточность сведений или на влияние других, не относящихся к культуре факторов. Поэтому нужно искать несомненные и существенные различия.

Собранные данные позволяют сделать семь общих выводов.

1. Протестантизм оказался лучшей питательной средой для модернизации, чем католицизм, особенно в Западном полушарии.

Если судить по оновскому Индексу человеческого развития, преимущественно протестантские страны добились существенно больших успехов, чем преимущественно католические. Этот индекс является самым емким из десяти вышеупомянутых, поскольку одновременно учитывает такие параметры, как ожидаемая продолжительность жизни, грамотность взрослого населения, учеба в школах детей школьного возраста и величина ВВП на душу населения. На шкале от 1 (лучшая позиция) до 162 (худшая) сред-

невзвешенный средний показатель по протестантским странам составил 9,2, а по католическим — 58,3. Нужно, разумеется, учитывать, что большинство протестантских стран — это страны первого мира, а большинство католических — нет. Но при сравнении стран первого мира также выявляется существенное различие: средневзвешенный средний показатель для протестантских стран равен 8,5, а для католических — 17,4.

Различие в уровне грамотности заведомо искажено, так как приходится сравнивать страны первого и третьего мира, но этот показатель и не заслуживает большого внимания. Отмечу только мимоходом, что в Латинской Америке до сих пор многие взрослые неграмотны — более 10% в семи странах: в Гватемале, Никарагуа, Гондурасе, Боливии, Доминиканской Республике, Перу и Бразилии, не говоря уже о Гаити, где уровень неграмотности превышает 40%.

Показатель демократичности, рассчитываемый Freedom House, показывает существенное различие: средневзвешенный средний показатель 2,3 для протестантских стран и 5,5 — для католических по шкале, на которой 2 — это лучшая страна, а 14 — наихудшая. Это различие отражает хрупкость демократии в католической Латинской Америке. Поскольку в Латинской Америке, так же как в странах Африки и бывшего советского блока, демократический режим правления утвердился совсем недавно, то проверять утверждение Токвилья о внутреннем родстве протестантизма и демократии лучше всего на данных по странам первого мира. И здесь мы обнаруживаем резкий контраст. Средняя дата перехода к демократическому правлению в принадлежащих к первому миру протестантских странах — 1852 год, а в католических — 1934-й. Если взвесить страны по численности населения, разрыв окажется еще более значительным, главным образом потому, что США являются многонаселенной страной³.

Поскольку среди католических стран большинство принадлежат к третьему миру, протестантские почти втрое опережают их по показателю ВВП на душу населения. Разрыв существенно сужается, если учитывать только страны первого мира, но и в этом случае он очень значителен: средневзвешенная разница составляет около 7000 долларов. Могу добавить, что данные Ангуса Мэддисона за 1900 год показывают существенное превосходство протестантских стран над католическими в границах того, что сегодня относят к первому миру. Данные о ВВП на душу населения подтверждают тезис Макса Вебера об экономической плодотворности протестантизма.

Если говорить о распределении дохода, то, возможно, Латинская Америка — самый несправедливый регион мира, и уже одного этого достаточно, чтобы по данному показателю протестантские страны в целом оказались в лучшем положении, чем католические. Но если сосредоточиться только на первом мире, то здесь католические страны выглядят чуть лучше протестантских при учете невзвешенных средних показателей и существенно лучше — по взвешенному среднему; в значительной мере это происходит потому, что в населенных и преимущественно протестантских Соединенных Штатах распределение дохода отличается наибольшим неравенством в сравнении с другими развитыми демократическими странами.

Уровень доверия, измеряемый по ответам на вопрос Мировой службы ценностей «Можно ли доверять людям?», в протестантских странах намного выше, чем в католических. И хотя разрыв существенно снижается, если учитывать только страны первого мира, он все равно остается заметным: средневзвешенный средний уровень доверия составляет 42% в протестантских странах первого мира и только 24% — в католических. Показатель доверия может иметь отношение к сопоставимым уровням коррупции. По шкале коррупции (измеряет Transparency International), где наименьшая коррумпированность соответствует 1, а максимальная — 91, средневзвешенный средний показатель для протестантских стран равен 14,9, а для католических — 45,6. Если брать только страны первого мира, соотношение в пользу протестантских стран будет 14,7 против 24,4.

Из десяти наименее коррумпированных стран восемь протестантских, одна конфуцианская (Сингапур с показателем 4) и одна (Люксембург, с населением менее 0,5 миллиона) — католическая.

Статья в журнале *The Economist* проливает свет на непропорционально большой вклад французских протестантов в развитие этой преимущественно католической страны: «Французы склонны полагать, что протестантское происхождение говорит о честности, верности слову, трудолюбии, чувстве ответственности, умеренности в личной жизни, терпимости, свободе совести — и о суровой непреклонности. В истории Франции протестанты были в авангарде большей части великих либеральных идей и реформ, достаточно назвать Декларацию прав человека, отмену рабства, рыночную экономику, децентрализацию власти, распространение государственного образования, отделение церкви от государства, защиту разводов и абортов»⁴.

Вообще-то говоря, влияние двух этих религий на культуру было намного сильнее до XX века, потому что в большинстве стран первого мира ситуация стала намного более однородной и сторонники всех религий, так же как агностики и атеисты, приняли господствующий моральный кодекс. В этом смысле все ассициированные американцы — независимо от происхождения и принадлежности к протестантам, католикам, иудеям, мусульманам или атеистам — являются англосаксонскими протестантами (см. далее в этой главе резюме эссе Сэмюеля Хантингтона).

2. Чемпионами прогресса являются скандинавские страны.

Скандинавские страны — Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия и Швеция, — отличающиеся сравнительно высокой однородностью и испытавшие глубокое влияние лютеранства, занимают первые места по всем показателям. Они получили высший балл — 2 — по показателю политических прав и гражданских свобод, рассчитываемому Freedom House. Норвегия занимает 1-е, а Швеция — 4-е место по оновскому Индексу человеческого развития. Дания, Финляндия и Швеция принадлежат к числу стран с самым равномерным распределением дохода. Норвегия и Дания опережают все другие страны по уровню доверия, Швеция и Финляндия уступают им совсем немного. Финляндия является наименее коррумпированной страной в мире, а Дания — второй по этому показателю.

То же самое можно видеть и по следующим четырем шкалам:

- В главе 2 отмечено исследование качества системы государственного управления в странах мира, проведенное Национальным бюро экономических исследований: Норвегия заняла 3-е место (1-е место у Новой Зеландии, 2-е — у Швейцарии), Исландия — 6-е место, Финляндия — 8-е место, а Швеция — 9-е. Первые десять мест заняли протестантские страны⁵.
- В 2004 году Мировой экономический форум опубликовал перечень стран, ранжированных по конкурентоспособности. Финляндия оказалась на 1-м месте, Швеция — на 3-м, Дания — на 5-м, Норвегия — на 6-м, а Исландия — на 10-м месте. (У Соединенных Штатов — 2-е место.) В первой десятке девять стран были протестантскими, а 9-е место досталось Японии⁶.

- Ранжирование стран по числу научных статей на 1 млрд долларов ВВП поставило Швецию на 2-е место, Финляндию — на 4-е, Данию — на 5-е, а Исландию — на 11-е (на 1-м месте оказался Израиль)⁷.
- В 2004 году ранжирование богатых стран по их вкладу в развитие бедных стран показало, что Дания стоит на 2-м месте (Голландия — на 1-м), Швеция — на 3-м, а Норвегия — на 9-м месте. В первую десятку попали девять протестантских стран, а на 10-м месте оказалась Франция⁸.

Любопытно, что при недавней оценке социального капитала в Соединенных Штатах (Роджер Дойл определяет социальный капитал как «высокий уровень доверия и терпимости, дух эгалитаризма, волонтерства, интереса к происходящему и участия в общественной и политической жизни») выяснилось, что американцы скандинавского и британского происхождения потеряли места на вершине⁹.

3. Конфуцианство оказалось намного более благоприятным для модернизации, чем ислам, буддизм или индуизм.

Китай, доминирующий среди конфуцианских стран, естественно, тянет все показатели вниз, особенно когда мы рассчитываем средневзвешенные по численности населения. Средние для конфуцианских стран, принадлежащих к первому миру, — Японии, Южной Кореи, Тайваня, Гонконга и Сингапура — близки к показателям аналогичных католических стран: по (1) оновскому Индексу человеческого развития; (2) уровню грамотности, в том числе среди женщин; (3) ВВП на душу населения; и (4) распределению дохода. Принадлежащие к первому миру католические страны перешли к демократии примерно на полвека раньше конфуцианских (задержанных, в частности, влиянием авторитарного течения в конфуцианстве) и занимают несколько более высокие места по показателю политических прав и гражданских свобод. Уровень доверия в конфуцианских странах намного выше, чем в католических, а уровень коррупции примерно такой же, если не считать одного примечательного исключения — в 2001 году Сингапур вместе с Исландией оказался на 4-м месте.

4. Самая развитая из православных стран, Греция, до 2004 года была самой бедной в Евросоюзе. Между православными и католическими странами есть некоторое сходство. Но в православных странах остались и несомненные черты коммунистического прошлого.

Православные и католические страны занимают одинаковое положение по ооновскому Индексу человеческого развития — взвешенный средний показатель 58, и они достаточно близки между собой по уровню доверия и величине ВВП на душу населения. Греция единственная из православных стран принадлежит к числу стран первого мира. Поскольку коммунисты делали упор на образование, в православных странах* такой же уровень грамотности, как в странах первого мира. А характерный для них высокий уровень коррупции отчасти может быть объяснен последствиями очень высокой коррумированности коммунистических режимов.

5. Ислам практически по всем показателям далеко отстал от всех западных религий и конфуцианства. Есть определенные различия между арабскими и неарабскими исламскими странами.

Данные по исламским странам указывают на сильное сопротивление в них модернизации, что резко контрастирует с авангардной ролью ислама в первые столетия его существования. Исламские страны сильно отстают от конфуцианских и еще больше от христианских стран первого мира по следующим показателям: ооновский Индекс человеческого развития; грамотность, особенно среди женщин; величина ВВП на душу населения; уровень доверия (за вычетом католических стран); индекс воспринимаемой коррупции.

Особенно привлекает внимание низкая грамотность среди женщин — менее 50% в Марокко, Пакистане и Бангладеш, что говорит о подчиненном положении женщин в исламской религии.

Примечательны также данные о рождаемости. По оценкам ООН за 1995–2000 годы, исламские страны занимают 1-е место в мире по уровню рождаемости. Правда, хотя они до сих пор удерживают это 1-е место, по данным ООН, в 2000–2005 годах в этих странах произошло общее снижение рождаемости (см. табл. 4.1)¹⁰.

По данным Freedom House, исламские страны менее свободны, чем любая другая группа, за исключением конфуцианских стран, показатель которых тянет вниз китайский авторитаризм. Свободной считается только одна преимущественно мусульманская страна — Мали. Уровень доверия в исламских странах низок, а уровень коррупции — высок.

По величине ВВП на душу населения они располагаются в следующем порядке: Греция, Белоруссия, Россия, Румыния, Болгария, Македония, Украина, Армения, Грузия, Молдавия.

ТАБЛИЦА 4.2 УРОВЕНЬ РОЖДАЕМОСТИ, ЧИСЛО РОЖДЕНИЙ НА ОДНУ ЖЕНЩИНУ

	1995–2000	2000–2005
Алжир	3,2	2,8
Индонезия	2,6	2,4
Иран	3,2	2,3
Марокко	3,4	2,7
Пакистан	5,5	5,1
Йемен	7,6	7,0

Я разделил исламские страны на арабские и неарабские, чтобы сравнить их между собой. Арабские страны выглядят существенно лучше по величине ВВП на душу населения (при наличии значительных запасов нефти) и по уровню коррупции; и несколько лучше — по равномерности распределения дохода. Однако арабские страны заметно хуже неарабских исламских стран по шкале политических прав и гражданских свобод.

6. *Демократические институты индуистской Индии достаточно стабильны, а в последние два десятилетия она переживает период быстрого экономического роста. Но она очень медленно развивается в сфере образования, особенно женского, а также имеет очень высокий уровень коррупции.*

Индуистская Индия обошла все религиозные группы, кроме протестантских стран, по показателю политических прав и гражданских свобод. Это можно приписать тому факту, что британские политические институты пустили здесь корни.

По данным Всемирного банка, в 1980-х годах экономика Индии росла в среднем на 5,6% в год, а в 1990-х — на 6% в год. Впечатляющий экономический рост, ставший следствием открытости экономики, относится к числу самых отрадных экономических явлений начала XXI века.

Однако уровень грамотности в Индии остается поразительно низким — более половины индианок неграмотны, что указывает на столь же приниженное положение женщин в индуизме, как и в исламе. Кроме того, у Индии удручающе низкий индекс восприятия коррупции.

7. *Делать обобщения о буддизме трудно в силу его крайнего разнообразия, но данные свидетельствуют, что он не является мощной силой модернизации.*

Если расположить по численности населения семь вошедших в таблицу 4.1 преимущественно буддистских стран, получим следующий список: Таиланд, Мьянма, Шри-Ланка, Камбоджа, Лаос, Монголия и Бутан. Монголия — одна из самых свободных стран третьего мира, а Мьянма — одна из наименее свободных. Данные о равномерности распределения дохода (коэффициент Джини) в Монголии, Камбодже и Таиланде типичны для стран третьего мира, а для Шри-Ланки они намного лучше, фактически даже лучше, чем в Великобритании и Соединенных Штатах, где, повторим еще раз, распределение дохода отличается большим неравенством, чем в любой другой из развитых стран. Таиланд — единственная буддистская страна, испытавшая период быстрого экономического развития, но — как и в Индонезии, Малайзии и на Филиппинах — во многом этот рост достигнут благодаря усилиям численно незначительного китайского меньшинства¹¹.

Делать обобщения трудно из-за разнообразия буддизма: в есть различные крупные течения и множество сект, а сами секты подвержены постоянным изменениям. Несомненен, однако, тот факт, что вплоть до настоящего времени ни одна буддистская страна не вошла еще в первый мир, который включает только протестантские, католические и конфуцианские страны, а также Израиль.

Подготовленные для проекта «Культура имеет значение» статьи о религии

Проведенное нами обсуждение анализа 117 стран послужит фоном для ознакомления со статьями, которые написали для нашего проекта эксперты по каждой из религий и конфуцианству. В следующих разделах представлены подготовленные мною резюме этих текстов и мой комментарий к ним. Религии представлены в том порядке, в каком они распределились по оновскому Индексу человеческого развития.

Протестантизм

Основные протестантские церкви, возникшие в ходе реформации, — лютеранство, кальвинизм/пресвитерианство и англиканство (епископальная церковь) — оказали мощное влияние на культурное развитие Северной Европы, Великобритании и британских отводков, т.е. Канады, Соединенных Штатов, Австралии и Новой Зеландии. В XVII–XIX столетиях эти протестантские страны сменили Италию, Испанию, Португалию, а потом и Францию в качестве

ведущих экономических и военных держав. Протестантская этика была тесно связана с Промышленной революцией. А превосходство протестантских стран над всеми другими во многом является следствием прогрессивных ценностей, которых столетиями держалось протестантство, — даже в случае скандинавских стран, ныне во многом отошедших от религии.

В общем, основные протестантские церкви пребывают сейчас в состоянии упадка повсюду и даже в Соединенных Штатах, где религия сильнее, чем в любой другой стране первого мира. Но евангелисты и пятидесятники на подъеме, особенно в Латинской Америке и Африке. Это две самые многочисленные из протестантских деноминаций, и с этих самых динамичных ветвей мы и начнем. А затем рассмотрим роль и состояние англопротестантской культуры в Соединенных Штатах.

Евангелисты и пятидесятники в третьем мире

Дэвид Мартин — английский социолог и теолог, который в последние годы обратил внимание на рост и укрепление евангелистов и пятидесятников, и прежде всего в Африке и Латинской Америке. Евангелизм и пятидесятничество, пишет он, — это «две разновидности веры, основанные на изменении точки зрения и радикальном пересмотре всей жизни»¹². Главное различие между ними, зачастую смазанное, составляет большая эмоциональность у пятидесятников, которая может проявляться в бессвязных высказываниях («дар говорения на языках») и в исцелении верою или внушением.

Мартин оценивает численность двух этих ветвей протестантизма примерно в 500 млн человек, из которых около 200 млн живут в Африке, 100 млн — в Азии, 100 млн — в Северной Америке и 50 млн — в Латинской Америке. И число их растет. Примерно треть гватемальцев считают себя протестантами евангелического или пятидесятнического толка, а примерно 10% обратившихся в протестантизм бразильцев представляют в своей стране весомую политическую силу.

Бедные, включая туземное население, рассматривают евангелизм и пятидесятничество, по крайней мере в Латинской Америке, как путь к семейной стабильности и вертикальной мобильности. Они проповедуют ценности, возвещенные Вебером и Бенджамином Фраклином. Мартин пишет: «При обсуждении того, как эти добродетели работают на практике, следует помнить, что большинство таких божьих людей — женщины. Пятидесятничество — это

движение женщин, исполненных решимости с Божьей помощью защитить свои семьи и дома от чрезмерной приверженности культу мачо и от соблазнов улицы и безделья. Это борьба женской заботы и порядка с мужской „природой“ и беспорядком»¹³.

Протестантские церкви представляют собой также те социальные структуры, которые помогают переселенцам из деревень приспособиться к устрашающему хаосу больших городов. Мартин верит, что ценности, распространяемые евангелистами и пятидесятниками, помогут обращенным прийти к лучшей жизни, а демонстрационный эффект привлечет новых верующих. Об этом же, кстати говоря, свидетельствует и тот факт, что многие латиноамериканцы считают протестантов людьми честными и надежными.

В конце этой работы о протестантизме Дэвид Мартин предлагает ряд советов протестантам, в том числе евангелистам и пятидесятникам:

Обращение к основным протестантским церквам

В принципе основные протестантские течения с уважением относятся к многообразию религиозного опыта и ценят другие подходы к пониманию Христова учения. Однако на пятидесятников их милосердие не распространяется — отчасти в силу приходящегося на период общего антиамериканизма предположения об их культурном родстве с Соединенными Штатами, но еще и потому, что в них видят успешных соперников, которые не разделяют ни экуменизма, свойственного основным течениям протестантизма, ни их склонности объяснять бедность и лишения чьей-то злой волей. Пятидесятников как знаменосцев старой протестантской этики обвиняют в том, что они служат не тем добродетелям и выбрали ошибочные социальные модели.

Однако пятидесятники и евангелисты — это мирные люди, позитивно относящиеся к современности, не отвергающие ее и не распространяющие враждебное отношение к ней. По большей части это движение черных женщин, стремящихся к достоинству и самостоятельности, которое представляет собой вызов культуре мачизма.

Эти движения, подрывающие сегодня позиции основных протестантских церквей, по крайней мере в третьем мире, подобны тем движениям, которые во времена Промышленной революции в Британии и американского

освоения западной границы подорвали положение тогдашних основных религиозных течений. А ведь эти течения были предшественниками того, что сегодня стало мейнстримом!

Во всем мире элиты склонны к покровительственной ностальгии в отношении «традиционных» сообществ, к чему их подталкивают антропологи, преданные идеям культурного релятивизма. Но изменение неизбежно, когда бедные и обездоленные начинают все отчетливей осознавать, что жизнь может быть более продолжительной и счастливой, менее тягостной, и при этом обнаруживают, что пятидесятничество — это надежный путь к облегчению жизни. Он заслуживает не стольчного презрения, а чего-то лучшего.

Обращение к пятидесятникам

Пятидесятники известны своей практичностью. Но по мере повышения качества своей жизни вы начнете больше времени проводить в школах и обнаружите для себя более широкие горизонты. Это станет испытанием для того духа, который ведет вас, когда вы выступаете против радостей изобилия и культуры. Вам также придется критично, но честно отнестись к идеологии интеллектуалов, которая не совпадает с вашей собственной. И вам придется столкнуться с вызовом социальной ответственности: каким образом существующие в вашей церкви взаимная поддержка и участие могут быть реализованы в масштабах всего общества?

Элиты верят, что экономические добродетели больше не имеют значения. Но тяжкий опыт борьбы за выживание и лучшую жизнь научил вас другому. Элиты не видят нужды в радикальных духовных и культурных изменениях, так как верят, что к лучшей жизни могут привести структурные изменения, инициированные государством. Но опять-таки опыт научил вас тому, что духовные и культурные перемены идут рука об руку и что они критически важны¹⁴.

Англопротестантская культура в Соединенных Штатах

В своей книге «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности» Сэмюэль Хантингтон в главе, посвященной англопротестантской культуре, пишет: «Почти четыре столетия эта культура

первопоселенцев оставалась основным элементом американской идентичности»¹⁵. Что составляет сущность англопротестантской культуры? Каковы главные черты этого продукта «протестующей, евангелической природы американского протестантизма»?¹⁶ Хантингтон указывает на американское кредо, получившее определение в опубликованной в 1944 году книге Гуннара Мюрдаля «Американская дилемма»: «Мюрдаль рассуждал о „внутренней гордости каждого человека, о фундаментальном равенстве всех людей, о неотъемлемых правах человека на свободу, справедливость и честные возможности“»¹⁷.

Для англопротестантской культуры основное значение имеют трудовая этика и личная ответственность, а также враждебное отношение к иерархии. Хантингтон отмечает: «Рабочая этика — ключевое понятие протестантской культуры, и с самого начала американская религия была религией работы. В других обществах базовыми источниками статуса и законности служили традиции, классовое и социальное положение, этническая и семейная принадлежность; в Америке таким источником была работа, труд. И аристократические, и социалистические общества призывают значение труда; общество буржуазное восхваляет труд. Америка, эта квинтэссенция буржуазного общества, превозносит и превозносит труд»¹⁸.

Центральными являются также «унаследованные от Англии традиции права и законотворчества и представления об ограниченности прав правителей, восходящие к английской Великой хартии вольностей. К этим традициям и представлениям наиболее радикально настроенные пуритане в эпоху английской революции присовокупили требования равенства людей и ответственности правительства перед народом»¹⁹.

Англопротестантская «протестующая, евангелическая» культура глубоко повлияла на течение американской истории, вновь и вновь выступая с инициативами реформ, которые включали: саму Революцию; движение за отмену рабства; начавшееся в 1890-х годах движение прогрессистов; начавшуюся в конце 1950-х годов борьбу против расовой дискриминации и начавшееся в 1960-х годах движение за реформу американских установлений.

Англопротестантская культура оказывала влияние и на внешнюю политику. «В международных делах большинство стран отдает приоритет тому, что именуется „реалистическим подходом“ к государственному могуществу, безопасности и финансам. Когда доходит „до серьезного“, Соединенные Штаты ведут себя точно так

же. Однако американцы еще ощущают настоятельную потребность „продвигать“ в культуру других стран те самые этические идеалы, которым они по-прежнему привержены»²⁰.

Иудаизм

Существует только одна страна, где преобладает иудаизм, — Израиль с населением более 6 млн человек. Но чрезвычайное влияние евреев на ход человеческой истории заставляет поднять ключевой для настоящей книги вопрос: что в еврейской культуре может объяснить поразительные еврейские достижения? Символом этих достижений служит тот факт, что от 15 до 20% Нобелевских премий присуждено евреям, составляющим 0,2% мирового населения. Еврейские достижения заметны не только в академической деятельности, но и в свободных профессиях, в политике, бизнесе, труде, в искусствах, музыке и сфере развлечений.

История еврейских достижений насчитывает не одно столетие. Первые евреи прибыли туда, где впоследствии возникли Соединенные Штаты, в 1654 году. «Питер Стайвесант [глава колонии Новые Нидерланды, ныне штат Нью-Йорк] хотел запретить евреям доступ в Новый Амстердам и в 1655 году в письме в Вест-Индскую компанию аргументировал это так: „[Евреи] крайне нежелательны потому, что христиане не могут конкурировать с ними“. Его запрет был опрокинут»²¹. В примечании к работе «Протестантская этика и дух капитализма» Макс Вебер приводит данные о семейном доходе и образовании в Баденском регионе Германии, которые показали ему существенное превосходство протестантов над католиками, что и заставило его взяться за написание книги. Но приводимые в том же примечании сведения показывают, что в этом отношении евреи явно опережали протестантов²².

Успех евреев и возбуждаемые этим зависть и обида служили главным, хоть и нечасто упоминаемым источником антисемитизма, который мобилизовал Адольф Гитлер в Германии и других частях Европы.

В своем эссе об иудаизме канадский журналист Джим Ледерман делится своим пониманием того, что именно в еврейской культуре является источником этих достижений. Многие из его замечаний заставляют вспомнить о «благоприятной для культуры» колонке нашей типологии, а также о сходных аспектах протестантской и конфуцианской доктрин:

Согласно еврейской традиции, жизнь и наше пребывание в этом мире — это по сути своей незаконченный проект (на личном и коллективном уровне), «незавершенное производство». Смерти не ищут... Окончательное решение основано на итогах всей жизни, на том, как она была прожита.

Вся человеческая деятельность и линия поведения, таким образом, должны быть направлены на жизнь и сохранение жизни, а потому должны быть ориентированы на будущее и на отдаленные перспективы. Это, в свою очередь, требует непрерывного социального предпринимательства и социального конструирования, которые могут быть оставлены только с появлением Мессии... Таким образом, каждый обязан активно участвовать в улучшении этого мира²³. В том, что следует делать и как это делать, следует руководствоваться сводом законов, обязательных для каждого — и прежде всего для самих евреев.

Считается, что основные правила морального поведения неизменны. Но возможны разные взгляды и толкования того, как именно следует действовать в тех или иных обстоятельствах. Об этом можно спорить. В силу этого у евреев нет автоматического презрения к новизне или уникальности, и почти во всех аспектах человеческой деятельности признается потенциальная ценность изобретения.

У евреев существует... конфликт между новаторством, основанным на рационализме, и оградительной ортодоксией, между стремлением к групповому выживанию — и жаждой самовыражения, между страстью к регламентации и творческой свободе — и личной ответственностью.

Лидерами становятся те, кто способен неустанно проявлять свои достоинства на практике. Признание людей нужно заслужить. Это награда, которой можно и лишиться. Хотя еврейская традиция требует повиновения и уважения к правителю (в случае демократии эту роль исполняет воля большинства), это не исключает идею, что принадлежность к лояльной оппозиции не является предательством. В еврейском мировоззрении центральная роль принадлежит концепции *тиккун олам*, «исправления мира»... [А главное для *тиккун олам* —] необходимость обеспечить

равные условия игры для каждого. В общем, утопический эгалитаризм отвергается, поскольку он отрицает бого-данную уникальность и творческую потенцию, присущие в каждом человеке. Поэтому практически все положения еврейского закона, не связанные напрямую с поведением по отношению к Богу, направлены на обеспечение честности в отношениях между людьми.

Социальный статус и социальная мобильность основаны на личных достижениях человека и его стремлении к совершенству. Ученость остается... высшей социальной ценностью. Сразу за ней идет искусный, вооруженный знанием труд.

Активность в «исправлении» созданного человеком закона в тех позициях, в которых он несовершенен или недостаточен, считается обязанностью. Образ действия по большей части рассматривается как средство, которое может быть изменено, но не как самоцель. На уровне отдельного человека и коллектива необходимыми и весьма похвальными чертами считаются самокритика, взаимопомощь и готовность бороться с разложением и коррупцией.

Примечательно, что у евреев почти во всех делах непосредственная ответственность за творчество и деятельность лежит на отдельном человеке, а вот долговременный успех — это достояние группы, которая установила нормы, способствующие высоким достижениям²⁴.

Католицизм

Эссе на эту тему написал Майкл Новак, успешно и плодотворно работающий светский исследователь католицизма. Он отмечает, что сегодня в мире более 1 млрд католиков, а больше всего их в Латинской Америке. Более того, церковь продолжает расти, прежде всего в Африке, и он предполагает, что к 2025 году численность католиков увеличится почти до 1,5 млрд человек.

Новак говорит, что церковь поздно начала поддерживать и продвигать демократию отчасти в силу того, что в XIX и XX веках либерализация в Европе чаще всего сопровождалась секуляризацией и антиклерикализмом. Но во второй половине XX века церковь отказалась от политики поддержки авторитарных режимов и стала поддерживать демократию, что способствовало волне демократизации в Латинской Америке в последние десятилетия XX века.

В этом развороте к демократии можно расслышать эхо наблюдения де Токвиля: «Те, кто считает, что католичество по своей природе враждебно демократии, ошибаются. Напротив, среди различных христианских учений католичество в большей степени, чем другие, благоприятно для возникновения равенства между людьми. У католиков религиозное общество состоит всего из двух элементов: священник и народ. Священник возвышается над всеми верующими, все, кто стоит ниже его, равны между собой... Как только священников отстраняют от управления или они сами от него отстраняются, как, например, в Соединенных Штатах, католики оказываются наиболее подготовленными своей верой к тому, чтобы перенести идею равенства в политическую жизнь»²⁵.

Изменение позиции церкви в отношении демократии особенно наглядно в случае Испании. В 1939 году Ватикан направил Франциско Франко поздравление в связи с его победой над республиканцами. Но четверть века спустя, после смерти Франко, кардинал Висенте Энрике-и-Таранкон сыграл ключевую роль в переходе Испании к демократии.

В своем эссе для проекта «Культура имеет значение» и в книге «Католическая этика и дух капитализма» Новак пишет о течении в католицизме, стоящем на позициях свободного рыночного капитализма. Он решительно настаивает на том, чтобы церковь отказалась от привычной для нее двойственности в отношении к капитализму.

В начале этой главы я привел данные, убедительно свидетельствующие о необходимости реформировать католицизм. По большинству параметров прогресса, которые охватывают эти данные, протестантские страны опередили католические.

- *Демократия*: католические страны в целом медленнее осуществляли укрепление демократических институтов, чем протестантские, а в Латинской Америке демократия и до сих пор хрупка.
- *Процветание*: католические страны, особенно латиноамериканские, отстают в экономическом плане. В составленном Мировым экономическим форумом Индексе конкурентоспособности первой появляется Австрия — под номером 17. Быстрое экономическое развитие Италии, Испании, Ирландии и Квебека сопровождалось процессами секуляризации, заставившими говорить об этих

обществах как о «посткатолических». В 2003 году журнал Economist объявил в одной из статей: «Принято было говорить о католической Испании. Сегодня это не так»²⁶. Марлиз Симмонс заметила в New York Times, что «из 43 млн испанцев только один из пяти считает себя верующим католиком»²⁷.

- *Распределение дохода:* с наибольшей неравномерностью доход распределен в Латинской Америке. В 1998 году 10% самых богатых бразильцев получали 48% дохода, а 10% самых бедных — всего 0,7%. Для сравнения: в Соединенных Штатах — где неравенства больше, чем в любой другой развитой стране, — 10% самых богатых американцев получили в 1997 году 30,5% дохода, а 10% самых бедных — 1,8%²⁸.

В крайнем неравенстве распределения дохода в Латинской Америке есть глубокая ирония: католическая церковь всегда объявила себя покровительницей бедняков — вспомните, что говорится у Матфея о верблюде, которому «легче пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в Царствие Небесное». Ирония тем остreee, что при том предпочтении, которое в кальвинизме отдается богатству, в протестантских странах бедных сравнительно меньше и они сравнительно не так бедны, как в католических.

- *Доверие:* в католических обществах уровень доверия существенно ниже, чем в протестантских.
- *Коррупция:* в католических обществах уровень коррупции существенно выше, чем в протестантских.

Майкл Новак обозначает главную цель преобразования католицизма: курс на искреннюю поддержку рыночной экономики и, разумеется, демократии. Двойственность католической доктрины в отношении экономики может быть частичной причиной затянувшегося флирта Латинской Америки с социализмом/этатизмом, с марксистско-ленинской теологией освобождения и с химерической теорией зависимости. Некоторые представители церкви выступали за «третий путь» в решении проблем бедности и социальной несправедливости, имея в виду, предположительно, страны Скандинавии. Но существующие в Скандинавии обширнейшие программы социальной помощи стали возможны только благодаря капиталистическому фундаменту экономики.

Другая ключевая реформа связана с моральными нормами католицизма. Я полагаю, что Вебер прав, противопоставив протестантское требование «святости» «столь свойственному природе человека» католическому «чредованию» «грех — раскаяние — прощение — новый грех». Более гибкий моральный кодекс католицизма вносит свой вклад в характерный для католических стран малый радиус идентификации, пониженный уровень доверия и повышенный уровень коррупции.

Возможно, гибкость моральных норм влияет и на высокий уровень преступности, примером чего является приводящая в смущение частота случаев похищения людей ради выкупа в современной Латинской Америке.

Строго говоря, сегодня влияние церкви, по крайней мере в Европе и Латинской Америке, совсем не таково, как в прошлом. Доля добросовестных католиков стремительно снизилась, то же самое произошло с прихожанами основных протестантских церквей — и десятки миллионов латиноамериканских католиков примкнули к евангелистам и пятидесятникам. Но церковь сохраняет существенное влияние, так что реформирование ее экономической доктрины и более принципиальная позиция в вопросах морали и этики может внести критически важный вклад в изменение традиционных ценностей, что необходимо для повышения шансов на дальнейший прогресс католических стран. Реформа способна также остановить и, возможно, обратить вспять происходящий в Латинской Америке отход от католицизма.

Православие

В эссе о православии эксперт по Восточной Европе Николас Гвоздев рассказывает о церкви, основная доктрина которой не поддерживает ни демократические институты, ни рыночную экономику. Православная церковь сегодня занимает примерно те же позиции, что и католическая до того, как во второй половине XX века она встала на путь полной поддержки демократии.

В своей статье о Грузии бывший чиновник грузинского правительства Ираклий Чхония перечисляет основные особенности православия, и читатель невольно вспоминает об обществах, противостоящих прогрессу и всему западному христианству, прежде всего протестантизму. Список таков: «покорность властям, подавление инакомыслия и инициативы, препятствование новаторству и социальным изменениям, смиренный коллективизм, противостоя-

щий индивидуализму, акцентирование этнической сплоченности, а не наднациональных отношений, изоляционизм и партикуляризм, духовный детерминизм и фатализм. Налицо также отвращение православия к неправославным западным церквам, к исламскому миру, к прошлым и нынешним политическим соперникам»²⁹.

Что касается возможностей изменения, то, по оценке Гвоздева,

многое зависит... от двух самостоятельных, но взаимосвязанных процессов. Во-первых, есть вопрос о том, смогут ли и захотят ли охранители православной традиции — не только священнослужители, но также интеллектуалы и активисты — « заново понять» ее таким образом, чтобы новое понимание оказалось более благоприятным для демократии и институтов свободного рынка. Во-вторых, есть вопрос о том, смогут ли православные массы — особенно «невоцерковленные» — принять это новое понимание как законное выражение их традиционной культуры. И ответ снова неясен. Опыт Великого Новгорода (описываемый в следующей главе. — Л.Х.) демонстрирует, что можно создать широкую поддержку реформ и модернизации, сохранив при этом связь с традиционной культурой и национальной идентичностью, однако опыт современных греков указывает и на возможность одновременного сохранения традиционной, противящейся прогрессу культуры и усвоения современной западной культуры, ориентированной на прогресс.

Опыт Новгорода говорит, что это возможно. Успешная перестройка культуры на местном уровне породила ощущимые результаты. С 1995 года валовой продукт области увеличивается в среднем на 4% в год... Хотя прямые иностранные инвестиции составляют по России всего 5%, в Новгородской области они дошли до половины всего объема инвестиций. Новгородская область считается одной из самых «демократичных» в России, а по числу гражданских объединений и неправительственных организаций входит в первую четверть. При этом православная церковь пережила настоящее возрождение, но не за счет отказа в религиозной свободе всем неправославным; напротив, иностранные наблюдатели называют российский север «самым экуменическим регионом России».

Со временем будет видно, сможет ли пережитое Новгородом и другими северными областями возрождение распространиться на национальную церковь в целом³⁰.

Комментируя эссе Гвоздева, эксперт по Греции Жорж Превелакис отмечает, что в этой стране влияние православной церкви выглядит по-другому:

Греческий случай не подтверждает гипотезу об экономическом поведении православной семьи. У греков много сходств и различий с другими православными народами, и у них немало общего с верующими других религий.

В случае Греции религиозная культура играет в целом положительную роль.

Греческая православная церковь активно занимается благотворительностью — это наследие ее оттоманского прошлого. В диаспоре церковь, выполняя свои благотворительные функции, зависит от даяний богатых прихожан. Неудивительно, что она поощряет экономические достижения. В этом вопросе ее послание недвусмысленно: обогащайтесь!

В самой Греции православная церковь порой тормозила модернизацию, но далеко не всегда. Ученые авторы, защищающие «православность» православия, критикуют церковь за связи с греческим государством, находящимся под влиянием протестантских ценностей. Таким образом, в самой Греции православная культура далеко не монолитна. Она представляет собой важный элемент (современной) национальной идентичности греков и в этом смысле сделала существенный вклад в созидание нации³¹.

Здесь мне придется повторить, с небольшими модификациями, мои заключительные замечания к разделу «Католицизм». Прежде всего, влияние православия в наши дни далеко не то, что было прежде. Но церковь сохраняет существенное влияние, так что реформирование ее экономической доктрины и более принципиальная позиция в вопросах морали и этики может внести критически важный вклад в изменение традиционных ценностей, что необходимо для повышения шансов на дальнейший прогресс православных стран. Реформа способна также остановить и, возможно, обратить вспять происходящий отход от православия.

Конфуцианство

В главе 2, рассказывая о типологии, я неоднократно отмечал наличие разных течений в конфуцианской культуре, многие черты которой — значимость образования и достижений, житейских добродетелей, заслуг, бережливости — попадают в колонку «Культура, ориентированная на прогресс». Но конфуцианство порождает также авторитарный взгляд на политику, имеющий источником центральную для этого учения добродетель — уважение к старшим.

В работе «Религия Китая» Макс Вебер доказывает: здесь едва ли возможен динамичный капитализм, потому что здесь нет аскетизма, играющего столь важную роль в кальвинизме, а экономическая деятельность в целом весьма непрестижна. Некоторые авторы, прежде всего экономисты, ссылались на его ошибку и неспособность предвидеть конфуцианское экономическое чудо как на свидетельство того, что культура *не имеет* значения. Но Вебер отметил ряд черт китайской культуры, родивших ее с протестантской этикой, и он не мог предвидеть, что ко второй половине XX столетия все конфуцианские общества поднимут престиж экономической деятельности на самый высокий уровень.

Антropолог Роберт Уэллс предлагает ценные замечания о сложности динамичного общества и о том, как культура оказывает и воспринимает влияние:

Культура всегда влияет на то, как развивается и работает политика, но не всегда легко оценить это воздействие по приблизительным описаниям традиций. Составляющие культуру сложные и меняющиеся течения требуют подробного знания местных деталей, должным образом соотнесенных с контекстом. Хотя культура податлива и многообразна, она никогда не является всего лишь созданием более широких социальных сил. При всей своей хаотичности и изменчивости, культура глубоко повлияла на то, как развились китайские общества, и так оно будет и впредь. Например, уникальные китайские культурные средства развития таких качеств, как доверие или индивидуализм, имеют источником совсем иные традиции, нежели те, которые питают эти идеи на Западе. И хотя глобальное распространение западных идей глубоко повлияло на китайские общества на протяжении прошедшего столетия и даже дольше, существование этих местных традиций

заставляет нас предположить, что китайцы разовьют собственные подходы к решению проблем современности. И о том, что начало этому уже положено, можно судить по успеху своего рода сетевого капитала... или по альтернативным формам гражданского общества (*alternate civilities*), которые помогли Тайваню упрочить свою демократию.

Культура и ценности, в отличие от генов, не передаются автоматически. Они подлежат воспроизведению в каждом очередном поколении, что открывает возможности для переделки культуры в эпохи изменений. До известной степени это уже произошло с трудовой этикой. Однажды меня попросили дать консультацию по вопросу массовой безработицы, которая возникнет, когда европейская фирма купит китайский сталелитейный завод, — но его служащие проявили мало интереса к перспективе нырнуть в море рыночного риска, зато очень интересовались защитой своих привилегий в качестве социалистических рабочих. Рабочая элита плановой экономики никогда не составляла большинство населения, но она свидетельствует об изменении культуры и отходе от трудовой этики. Например, в новой рыночной экономике успешными предпринимателями стали либо чиновники с хорошими связями, либо прежние маргиналы, однако среди них очень мало выходцев из прежде привилегированного класса работников государственных предприятий³².

Буддизм

Кристал Уilan, антрополог из Бостонского университета, подчеркивает крайнее многообразие буддизма, превосходящего в этом отношении все другие мировые религии:

Любой разговор о «буддизме» и его влиянии на экономическое, социальное или политическое развитие в Азии — это дело по ряду причин рискованное. Прежде всего, так называемые буддистские страны в действительности отличаются культурным и религиозным многообразием, и выделить в этой мешанине отдельные течения — чрезвычайно трудная задача. Во-вторых, «буддизм» бывает разным: теравада, махаяна, ваджраяна, а также великое множество новых религиозных движений, если и не чисто буддист-

ских, то «в буддистском стиле». Доктринальные и практические проекции этих «буддизмов» ориентированы по-разному. В-третьих, после столетий приспособления к определенной культуре изначальный «буддизм» может преобразиться настолько, что начинает походить на собственную иконографию — многоликого бодхисаттву с тысячами рук. Короче говоря, буддизм не монолитен, хотя нечто общее здесь всегда сохраняется, что делает возможным разговор о нем³³.

Из семи стран, затрагиваемых в эссе Уилана (в порядке убывания численности населения: Таиланд, Мьянма/Бирма, Шри-Ланка, Камбоджа, Лаос, Монголия и Бутан), Таиланд и Монголия больше других приблизились к целям, зафиксированным в основной Декларации прав человека. По индексу Freedom House обе считаются «свободными», а Таиланд получил номер 74 в Индексе человеческого развития (номер 1 — Норвегия, а номер 175 — Сьерра-Леоне). Из семи стран только в Таиланде имел место значительный экономический рост, хотя в значительной мере это заслуга прижившегося в стране китайского меньшинства.

Между буддизмом и экономическим развитием есть определенная совместимость, хотя многие буддисты склоняются к предложенному Эрнстом Шумахером подходу «малое — прекрасно». По словам Уилана, «буддизм может и не быть тормозом прогресса, потому что он равнодушен к приобретению богатства, а осуждает только привязанность к нему. Это указывает на значительный потенциал филантропической деятельности. И действительно, экспансия глобальной сети „деятельные буддисты“ (engaged Buddhists) является, пожалуй, самым значительным явлением в мире буддизма в последние годы»³⁴.

Что касается демократии и социальной справедливости, Уилан отмечает: «Существовавшая в Индии во времена Будды буддистская община, *сангха*, определенно олицетворяла идеал демократии — все равны в поиске просветления. Но... с тех пор буддизм, ассимилируясь в разных культурах, создал множество сложных иерархичных институтов, монашеских и мирских»³⁵.

Буддизм неоднороден и в вопросе равенства полов. Сиримаво Бандаранайке, бывшая премьер-министром Шри-Ланки в 1960–1965, 1970–1977 и 1994–2000 годах, была первой в мире женщиной, возглавившей правительство. При этом женоненавистническое

течение в Японии питалось сутрой «Кровавая чаша» (Bloodbowl Sutra), много столетий назад пришедшей из Китая. Уilan продолжает: «Первоначально направленная на тех, кто согрешил, запятнав себя кровью, т.е. совершивших насильственные преступления, она отправляет подобных людей в адское озеро Крови. Однако в Японии эта сутра была истолкована в духе женоненавистничества и использована как обоснование биологической ущербности женщин. Поскольку вся жизнь женщины — от родов до месячных — сопряжена с кровью, ей самое место в адском озере Крови... Более того, одна из самых важных для Японии сутр... утверждает, что для достижения просветления женщина в последовательности реинкарнаций должна родиться мужчиной»³⁶.

Повторю сделанный ранее вывод: трудно сказать что-то определенное о буддизме, но все данные указывают на то, что он не очень благоприятен для модернизации.

Ислам

Статьи об исламе для проекта «Культура имеет значение» написали Бассам Тиби, сирийский араб, преподающий в Геттингенском университете в Германии, и Роберт Хефнер, антрополог из Бостонского университета. Тиби критикует ислам за сопротивление прогрессу и призывает к широкой реформе в духе ооновских «Докладов о положении человека в арабском мире» за 2002 и 2003 годы. Хефнер рассматривает ислам через призму Индонезии, где религиозные течения соперничают между собой.

Тиби доказывает, что соперничество между исламскими течениями привело к длительным дебатам, но не смогло существенно изменить его неуклонный упадок в качестве силы прогресса. Он заключает:

Среди разных объяснений культурной окоченелости современного ислама выделяется указание на культурную замкнутость и нежелание учиться у других, что может получить и психологическое истолкование: бывает, заимствование у других воспринимается как нанесение ущерба своему эго, своему чувству самодостаточности*. Отталкивание новшеств — это второй важный фактор, и в дополн-

* Нельзя не вспомнить аналогичное замечание Ортега-и-Гассета об испанцах до того времени, когда Испания открылась Западу и преобразилась.

нение к культурному/религиозному объяснению здесь может действовать тот же психологический сценарий. Третье объяснение — из сферы политики. «Революция против Запада» — термин, отчеканенный Хедли Буллом в эссе, в котором он доказывает, что исламский фундаментализм направлен не только против западной гегемонии, но и против западных ценностей³⁷.

Четвертой, и последней, препоной является сочетание глобализации и фрагментации культуры. Во всем мире процессы глобализации изменяют экономические и политические структуры, но только не культурные, потому что последние всегда локальны и крайне устойчивы. Люди разных культур могут использовать одни и те же научно-технические средства (скажем, компьютеры и Интернет), но при этом сохранять традиционные ценности. Фрагментированность культуры стоит на пути к универсализации ценностей, от которых зависит возможность мира и прогресса.

Вражда и близость между Западом и исламом никогда не были так острь, как в наше время. Среди исламистов преобладает мнение, что Pax Americana должен быть сметен напором джихада и заменен Pax Islamica. Это нежелание принять западные (а теперь и восточноазиатские) ценности прогресса и развития связано не только с культурными барьерами, которые мы здесь анализируем, но и с господствующими в исламском мире антизападными настроениями. Мы не можем свести это отношение к протесту против глобализации, ибо ценности прогресса и развития воспринимаются как сугубо западные и отвергаются именно как таковые³⁸.

Хефнер, который подчеркивает, что во всех культурах есть «собственный внутренний плюрализм, разнообразие или соперничающие „течения“»³⁹, допускает ноту надежды: для него эволюция ислама в Индонезии и, прежде всего, успешно проведенные в 2004 году национальные выборы служат знаком его растущей совместимости с демократией, если опустить кровавые эпизоды вроде бомбардировки Бали. Он заключает:

В конечном итоге исход борьбы между [противостоящими] плюрализму консерваторами и умеренными]

в политической культуре ислама будет зависеть от различных обстоятельств. Для конструктивного исхода (civic outcome) потребуется, помимо всего прочего, больше плюрализма в распределении власти между государством и обществом. А для этого, в свою очередь, необходимо, чтобы исламские ученые приняли и узаконили новый социальный плюрализм. Однако если цивилизованность и плюрализм и возобладают, то не в результате триумфа антиклерикального модернизма; просто новое поколение поймет то, что предшествовавшие авторитеты признавали пусть не на словах, но на практике: разделение властей и десакрализация государства отвечают глубочайшим интересам самого ислама. Разумеется, пока далеко не ясно, что ждет мусульманский мир в XXI веке. Однако есть основания для осторожного оптимизма, так как это будущее будет зависеть не от вековых религиозных истолкований, а от современных культурных обстоятельств⁴⁰.

Здесь я хотел бы привести комментарий пакистанского политолога и моего коллеги по школе Флетчера Адиля Наджама. «На словах в исламе нет ничего враждебного демократии, и можно даже доказывать, что в нем есть сильные демократические начала... проблема возникает скорее в области юриспруденции и законодательства — предполагается... по крайней мере в Пакистане... что в исламе все законы уже есть, а потому дело правительства не в том, чтобы создавать законы, а в том, чтобы просто проводить в жизнь уже существующие»⁴¹.

Из данных, представленных в таблице 4.1, вырисовывается гнетущая картина современного ислама. Если не считать редкие исключения, прежде всего Турции, в исламских странах, не располагающих нефтяными месторождениями, царят бедность и деспотизм; а как следует из существенно более низкого уровня женской грамотности по сравнению с мужской, женщины в них подвергаются дискриминации. Имеющие нефть страны богаче, но в них, за исключением Индонезии, тоже царят авторитаризм и дискриминация женщин. Уровень рождаемости очень высок, хотя и снижается; уровень доверия крайне низок, а коррупции, напротив, высок.

Современное состояние исламских стран резко контрастирует с передовыми позициями ислама в последние столетия первого тысячелетия и в первые столетия второго тысячелетия, а равно

и с мощью и славой Османской империи XVI и XVII веков. Исламские страны сильно отстали не только от Запада, но и от стран Восточной Азии. Самоуважение мусульман страдает от ежедневных напоминаний о силе и богатстве Запада и Восточной Азии, от зрелища их открытости и демократичности, от сознания того, что большинство исламских обществ страдают от бедности, бессилия и отсталости.

Усама бен Ладен говорит, что его акты насилия против невинных людей, прежде всего против американцев, есть возмездие за политику США на Ближнем Востоке, прежде всего в отношении Израиля. Но я подозреваю, что движут им главным образом унижение и горечь, которых не могут не чувствовать ни он сам, ни другие мусульмане, особенно арабы, размышляя над упадком ислама и постоянно сталкиваясь со свидетельствами глубины этого упадка.

Напомню читателю приведенные во введении слова Бернарда Льюиса: «Когда люди приходят к пониманию, что все идет не так, они могут задать себе два вопроса: „Что мы сделали не так?“ и „Кто виноват?“. Второй вопрос ведет к теориям заговора и паранойе. Первый вопрос ведет в другом направлении: „Как нам это поправить?“»⁴²

В отличие от Усамы бен Ладена авторы ООНовских «Докладов о положении человека в арабском мире» 2002 и 2003 годов задались вопросом: «Как нам это поправить?» И если вы снова вспомните введение к этой книге, они настойчиво порекомендовали культуру и ее изменение. Среди всего прочего в докладах подчеркиваются следующие желательные цели:

- Открытость миру, прежде всего западному, и конструктивное участие в его делах.
- Терпимость и уважение к другим культурам.
- Уважение к правам и потребностям женщин, молодежи и детей.
- Уважение к знанию и образованию.

Сформулированные в этих докладах ООН рекомендации возвращают нас к взглядам Бассама Тиби и Роберта Хефнера. Авторы доклада разделяют убеждение Тиби, что для прогресса арабских народов и, косвенным образом, мусульман всего мира необходима реформа ислама. В своей статье Тиби проясняет, что существенную поддержку для такой реформы можно найти в Коране. Но главная проблема состоит в том, о чем говорит Хефнер: множество мусульман по всему миру, которые задаются вопросом «Кто виноват?» (и отвечают: «Американцы, евреи, Запад»), надо убедить в том, что пользу может принести совсем другой вопрос: «Как нам это поправить?»

Индуизм

Пратап Бхану Мехта доказывает: в качестве доктрины индуизм слишком гибок, а структура его слишком расплывчата, чтобы он мог служить поддержкой реформ, особенно в том, что касается отношения к кастам и фатализма. Он даже утверждает, что, если государство настроено на реформу, как это бывало в Индии в прошлом, «религия не явится и существенной помехой»⁴³.

Мехта ощущает отсутствие связи между индуизмом и модернизацией. «Индуизм подчеркивает значимость осознания и максимально полного развития потенциала личности, реализации своего высшего „Я“ — что может показаться многообещающим ресурсом для демократического будущего. Однако в истории Индии было совсем немного попыток создать социальную структуру, которая могла бы хоть как-то помочь в этом деле. В таких вещах главное не то, чему учит традиция, а то, как и что думают ее носители. Люди — ведь это не просто пассивный продукт культуры или религиозного учения, а действующие агенты, которые постоянно и активно создают и переделывают представления о своих убеждениях и социальных миражах»⁴⁴.

Многие, в том числе и Гуннар Мюрдаль, считали, что индуизм чужд демократии просто в силу наличия кастовой системы. Мехта говорит:

Возмутительные кастовые различия... служат напоминанием о сложных преобразованиях, которые предстоит пройти индуизму, чтобы стать совместимым с демократией. Кастовая система со всеми ее запретами, недопущениями и регламентами является одной из самых проработанных и чрезвычайно иерархичных социальных концепций, когда-либо придуманных человечеством... Общество, поглощенное кастами, вряд ли можно счесть особо пригодным для демократии, личной свободы или равенства... Поразительно то, что самое иерархическое из обществ с такой готовностью приняло в теории, а потом во все большей степени и на практике принципы и процедуры либеральной демократии.

Поражает скорость изменений общества, скованного тысячелетними обычаями. О всеобщем праве голоса впервые заговорили в 1890-х годах. К середине 1920-х массовое движение, представляющее индуизм, приняло этот

принцип. После того как в 1947 году Индия получила независимость от Великобритании и отделилась от Пакистана, главным направлением политических перемен было расширение прав многочисленных, но издавна терпевших приниженное положение низших каст. Сегодня они составляют политический центр тяжести в крупнейшем демократическом государстве мира⁴⁵.

Многие, в том числе Макс Вебер и Гуннар Мюрдаль, полагали, что индуизм препятствует экономическому развитию, указывая при этом на свойственный ему фатализм, символизируемый учением о *карме*, и на застылость и неэффективность кастовой системы. Но Мехта отмечает:

То, что антропологи сочли неподвижностью кастовой системы, было всего лишь проецированием прошлого состояния дел, сложившегося в колониальный период и сразу после него. Свидетельством этого является тот факт, что с переходом к демократии кастовые отношения претерпели поразительные изменения. В городах касты выполняли совсем иную функцию, нежели в условиях деревенской скучности. Во-вторых, очень мало свидетельств того, что индуистские «верования» порождают нечто хоть как-то сходное с фаталистическим отношением к этому миру. В индуизме никогда не было нехватки стремлений или амбиций⁴⁶.

Фактически, утверждает Мехта, по мере экономического подъема Индии, особенно в последние два десятилетия, кастовые барьеры делались все более проницаемыми.

Индуизм явно способствовал существованию полового неравенства, символом которого являются опубликованные Всемирным банком данные: неграмотными в Индии были 31% взрослых мужчин и 54% взрослых женщин⁴⁷. «Они называют нас богинями, а обращаются как с рабынями», — цитирует Мехта индусского поэта Мэйтли Шарана Гупту. И замечает:

Мало сомнений в том, что большинство текстов, обсуждающих ритуальные аспекты индуизма и права женщин, испещрены проявлениями женоненавистничества, тогда как

эпические тексты демонстрируют куда большее признание женского фактора. Но нет сомнений в том, что женщины находились в крайне подчиненном положении, и все это — детские браки, отношение к вдовам, предпочтение, оказываемое младенцам мужского пола, — санкционировала религия.

Столь же поразителен и тот факт, что под давлением движения за реформу оказалось настолько просто лишить идеологической легитимности всю систему подавления женщин. Так что в формальном плане государство Индия, проведя ряд законов и судебных решений, оказалось крайне прогрессивным и сумело устраниТЬ последние следы дискриминации. Но в действительности женская жизнь все еще полна ужасающей дискриминации.

Приходится сделать вывод, что патриархальность оказалась чрезвычайно устойчивой и неуступчивой, поскольку сумела пережить даже религиозную реформу⁴⁸.

Общий вывод автора оказывается сдержанно оптимистичным:

Одним из достоинств индуизма является то, что многим из своих последователей он открыл путь к преодолению ограничений, создаваемых его же традицией, не сделав эту традицию жалкой и презренной⁴⁹.

Взгляды Альфреда Степана на мировые религиозные системы и демократию

В работе «Сопоставление политических подходов» Альфред Степан, политолог Колумбийского университета, утверждает: в «Столкновении цивилизаций» Сэмюэль Хантингтон предлагает чрезмерно обобщщающие суждения о конфуцианской, исламской и православной цивилизациях⁵⁰. Далее он доказывает, что все мировые религиозные системы политически совместимы или по меньшей мере могут быть «политически совместимыми с демократией», с чем Хантингтон фактически согласен, по крайней мере когда речь идет о главных религиях⁵¹. Я полностью присоединяюсь к одному утверждению Степана: либеральные и консервативные встречные течения — то, что он называет «многоголосием», — присутствуют во всех религиях. Но, выступая в качестве «эмпирического теоретика

демократии», особенно в случае ислама, Степан игнорирует один бросающийся в глаза эмпирический факт: в мире есть только одна преимущественно исламская страна, которую Freedom House счел «свободной», — Мали.

Более того, взгляды Степана проникнуты «религиозным релятивизмом», о котором я упоминал в начале этой главы. Он не делает существенных различий между странами протестантскими и католическими, пренебрегая таким образом тем фактом, что протестантские страны раньше и с большим успехом пришли к демократии и отличаются от католических заметно более высоким уровнем доверия и меньшим уровнем коррупции. И хотя напрямую он этого не говорит, можно сделать вывод, что он не видит непреодолимых препятствий для демократии в вуду и других анимистических религиях.

Степан доказывает: заблуждаются те, кто считают «условия, сопутствующие изобретению чего-либо, необходимыми и для его воспроизведения или, точнее сказать, для формулирования этого заново»⁵². Я согласен, что у опоздавших есть образец для подражания, так что им легче воспроизвести или заново сформулировать демократические принципы, — можно вспомнить пример Испании. Однако само слово «заблуждение» изображает процесс демократизации делом куда более простым и легким, чем оказалось, скажем, в случае России и Латинской Америки. Это еще раз подтверждает мудрость Алексиса де Токвиля: ресурсы и хорошие законы чрезвычайно полезны, но по-настоящему имеют значение «привычки, обычаи и нравы» людей. Например, трудно сделать демократию эффективной в обществе с низким уровнем доверия.

Степан сталкивается с той же проблемой, что и Майкл Ноувак в своей книге «Католическая этика и дух капитализма»: прогрессивные течения существуют, но они не в состоянии повлиять на основное течение. В статье, опубликованной в 2005 году в журнале Foreign Affairs, Бернард Льюис подчеркивает, что «Равенство среди верующих являлось одним из основных принципов ислама с момента его возникновения в VII веке»⁵³. Но сегодня этот основной принцип незаметен в политике большинства исламских стран, и прежде всего на Ближнем Востоке. И пока несколько исламских стран не смогут создать для себя устойчивые демократические режимы, правота останется за пессимистической точкой зрения — моей и Хантингтона. Как легко понять, задача этой главы состоит в том, чтобы побудить религиозных лидеров поразмышлять об

основных течениях, которые увеличили их от демократии, справедливости и процветания, и поискать в опыте более развитых обществ и во встречных течениях собственных религий программы таких реформ, которые будут способны привести к этим целям.

Заключение

Изменяются не только культуры, но и религии — об этом свидетельствует преобразование ислама из религии прогресса в религию со-противления прогрессу. Внутри христианства можно отметить несколько динамичных трансформаций, в том числе упадок основных протестантских церквей и подъем евангелистов и пятидесятников, сопровождаемый быстрым ростом их влияния в Латинской Америке, Африке и в других регионах.

Я хочу еще раз подчеркнуть, что не только религия оказывает влияние на культуру. Культура басков веками ориентировалась на прогресс, но при этом баски — преданные католики. Успех Чили после завоевания независимости — в сравнении с другими странами Латинской Америки — почти заведомо связан с тем, что здесь доля басков больше, чем в других странах Латинской Америки.

Религия играла очень большую роль в формировании систем ценностей и установок, влияющих на поведение обществ и отдельных людей. Реформирование религии, отказ от традиционных, враждебных прогрессу ценностей в пользу ценностей, которые мы связываем с модернизацией, может стать ключевым фактором ускорения прогресса в нескольких отстающих регионах мира.

5 Культура в действии. I

Чтобы лучше понять замысловатую игру причинно-следственных связей между культурными и иными факторами в развитии обществ и факторами, ведущими к изменениям культуры, мы заказали 27 исследований — большей частью об отдельных странах, но также о регионе (Восточная Европа), о провинции (Квебек), о городе Новгород и городе народности йоруба в Нигерии, а также об этническом меньшинстве (афроамериканцы). Эссе, легшие в основу этой главы, были опубликованы в сборнике «Развивающиеся культуры: исследование конкретных примеров» (издательство Routledge).

Объектами исследования, сгруппированными по региональному или цивилизационному признаку либо оставшимися несгруппированными (Индия), были:

Африка	Латинская Америка
Ботсвана	Аргентина
Южная Африка	Бразилия
Община Йоруба в Нигерии	Чили
Конфуцианские страны	Мексика
Китай	Венесуэла
Япония	Православные / Восточная Европа
Сингапур	Восточная Европа
Тайвань	Грузия
Индия	Новгород
Ислам	Россия
Египет	Запад
Индонезия	Афроамериканцы
Пакистан	Ирландия
Турция	Италия
	Квебек
	Испания
	Швеция

Страны из первой колонки мы рассмотрим в этой главе, а из второй — в главе 6.

Авторов исследований попросили ответить на четыре вопроса:

1. Каким образом культурные ценности и установки повлияли на развитие общества?
2. Какие другие факторы влияли на развитие общества?
3. Каким образом эти другие факторы влияли на культурные ценности и установки?
4. Существуют ли свидетельства изменений культуры?

А если да, то чему можно приписать эти изменения?

Во многих случаях исследователи имели дело с историями успеха — поразительными политическими, социальными и/или экономическими преобразованиями. Другие исследования выявили определенные преобразования, но со значительной долей элементов, сохранившихся со времен отставания. В некоторых случаях оказалось, что не изменилось почти ничего. Я надеялся, что исследования выявят модель изменений, которая поможет в дальнейшем планировать изменение культуры, что, собственно говоря, и является целью исследовательского проекта «Культура имеет значение».

Африка

В работе камерунского экономиста Даниэля Этунга-Мангуэля об Африке и, особенно, в главе «Нуждается ли Африка в программе корректировки культуры?» в сборнике «Культура имеет значение» выделены особенности культуры, препятствующие прогрессу большинства африканских стран:

- Традиционные авторитарные, иерархические институты и соответствующий склад ума граждан; низкая социальная мобильность.
- Ориентация на настоящее и недостаток трудового энтузиазма.
- Наплевательское отношение к эффективному использованию времени.
- Подчинение индивидуумов общине.
- Чрезмерное веселье и боязнь противоречий.
- Минимум сбережений и демонстративное потребление.
- Вера в магию и колдовство.
- Очень короткий радиус идентификации и доверия.
- Подавление женщин и злоупотребление их покорностью.

Африка — это тот регион, в котором оптимизм, владевший специалистами по развитию в 1950-х и 1960-х годах, оказался наименее

оправданным. Восточная Азия испытала несколько «чудесных» преобразений — и политических и экономических, а завершением стал поразительный рост китайской экономики на протяжении последней четверти века. Если в Индии, в этой гигантской демократической стране, продолжится недавно начавшийся быстрый экономический рост, через пару десятилетий она станет совсем иной. Да и Латинская Америка, при всей нестабильности и неровности ее исторического пути, стала намного более демократичной, либеральной и зажиточной, чем пятьдесят лет назад, — хотя ей и до сих пор присуща крайняя социальная несправедливость.

В своей книге «Судьба Африки» Мартин Мередит приходит к выводу: «Прошло пятьдесят лет после получения независимости, и больше всего поражает то, в какой степени африканские страны все еще страдают от тех же злоключений... [К концу 1980-х годов] ни один руководитель африканской страны не покинул своего поста по итогам выборов»¹. Джамет Маслин, написавшая рецензию на эту книгу для газеты *New York Times*, добавляет: «Почти вся книга [Мередита] составлена из документальных свидетельств неистового взяточничества и поражающей воображение коррупции»².

О реальном положении дел в Африке мир может судить по огромному числу жертв гражданских войн, по размаху эпидемии СПИДа и массовому недоеданию. По всем десяти показателям прогресса, которые мы использовали в главе 4, африканские страны занимают самые нижние позиции. В этом регионе демократическое правление, обеспечивающее политические права и гражданские свободы, — редкость, а устойчивая демократия — еще большая редкость. Но в такой безрадостной картине есть одно яркое пятно — Ботсвана.

Ботсвана

По большинству показателей Ботсвана развивается существенно лучше, чем другие африканские страны. В индексе, составленном Freedom House, она значится «свободной», причем с таким же баллом, как Тайвань и Южная Корея. Здесь десятилетиями поддерживаются устойчиво высокие темпы экономического роста. По уровню коррупции в перечне развивающихся стран ниже ее только Чили, и она опережает по этому показателю такие страны, как Япония, Испания, Бельгия, Греция и Италия. Подобно многим африканским странам, она страдает от СПИДа, но во многих других

отношениях должна быть признана африканским «чудом». Почему в Ботсване все по-другому? Вот ответы, подготовленные Стивом Льюисом, экономистом и специалистом по Ботсване:

- Давнишняя традиция собираться для обсуждения важных вопросов на *kgotla*, «деревенской площади, используемой для вынесения судебных приговоров, принятия административных решений или совещаний с участием вождя»³.
- Конструктивное влияние прибывших из Британии протестантских миссионеров, особенно в области образования и здравоохранения. Вожди первыми обратились в христианство.
- Традиция мирного решения конфликтов.
- «Значимыми добродетелями считались уважение к другим, прямота, умеренность, честность и отсутствие гордыни»⁴.
- В десятилетие, непосредственно предшествующее получению независимости в 1966 году, в Ботсване действовал просвещенный и конструктивный колониальный администратор Питер Фоукус.
- В 1967 году было открыто крупное месторождение алмазов, и Ботсване удалось договориться с компанией DeBeers о выгодных условиях сотрудничества.
- Продуманная и хорошо организованная экономическая и социальная политика.
- Сильная гражданская администрация.
- Самое важное: три первых президента страны — Серетсе Кхама, Кетумиле Масире и Фестус Могае — оказались эффективными демократическими лидерами. Все они учились в школах, устроенных британцами в Южной Африке и/или в британских университетах. Все три президента стремились к тому, чтобы Ботсвана стала современной, демократичной и процветающей страной, и проводили соответствующую политику. В отличие от других африканских лидеров их интересовали интересы страны, а не личное обогащение, власть и престиж.

ЮАР

ЮАР была обществом апартеида, в котором доминировало белое меньшинство, а превратилась в демократическое государство с пре-

обладанием черного большинства. По ходу дела ЮАР стала лидером африканских народов. Но все это не сопровождалось преобразующими темпами экономического роста. В 2004 году ЮАР занимала 119-е место (из 177 стран) в ооновском Индексе человеческого развития (Никарагуа, одна из беднейших стран Латинской Америки, заняла 118-е место).

В своей статье о ЮАР Анна Бернштейн, политический аналитик из Центра развития и предпринимательства в Йоханнесбурге, упоминает традицию, которую черные южноафриканцы называют *убунту*, что приблизительно переводится как «гуманность». Традиционная формула такова: «Люди становятся людьми благодаря друг другу, а король является королем благодаря людям»⁵. *Убунту* было лозунгом движения против апартеида и сегодня служит моральной опорой новой многоплеменной ЮАР, для которой центральной стала концепция общности. Далеко не ясно, однако, является ли *убунту* чем-то большим, нежели романтический лозунг. Бернштейн отмечает, что в проведенном в 1999 году опросе только 3% респондентов упомянули *убунту* как основу дальнейшего развития ЮАР.

Президент Табо Мбеки является архитектором плана изменения культуры, названного «африканским ренессансом». Цели этого возрождения таковы:

- Опровергнуть идею, что Африка отличается от других, что она хуже других.
- Доказать, что Африка может измениться, и вернуть ей достоинство.
- Продемонстрировать, что африканцы принимают ответственность на себя, признают ошибки и работают над их устранением.
- Избавить Африку от таких позорных явлений, как, например, резня в Руанде.
- Вернуть африканскую силу и энергию.
- Сделать реальностью связь между Африкой и правами человека.
- Гордиться не только своим наследием, но и способностью Африки к модернизации⁶.

Как отмечает Бернштейн, «для президента Мбеки и членов его команды африканское возрождение... это и политический инструмент, и глубокая вера. Однако данные опросов показывают, что людей все это не очень интересует»⁷.

До сих пор повсеместно распространены магия и колдовство, которые в полной мере присутствуют и в новых религиозных (христианских) движениях. Но есть параллели и с латиноамериканским подъемом пятидесятников и евангелистов: на обоих континентах главную роль играют женщины, а главными ценностями делаются протестантская трудовая этика и накопление богатства.

Другие черты африканской культуры, служащие препятствием на пути прогресса, отмечены Этунга-Мангуэлем: крайнее давление со стороны менее удачливых членов семьи, требующих перераспределения богатства, тормозит накопление капитала; подчиненное положение женщин, отдельные формы которого способствуют распространению СПИДа; неумение заботиться о времени: «время — это континуум, не делящийся на доли»⁸.

Община йоруба в Нигерии

Элиша Ренне, антрополог из Мичиганского университета, пишет об изменении культурных практик, связанных с рождаемостью и местным развитием в заселенном йоруба городе Итапа-Екити на юго-западе Нигерии. «У живущих в Екити йоруба есть отличительные культурные практики и история, соотносящие социальный идеал воспитания детей до совершеннолетия с развитием их общины. В самом деле, эту связь поддерживает слово, обозначающее развитие, *идагбасоке*, буквально означающее „факт выращивания (*си оке*) до зрелого возраста (*ди агба*)“⁹.

Главной силой изменения культуры было образование — чем образованнее женщины, тем меньше у них детей. Ренне связывает распространение образования с появлением в этих краях в первые десятилетия XX века протестантского христианства. Другой фактор изменений — строительство дороги, связавшей этот город с остальной страной, что облегчило мужчинам миграцию в поисках работы. (Мне вспоминается роль новой дороги в модернизации в случае Кьянмонте в Италии, в этом «Монтеррано», о котором написал Эдвард Бэнфилд в работе «Моральные основы отсталого общества»¹⁰.)

И в этом случае также сыграл свою роль просвещенный лидер — вождь Сэмюэль Айола Дада, который учился сначала в методистских школах, а потом получил дипломы Ибаданского и Лондонского университетов. Он преподавал, писал учебники математики, работал в Министерстве образования и стал главой национальной Африканской церкви. При этом он все время поддерживал связи

с родным городом, где и стал первым президентом Прогрессивного союза Итапы. Именно Союзу принадлежит заслуга в строительстве средней школы, почтового отделения и роддома.

Ренне прослеживает изменения оказываемой правительством поддержки развития в Итапа-Екити и делает вывод: «Хотя объединенные местные проекты развития внесли вклад в улучшение качества их жизни и небольшое сокращение уровня рождаемости... жизненная значимость сохранения социальных уз внутри общин — в условиях значительной политической и экономической неопределенности — поддерживала сравнительно высокую рождаемость и практику воспитания приемных детей. Таким образом, молодые и получившие образование горожане пересматривают отношения к родственным связям (кто такие хорошие родители, кого считать „близким родственником“, нужно ли брать чужих детей на воспитание), и в то же время, принимая решения, они учитывают экономические и политические обстоятельства»¹¹.

Работа Ренне дает нам картину общества, в котором происходит затянувшаяся, с неясным исходом борьба между модернизацией и традиционализмом. То, что в Нигерии сильны культурные силы, противящиеся модернизации, иллюстрирует сенсационная статья в New York Times от 11 августа 2005 года: «Укоренившаяся болезнь: насилие над женами в Африке», в которой приводится следующее высказывание нигерийского министра по делам женщин: «Похоже, для женщин обычное дело, когда мужья используют их как боксерскую грушу. Нигерийские мужчины убеждены, что женщины — это низшие существа. С самого раннего детства мальчикам отдается предпочтение перед девочками. Даже женясь по любви, они пребывают в уверенности, что женщина ниже их и с ней можно обращаться как угодно».

Конфуцианские страны

Фоном для работ, посвященных конфуцианским странам, служат экономические «чудеса», явленные ими во второй половине XX века. Японское экономическое чудо после Второй мировой войны стало повторением стремительной модернизации, последовавшей после свержения династии Токугава в 1868 году. Южная Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур — все они прошли через длительный период быстрого экономического роста, сделавшего их членами элитного клуба развитых стран. По прошествии четверти века быстрого экономического роста экономика Китая стала одной из самых мощ-

ных в мире, и начались даже разговоры о том, что в XXI веке Китай сможет заменить Соединенные Штаты в качестве ведущей мировой экономики. Было убедительно продемонстрировано, что конфуцианская система ценностей в условиях капиталистической/рыночной экономики ведет к взрывному экономическому росту, а в условиях марксистско-ленинской модели — к трагическим последствиям, известным по примерам Северной Кореи, Вьетнама и самого Китая в период до правления Дэн Сяопина. Теперь у нас есть ответ на старую загадку: «Почему китайцы так хорошо живут в чужих странах и так плохо — в самом Китае?» Когда экономическая политика сделала предпринимательство возможным и выгодным, китайцы начали процветать и у себя в стране.

Со временем мы узнаем, сможет ли этот экономический подъем, начавшийся благодаря плюрализму экономической системы, привести Китай и Сингапур к той же системе политической демократии, которую уже приняли Япония, Южная Корея и Тайвань. Я верю, что все будет именно так, потому что экономический плюрализм и средний класс, созданный высокими темпами экономического роста, неизбежно послужат неопровергаемыми аргументами в пользу политического плюрализма.

Китай

Статья о Китае, написанная гарвардским социологом Ту Вэймином, посвящена влиянию интеллектуалов в новейшей китайской истории — весьма уместная тема, поскольку в конфуцианском обществе именно интеллектуалы занимают верхние ступени иерархической лестницы. Автор так описывает поворотный 1976 год — год возрождения конфуцианского гуманизма:

Реалистичный прагматик Дэн, столь непохожий на революционного романтика Мао, понял, что для модернизации Китая необходима рыночная экономика. Рынок идей, возникший под крылом экономической либерализации, оказался непредвиденным последствием политики «реформы и открытости», и интеллектуальное сообщество приветствовало его как весну, наступившую после мучительно долгой и суровой зимы. Лозунг «пусть расцветают сто цветов», который в 1950-х годах оказался коварной ловушкой для доверчивых интеллектуалов, выступивших с резкой критикой деспотизма партии и поплатившихся за это

карьерой и жизнью, в этот раз воплотился в жизнь, возможно, и ненамеренно¹².

Короче говоря, произошла полнейшая замена маоистского радикализма умеренной, постепенной, стабильной и устойчивой программой развития. В историческом плане Дэн Сяопин оказался сторонником решительного отхода от господствовавшей в КНР идеологии и знаменательного возвращения к традиционным, точнее говоря, конфуцианским культурным нормам¹³.

Достаточно отметить, что потребовалось не менее двух поколений конфуцианских мыслителей, чтобы тщательно переформулировать традицию в ответ на вызов современного Запада. Они не заняли позицию непреклонного сопротивления разъедающим иностранным влияниям, чтобы защитить традицию. Но не стали они и пассивными жертвами «культурного империализма», черпавшего силы в превосходящей мощи Запада. Хотя они были критичны к агрессивному антропоцентризму, грубому рационализму и собственническому индивидуализму современной западной ментальности, но безоговорочно приняли такие ценности Просвещения, как свобода, справедливость, рациональность, надлежащая законная процедура, права человека и личное достоинство¹⁴.

До сих пор есть сомнения в том, что в Китае уже возникло жизнеспособное гражданское общество, но движение к плюрализму налицо. В атмосфере усиливающегося плюрализма расцветает рынок идей. Идет острая и нередко жестокая борьба за внимание, власть, влияние и финансовое вознаграждение... Коррупция неистовствует. Эгоизм и частная прибыль готовы вот-вот превратить все общество в рынок. Даже в академическом сообществе любезность и порядочность отступают на задний план¹⁵.

То, что описывает Ту Вэймин, — это возрождение конфуцианских традиций и, прежде всего, образования, принципов достижения и заслуги, внесивших такой мощный вклад в прогресс Китая, который до XIX века был по меньшей мере сравним с европейским. Мао

попытался уничтожить эти традиции — к счастью, безуспешно. Китайский ренессанс — это сочетание западных и конфуцианских ценностей, которое может сделать реальным то, что прежде воспринималось как оксюморон, — конфуцианскую демократию.

Япония

Японский экономист Йошихара Кунио, в настоящее время преподающий в Университете Китакюсю, несколько лет посвятил исследованию роли культуры в экономическом развитии. Вот его основные выводы в отношении Японии: «Япония сумела развиться только потому, что у нее была соответствующая культура. Японцы считали важным (1) практические цели; (2) упорный труд; (3) сбережения на будущее; (4) расходы на образование. Здесь могло оказаться влияние дохода, цен и других экономических факторов, но в этом проявлялась и особенность культуры»¹⁶. В качестве еще одного культурного фактора, повлиявшего на путь развития Японии, он упоминает также и «общинные ценности».

Рассмотрев взаимодействие культурных и институциональных факторов, сделавших возможным послевоенное японское экономическое «чудо», Йошихара приходит к следующим выводам:

1. Если бы у Японии была другая культура (скажем, похожая на более пассивную буддистскую культуру Таиланда), она не была бы сегодня развитой страной.
2. Можно создавать институты и изменять их независимо от культуры, но следует помнить, что некоторые институты, важные для экономического развития, отражают культуру. Японские политики и бюрократы нередко преследуют собственные интересы. Вопрос только в том, в какой степени. Йошихара полагает, что они делали это не столь вопиющим образом, как их коллеги в современных развивающихся странах. Причина в том, что Япония в большей степени, чем многие другие страны, являлась целостной национальной общиной, и для многих политиков и высших бюрократов альтруизм был существенным элементом их «функций полезности».
3. Культура изменяется с ростом дохода, а когда люди достигают более высокого уровня жизни, она перестает быть столь же ориентированной на рост, как в период, когда они были бедны. Это подтверждается данными Мировой службы ценностей, которые показывают, что в «постиндуст-

риальных» обществах растет предпочтение в пользу досуга, искусства и развлечений.

4. Общинные ценности, противопоставляемые «индивидуализму» и способствующие росту на ранних этапах, позднее становятся бременем для экономики или по крайней мере теряют свое положительное влияние на рост, потому что они могут ослаблять роль предпринимательства и сбережений. Ради оживления экономики Япония должна изменить свои институты таким образом, чтобы система стимулов и наказаний стала более эффективной. Но это трудно, так как в японском обществе долгое время акцентировались общинные ценности. Однако не следует приижать общинные ценности только потому, что Япония утратила былую эффективность. Ни одна страна не может отбросить общинные ценности и вооружиться ценностями исключительно индивидуалистическими. Каждая пытается найти правильный баланс между ними. Японский опыт показывает: правильный баланс зависит от этапа экономического развития¹⁷.

Сингапур

Сингапурский премьер-министр Ли Куан Ю выбрал для своей книги, опубликованной в 2000 году, простое и точное название: «Из третьего мира в первый». Ли — архитектор экономического и социального чуда преображения страны, начавшегося в 1965 году, когда Сингапур отделился от Малайзии и стал независимым государством. Сингапур еще не завершил переход к демократии, который сопровождал быстрый и устойчивый экономический подъем Южной Кореи и Тайваня, — Freedom House считает его «частично свободным». Но он занимает 25-е место в ооновском Индексе человеческого развития за 2004 год, впереди Португалии и Южной Кореи, и 5-е место — в Индексе восприятия коррупции, впереди Швеции, Швейцарии, Норвегии и Австралии.

Шу Бенг-Хуат, социолог из Национального университета Сингапура, написал статью для проекта «Культура имеет значение». Объясняя природу сингапурского «чуда», он приводит три фактора. 1) Сингапур первым начал привлекать иностранные инвестиции, сыгравшие ключевую роль в его экономическом успехе, причем в тот период, когда его региональные конкуренты — Китай, Индия и страны Индокитая — воспринимали эту идею в штыки,

а Индонезия, купавшаяся в нефтяных доходах, в них просто не нуждалась. 2) «Честность и чувство ответственности руководителя государства [Ли Куан Ю]»¹⁸ (то же самое Йошихара говорит о японских лидерах) и прагматичная, интеллигентная политика правительства. 3) Конфуцианские ценности — образование, заслуга, труд, бережливость и семья. (Шу отмечает, что родители «давят» на детей и требуют хорошей учебы не меньше, чем в Японии и на Тайване.) Для анализа культуры особый интерес представляет правительенная политика:

- Тщательный отбор чиновников и высокое жалованье, соперничающее с доходами служащих частного сектора, сделали госаппарат Сингапура честным и высокоэффективным, о чем свидетельствует почетное 5-е место в Индексе восприятия коррупции за 2004 год.
- Благодаря целенаправленной политике правительства 90% населения живут в собственных домах. Как отмечает Шу: «Собственность на жилье представляет особый интерес в силу гармоничного сочетания государственных и частных интересов в развивающейся экономике. На уровне семьи домовладение — это главное вложение сбережений. Более того, желание быть собственником жилья и необходимость ежемесячно выплачивать долг по закладной дисциплинируют работников и заставляют их дорожить работой, дающей возможность выполнять финансовые обязательства. Это и до сих пор остается главным рычагом вывода населения из нелегальной экономики и безработицы в легальный сектор и создания кадров дисциплинированных промышленных работников. На макроэкономическом уровне строительство жилья и собственность на него образуют существенную часть процесса формирования национального капитала и накопления богатства»¹⁹.
- Языком преподавания в школах был избран английский, ставший инструментом общения и сплочения говорящего на пекинском диалекте китайского большинства и малайского и тамильского меньшинства. Сегодня сингапурцы — это англоязычный народ, пользующийся всеми преимуществами свободного владения главным мировым языком. Можно вспомнить о выгодах, полученных от свободного владения английским столь разными странами, как Индия, Ирландия и скандинавские страны.

Шу приходит к выводу: «Пример Сингапура демонстрирует, что ценности имеют значение. Но ценности сыграют существенную роль, только когда к моменту вступления страны на путь развития сложились благоприятные исторические обстоятельства, а правительство показывает пример и оказывает институциональную поддержку развитию, обеспечивающую его непрерывность, напор и практическую эффективность»²⁰.

Тайвань

Статьи о конфуцианстве и о Тайване написал для проекта антрополог из Бостонского университета Роберт Уэллер. Он говорит про два тайваньских чуда: устойчивый, очень быстрый темп экономического роста («в 1950-х годах почти никто из экспертов не ожидал, что экономике Тайваня удастся подняться над уровнем бедности»²¹), а потом столь же непредвиденное политическое чудо — переход к демократии. Начиная с 1949 года, когда Чан Кайши и китайские националисты потерпели поражение в борьбе с коммунистическими армиями и сбежали на Тайвань, и до своей смерти в 1975 году Чан правил Тайванем в крайне авторитарном стиле. Его сын, Цзян Цзинго, сменивший отца на посту главы государства и правивший до своей смерти в 1988 году, также был известен своими авторитарными методами. Но Цзян Цзинго проторил путь для перехода к демократии, всячески поощряя плюрализм, чего его отец никогда бы не позволил.

Уэллер пишет: «Социальные науки не смогли предвидеть подобного развития Тайваня в силу неадекватного понимания роли культуры. Мы либо вообще игнорировали культуру, либо абсолютизировали определенные ее аспекты — настолько, что оказывались слепыми в отношении потенциала изменений. Можно было бы сообразить, что тайванская культура, связанная корнями с тысячелетней историей Китая, должна отличаться чрезвычайной гибкостью и устойчивостью»²². Уэллер убежден: наибольшее значение имеют такие культурные факторы, как «индивидуализм, трудовая этика, [включая бережливость], высокая оценка образования, любезность и доверие с сопутствующим ему социальным капиталом»²³. Он оспаривает вывод о низком уровне социального капитала на Тайване, который делает Фрэнсис Фукуяма в своей работе «Доверие».

Тайвань, пожалуй, не является образцом для подражания, но может предложить ряд существенных уроков. Он пока-

зывает, например, как «традиционные» черты культуры вроде местной религии или личных связей способны поддерживать резервуары социального капитала даже в условиях авторитарного режима. Вряд ли это единственная причина произошедших на Тайване политических и экономических изменений, но они сыграли важную роль в успехе тех и других. Опыт Тайваня также заставляет нас помнить о том, что культуры трансформируются под воздействием внешних условий, в данном случае — экспортной ориентированности экономики Тайваня и мощного влияния покровителя Тайваня, Соединенных Штатов. Не следует предполагать, как это делали ранние теоретики модернизации, что культуры, прочно укоренные в социальных и политических системах прошлого, не в состоянии превосходно приспособиться к новой глобальной экономике. Тайвань идет особым культурным путем, совершенно не похожим на западный, но он дает прекрасную возможность отвечать на вызовы современности²⁴.

Индия

Фоном для статьи Гурчарана Даса является быстрый и устойчивый рост. Он начался после того, как Индия отказалась от идей социализма/зависимости, которые господствовали в мышлении руководителей страны с момента обретения ею суверенитета в 1947 году, и обратилась к политике, дружественной к рынку и иностранным инвестициям. Автор статьи — бизнесмен, много пишущий об изменении индийской экономики.

Для многих окажется сюрпризом, что, по данным по крайней мере одного исследования, в начале XVIII века на Индию приходилось более 20% мирового ВВП, а главными источниками ее богатства были текстиль и сельское хозяйство²⁵. Но Дас убежден, что даже в то время «Индия существенно уступала Западной Европе по уровню развития технологий, институтов и идей»²⁶. Он доказывает, что британские колонизаторы не виноваты в последующей бедности Индии. И утверждает, что Индии пошло бы только на пользу, если бы в XIX веке британцы вкладывали в нее столько же, сколько в Соединенные Штаты, Канаду и Аргентину. «Британия не имела возможности вытащить Индию из нищеты или избавить ее от голода, но она дала Индии институты демократии — идею верховенства

закона, независимого суда и свободу прессы. Она построила железные дороги, каналы и порты. Она дала Индии почти сто лет мира — „Pax Britannica“. Дав Индии современные ценности и институты, она не вмешивалась в ее древние традиции и религиозную жизнь»²⁷. Но, по мнению Даса, за колониальный опыт пришлось дорого заплатить: Индия утратила веру в себя.

После получения независимости в Индии утвердилась демократия, но в первые четыре десятилетия целью экономической политики было замещение импорта, методом — государственное вмешательство, а содержанием — общее недоверие к капитализму. С самого начала ощущалось сильное политическое давление в пользу перераспределения. Но поскольку экономика росла медленно, особо перераспределять было нечего. Широкие экономические реформы 1991 года открыли экономику для отечественных предпринимателей и зарубежных инвесторов. С тех пор годовой рост ВВП составляет в среднем 6%. Результатом стало повышение престижа экономической деятельности: в кастовой системе он был чрезвычайно низок, совсем как в конфуцианском социуме. Это изменение, в свой черед, разбило некоторые ограничения, поддерживавшиеся кастовой системой, поскольку обретшая динамизм экономика открыла перед людьми новые возможности. Дас уподобляет происходящую сегодня в Индии социальную революцию преображению Японии под руководством Мэйдзи.

Одновременно язык колонизаторов избавился от позорного исторического клейма. Взрыв интереса к английскому, который превратился в ценное экономическое имущество, символизируемое массовым переносом в Индию многих американских производств, стал знаком «деколонизации сознания»: Индия «расслабилась и обрела уверенность в себе»²⁸.

Пытаясь объяснить изменения в траектории развития страны, Дас сначала обращается к экономическим факторам, а если они оказываются ни при чем, привлекает факторы институциональные и культурные. Он пишет, например, что, как отмечено выше, «традиционно индузы пренебрежительно относились к зарабатыванию денег», а к торговцам — с презрением²⁹. Но Дас скептически относится к утверждениям авторов, включая Гуннара Мюрдаля и Дипака Лала, которые выдвигают на передний план сковывающее влияние кастовой системы, которая, по его мнению, пребывает в процессе распада. Он заключает:

Мне кажется полезным проводимое Дипаком Лалом различение между *материальными* и *космологическими* верованиями³⁰. В любой цивилизации материальные верования относятся к тому, как люди зарабатывают на жизнь, и являются предметом экономической науки; космологические верования относятся к тому, как следует жить, и принадлежат сфере «культуры». Возышение Запада сопровождалось изменением обеих групп верований, но для успеха Восточной Азии оказалось достаточно изменения материальных представлений — она стала зажиточной, не потеряв свою душу. Иными словами, возможна модернизация без одновременной вестернизации. Со временем британского господства в Индии материальные представления здесь менялись, а космологические — нет... Индию продолжают сотрясать... яростные споры о модернизации и вестернизации. В их основе лежит страх потерять свой образ жизни. Старшее поколение боится этого больше, чем молодые люди: их сознание в большей степени подверглось деколонизации, а потому им легче верить в возможность принять материальные представления Запада, не опасаясь при этом утратить собственные космологические верования³¹.

Исламские страны

Исламский мир очень разнообразен — и в религиозных доктринах, и в достижениях мусульманских стран. Турция и Йемен так же не-сходи между собой, как Испания и Никарагуа. Но если взять исламские страны в целом, то они все вместе отстают в области демократии, социальной справедливости и процветания не только от Запада, но и от Восточной Азии. Работы о Египте, Индонезии, Пакистане/Бангладеш и Турции дают представление о разнообразии ислама и о том, что общего есть у всех этих стран.

Египет

Бассам Тиби написал одну из двух статей об исламе, которую мы обсудили в главе 4. Он также автор статьи о Египте — «хрестоматийном примере встречи исламской цивилизации с Западом»³². Начало было положено в 1798 году, когда Наполеон завоевал Египет, что Тиби приравнивает к вторжению США в Ирак в 2003-м. Французы

предложили местным жителям свободу и лучшую жизнь, но в ответ столкнулись лишь с враждебностью. Почему? «Дело в том, что ценности прогрессивной культуры... не могут быть навязаны извне»³³.

В 1801 году французов вышиб из Египта офицер оттоманской армии Мухаммед Али; он затеял амбициозную программу модернизации, но не преуспел — по мнению Тиби, потому, что попытался европейский технологический прогресс наложить на традиционную исламскую культуру, отвергшую ценности, которые и питают прогресс. Затем реформы пытались провести один за другим два египтянина, получившие образование в Париже, Рифа аль-Тахтави и Мухаммед Абду. Последний стал руководителем каирского Университета Аль-Азхар, самого престижного в исламском мире религиозного учебного центра. *

Но движение за реформы провалилось, так же как впоследствии потерпело поражение либеральное движение. Эти движения, пишет Надав Сафран, оказались не на высоте своих задач: «Нужно было развить субъективную, гуманистически ориентированную систему идей, ценностей и норм, которые смогли бы послужить фундаментом политического сообщества в новых условиях жизни, смогли бы заместить традиционную систему, опирающуюся на объективное божественное откровение. В конце концов лидеры движения осознали проблему возможности конфликта между разумом и... божественным откровением»³⁴.

В результате конфликта Египет в 1952 году оказался под властью военных — Гамаль Абдель Насера, Анвара Садата и Хосни Мубарака, и возникли исламистские политические движения, среди которых выделяется движение «Братья мусульмане» — интеллектуальные наследники Саида Кутба, проповедника джихада и мирового халифата.

Сегодня Египет — что-то вроде бомбы замедленного действия: население составляет 70 млн человек и быстро растет, к 2015 году ожидается уже 90 млн; более 40% населения живет на 2 доллара в день; возможности занятости для образованной молодежи ограничены; более 50% женщин неграмотны; страну контролирует авторитарное правительство.

Тиби приходит к пессимистическому выводу: «Как хотелось бы, чтобы в Египте, этой оси Ближнего Востока, прижилось что-то вроде индонезийского „гражданского ислама“. Но... в Египте ничего подобного не наблюдается. Все идет в прямо противоположном направлении. Мусульмане со всего мира приезжают в Каир, чтобы

изучать в Университете Аль-Азхар „истинный ислам“. Но в современном египетском исламе нет ничего гражданского и либерального. Не следует напрасно обольщаться умеренностью институционального ислама „Братьев мусульман“ и тех, кого именуют „новыми исламистами“. Они распространяют семена джихада»³⁵.

Индонезия

Помимо статьи об исламе (о ней мы говорили в главе 4), Роберт Хефнер написал об Индонезии, изучением которой он занимался на протяжении нескольких лет. Ниже следует заключительная часть его работы; сдержанный оптимизм текста объясняется успешным проведением выборов в 2004 году.

В 1967 году Индонезия была одной из самых бедных и деспотично управляемых стран Азии. Она только начинала восстанавливаться после разрушений, вызванных Великой депрессией, японской оккупацией, войной за независимость, и хаоса, царившего в правление покойного Сукарно. Наследием этого прошлого был этнически фрагментированный и политически бессильный частный сектор, раздущий и неэффективный государственный сектор и правительство, произносившее время от времени либеральные фразы, но даже не думавшее о проведении настоящей либерализации. Тот факт, что в таком контексте, при всех зигзагах политики можно говорить о довольно заметном экономическом развитии, вселяет надежду на возможность дальнейшего прогресса.

Пример Индонезии напоминает также о том, что экономический рост может и не сопровождаться политической либерализацией — никакой неизбежности в этом нет. Подобно Нигерии, Ливану, Южной Африке и многим другим странам Индонезия — это глубоко расколотое общество, включающее множество разнородных элементов. Последствия этой разнородности проявляются в том, что здесь никогда не было объединенного делового сообщества, сплоченного общей экономической культурой. Деловое сообщество остается разделенным по расовым, этническим и религиозным признакам, а самое большое напряжение существует между мусульманами и китайцами. Этот [всегда чреватый] конфликтами плюрализм породил во многом

нездоровую традицию политических мнений и действий. Хотя какое-то время казалось, что режим Сухарто заложил фундамент стабильного согласия относительно будущего страны, в конечном итоге режим сам все и разрушил. Это стало особенно очевидно в последние годы режима Сухарто, когда, столкнувшись с ростом движения за демократию, режим сделал ставку на исламистскую и антикитайскую карту. Стране еще предстоит избавляться от последствий этой безрассудной политической авантюры.

Индонезия остается страной большого социального потенциала. Хотя недавно в центре внимания оказались вооруженные исламисты, массовым влиянием пользуются сплоченные и умеренные мусульманские лидеры. Также страна богата природными ресурсами и обладает населением хоть и не очень образованным, но достаточно умелым и ловким, способным ответить на вызовы глобализации. Но чтобы эти культурные ресурсы сыграли роль социального капитала прогресса, чтобы они реализовали свой потенциал, необходимы эффективные действия лидеров государства и общества, преданных делу созиания гражданской, плюралистической и демократической Индонезии.

В свое время колониальные власти и индонезийские лидеры упустили важнейший шанс и, вместо того чтобы обеспечить сплоченность и единство китайских и мусульманских деловых кругов, обособили мусульман и дали китайцам жить и вести дела в своем круге. Позднее режим Сухарто радикально истощил огромные ресурсы мусульманской умеренности и толерантности, в результате чего вырос социальный капитал мусульманских экстремистов, а не мусульманских демократов. Самые большие испытания, пожалуй, предстоят Индонезии в сфере политической культуры. Для успеха потребуются сплоченность и совместные действия государственных и общественных деятелей, готовых использовать культурный потенциал, чтобы двигаться в направлении гражданственности и прогресса этой большой, но охваченной беспорядками страны³⁶.

Египет и Индонезия — страны преимущественно мусульманские. Но в данный момент истории они очень непохожи друг на друга.

Египет — это бомба замедленного действия, страна с устрашающими политическими, экономическими и социальными проблемами. Решение администрации Буша — требовать демократизации — едва ли осуществимо, пока у власти остается Хосни Мубарак. В конце концов, со времен президентаКартера все администрации США, и республиканские, и демократические, требовали от Египта большей открытости и демократизации и особого успеха не добились. Но даже если режим станет политически более открытым, результатом будет что угодно, только не стабильная прогрессивная демократия: есть много оснований предполагать, что воцарится исламский радикализм или анархия с последующим возвратом к авторитаризму.

Будущее Индонезии представляется более оптимистичным, особенно после успешных выборов 2004 года. Расходящиеся исторические траектории двух этих исламских стран — и противоположное влияние ислама — усугубляет огромный разрыв в уровне грамотности, особенно среди женщин: по данным ООН, в 2002 году грамотными были 88% индонезийцев и только 56% египтян. В том же году грамотными были 84% индонезиек и только 44% египтянок³⁷.

Пакистан и Бангладеш

Статью о Пакистане и Бангладеш подготовил Ф.С. Айджазуддин, пакистанский журналист. Он изучил «причудливую политическую aberrацию, которая в 1947 году привела к возникновению одной страны, состоящей из двух территорий, расположенных в тысячах миль друг от друга и разделенных враждебной страной, Индией»³⁸. В 1971 году две территории наконец расстались. Общей религии, ислама, оказалось недостаточно, чтобы преодолеть культурные, языковые и исторические различия.

После 1971 года Пакистан и Бангладеш с населением примерно 150 и 145 млн человек соответственно развивались более или менее параллельным курсом. По оновскому Индексу человеческого развития в 2003 году Бангладеш занимал 139-е место, а Пакистан — 143-е. В 2001 году грамотность среди взрослых женщин составила в Бангладеш 31%, а в Пакистане — 29%. Но есть и существенные различия. В докладе 2004 года Freedom House отнес Бангладеш в группу «частично свободных стран», а Пакистан был признан «несвободным». И коэффициент рождаемости в 2000–2005 годах составил в Бангладеш 3,5, а в Пакистане — 5,1³⁹.

Но, по словам Айджазуддина, самая, пожалуй, красноречивая статистика — это уровень самозанятости среди женщин в не-

сельскохозяйственном секторе. По региону самый низкий уровень в Пакистане — 34%; в Индии этот уровень выше — 41%, а выше всего он в Бангладеш — 83%. В основе этого достижения лежит микрокредитование, инициатором которого был профессор экономики Мухаммед Юнус, основавший банк Grameen; 94% его заемщиков — женщины. Банк Grameen охватил своей сетью почти 39 тыс. деревень. Он выдает микрокредиты — средняя величина займа всего 160 долларов, но при этом клиенты, точнее, клиентки возвращают 95% займов^{40, 41}.

Мой коллега по Школе Флетчера Адиль Наджам снабдил статью Айджазуддина комментариями, раскрывающими роль религии и исторических традиций в развитии этих двух стран:

Понятно, что ни в одном обществе религия не может быть единственным фактором культурного развития. Но поскольку Пакистан был создан в 1947 году на основе религиозных различий между населением индийского субконтинента и учитывая тот факт, что почти 98% его населения — это мусульмане, а также то, что ритуальное соблюдение предписаний ислама (в законе, образовании, торговле и общественной жизни) пронизывает почти все аспекты жизни рядового пакистанца, есть основания рассматривать ислам как ключевой фактор, ускоряющий или замедляющий культурные изменения в этой стране.

Различия между восточной и западной территориями страны были слишком велики, чтобы скрыть их за счет общего названия страны или имеющего символическое значение религиозного единства. Различия накапливались в течение векового хищнического господства иностранцев, таких как афганские династии, тюркские династии, европейцы, позднее британцы, а внутри самой Индии — господства одних кланов и племен над другими.

Возможно, гибкость, с которой население западного Пакистана подчиняется давлению любой despoticеской власти, каким-то образом связана со склонностью выполнять приказы, а не командовать. Аналогичным образом их неспособность создавать развитые структуры самопомощи может стоять в связи с тем фактом, что на местном уровне... их целью был общественный самоконтроль, а не самопомощь в экономическом смысле.

Критическим остается вопрос о росте населения, создающем давление на ресурсы, систему образования, социальную инфраструктуру и национальную экономику. Ясно лишь то, что для измерения успеха двух территорий, некоторое время бывших частью единого Пакистана, лучше не проводить сравнение между Пакистаном и Бангладеш, а сравнивать каждое из государств с тем, каким оно было прежде, потому что период их пребывания под крышей одного государства слишком незначителен⁴².

В случае Пакистана и Бангладеш общая религия, ислам, и сходный колониальный опыт оказались недостаточно сильными факторами для сплочения двух обществ, разделенных не только тысячами миль, но и веками самостоятельного исторического существования. Впрочем, они довольно похожи по уровню развития. Ислам не стал силой, цементирующей два этих общества, но позволяет понять, почему в обоих случаях темп развития был настолько медленным и почему они так отстают от демократической Индии, добившейся недавно столь замечательных успехов в экономической области.

Турция

Йылмаз Эсмер, политолог из Университета Богазичи в Стамбуле, написал для нашего исследования статью о Турции. Он рассматривает проблему сосуществования ислама и светского государства и развивает ту мысль, что турецкую модель, возможно, нельзя воспроизвести в других мусульманских странах.

В дополнение к главным линиям раскола, разделяющим те группы обществ, которые Хантингтон называет цивилизациями, существуют и «малые линии раскола», проходящие внутри общества, но продолжающие те, которые разделяют цивилизации... Турция является одним из таких обществ, где две цивилизации (западная и исламская) давно уже существуют бок о бок. Однако это соседство оказалось отнюдь не безболезненным, скорее наоборот. В лучшем случае ситуация была непростой, и множество раз дело доходило до открытого конфликта. На протяжении по меньшей мере двух столетий определяющей характеристикой турецкого общества являлась борьба за доминирование

между западными и исламскими ценностями. Строго говоря, две эти культуры во многом пересекаются. Но наличие точек соприкосновения не привело к гармоничному взаимодействию двух культур.

В 1930 году турецкие женщины получили право участвовать в местных выборах, а в 1934-м они получили право претендовать на любые выборные посты. Француженкам пришлось еще десять лет ждать неограниченного права участия в выборном процессе, бельгийкам — четырнадцать, гречанкам — восемнадцать, а канадкам — двадцать шесть лет. В некоторых отношениях процесс вестернизации этого исламского общества происходил быстрее, чем на самом Западе.

Часто задают вопрос, может ли Турция служить примером для других исламских стран, мечтающих о переходе к демократической светской системе правления... Вопрос особенно актуален в связи с распространенным аргументом, будто ислам несовместим с демократией.

Возможно — по крайней мере, этого нельзя исключить совсем, — что со временем некоторые исламские общества уступят силам демократизации... Но едва ли эти общества смогут воспользоваться турецким опытом и повторить путь Турции.

Прежде всего, турецкую революцию осуществила радикально настроенная элита, нацеленная на модернизацию страны и пришедшая к власти при исключительных обстоятельствах. Во главе этой элиты встал харизматичный герой войны, полный решимости вести страну по пути сближения с Западом, так что реформы были буквально навязаны обществу — трудно представить, что в других исламских странах сложится аналогичная ситуация.

Во-вторых, турецкая революция была абсолютно бескомпромиссна в двух областях, особенно щекотливых для исламской общественности и даже для элиты: секуляризация и женское равноправие. Турецкая версия секуляризации не пользуется особой популярностью в кругах исламской общественности и среди элит... Если и существует какое-либо ценностное измерение, резко отграничивающее исламский мир от всех остальных, это отношение к сексу и женщинам.

Наконец, турецкая армия сыграла центральную роль и явилась авангардом процесса секуляризации и установления республиканского правления.

Если арабские, скажем так, общества преуспеют в создании сравнительно демократичных и умеренно светских режимов правления, это не будет повторением турецкого опыта. Им придется идти совершенно иным путем⁴³.

Однако исламские реформаторы, стремящиеся к модернизации своих обществ, не могут совершенно игнорировать успех и достижения Турции, особенно в наши дни, когда правительство умеренных исламистов во главе с премьер-министром Реджепом Тайипом Эрдоганом ведет Турцию по пути вступления в Евросоюз. В конечном итоге турецкая модель может оказаться куда более убедительной, чем полагает Эсмер.

6 Культура в действии. II

Латинская Америка Аргентина

Мариано Грondona, главный архитектор типологии проекта «Культура имеет значение», написал эссе об Аргентине. Он обсуждает шесть политических ценностей, связанных с демократическим развитием: (1) терпимость; (2) республиканский дух; (3) принцип верховенства закона; (4) приоритет интересов государства над интересами правительства; (5) преодоление «культурных ограничений»; (6) превосходство «вечерней» культуры над «утренней».

1. *Терпимость*. Автор рассматривает терпимость как порождение нетерпимости, имея в виду, что такие последствия нетерпимости, как война или убийство, могут оказаться настолько тяжкими, что пережившие их люди будут избегать повторения. Примером может служить Испания после гражданской войны (см. раздел об Испании в этой главе). Терпимость, по мнению Грondonы, — предшественница плюрализма.

2. *Республиканский дух*, гарантирующий меньшинствам защиту их основных прав, есть продолжение терпимости. За те два столетия, что Аргентина является независимой страной, она переживала периоды авторитарного, авторитарно-демократического и демократического правления.

3. *Принцип верховенства закона*. В аргентинской истории постоянно присутствовало противоречие между авторитетом закона и властью лидеров. Недавним примером неуважения к закону стало решение президента Карлоса Саула Менема в 1994 году баллотироваться на дополнительный срок, что ему и удалось благодаря принятию поправки к конституции.

4. *Приоритет интересов государства над интересами правительства*. Грondona подчеркивает ключевую роль государства — профессиональной бюрократии — в развитых демократических обществах (см. ниже в данной главе

фрагмент, посвященный Швеции). Эта бюрократия символизирует фундаментальный консенсус, сплачивающий общество воедино. В авторитарно-демократических обществах правительство часто «присваивает» государство с помощью, например, непотизма в кадровой политике.

5. *Культурные ограничения*. Грондона воспринимает Аргентину как общество, политика которого, не имея прагматического основания, стремится к идеальным, утопическим решениям — к решениям, которые в конечном итоге не облегчают, а усугубляют проблемы. Единственным способом демократического преодоления такого рода «культурных ограничений» является осознание повторяющихся провалов, скажем, экономической политики, пытающейся игнорировать рыночные силы.

6. *Превосходство «вечерней» культуры над «утренней»*. В лексиконе автора «вечерние» культуры ориентированы на длительную перспективу. Они терпеливы. «Утренние» культуры ориентированы на ближнюю перспективу. Они нетерпеливы. Для Аргентины очень важно превратить свою культуру из «утренней» в «вечернюю», из культуры, которая ожидает решительных изменений в ближайшие несколько лет, в культуру, которая отпускает политическим и экономическим процессам десятилетия. Это изменение произошло в Испании, и на это потребовалось тридцать лет.

Бразилия

Бразильский социолог Мария Люсия Виктор Барбоса называет четыре источника, определившие особенности современной бразильской культуры.

1. Патриархальная, авторитарная, построенная на отношении патрон–клиент система управления португальской колонией.

2. Католицизм с его тесными связями с политической властью и двумя противоположными принципами: (а) нетерпимостью, которая была свойственна инквизиции и политике контрреформации; и (б) чрезвычайно гибким моральным кодексом, терпимо относящимся к алчности, коррупции и погоне за плотскими наслаждениями, даже когда речь идет о священниках. История бразильской церкви также знала враждебное отношение к капитализму.

3. Рабство, которое укрепило психологию авторитаризма и зависимости, развило пренебрежение к труду (и у рабов, и у хозяев) и приковало внимание бразильцев к настоящему и прошлому, но не к будущему. Кстати говоря, рабство в Бразилии сохранялось до 1888 года.

4. Воспроизведение централизованной, авторитарной, коррумпированной структуры правления и общества послеобретения страной независимости в 1822 году.

Сложившаяся культура характеризуется очень низким уровнем доверия (одним из самых низких в мире), а также крайней неравномерностью в распределении богатства; авторитаризмом/зависимостью; верой в то, что для успеха необходимо сочетание удачи и коварства; неразвитым чувством социальной ответственности; коррупцией и непотизмом; неуважением к закону; склонностью к насилию (уровень преступности в Бразилии чрезвычайно высок) и привычкой винить других в своих неудачах.

Барбоса видит надежду в развертывающемся в Бразилии движении евангелистов/пятидесятников, в котором участвуют 20% населения и которое уже обладает немалым политическим влиянием. Вторая Дэвиду Мартину, она отмечает, что моральный кодекс этих новых протестантов «основан на... ценностях протестантской этики... [подразумевается] аскетическая жизнь [без] алкогольных напитков, случайных любовных связей, наркотиков... [жизнь, нацеленная на] материальный успех»¹.

В завершение автор предлагает перечень «культурных уродств» Бразилии, составленный экономистом и государственным деятелем Роберто Кампосом:

Культурные уродства могут быть инкапсулированы в набор «измов»: буйный национализм, который подрывает положительный эффект иностранных инвестиций и технологий; популизм, горящий желанием перераспределить богатства еще до того, как они были созданы; структурализм, недооценивающий роль, которую играет в инфляции отсутствие финансовой дисциплинированности; этатизм, побуждающий государство делать в экономике больше, чем оно может, а в области социального развития — меньше, чем оно обязано; и протекционизм, который наказывает потребителей, не требуя эффективности от производителей².

Те, кто понимают последствия евангелизма для свободы мысли и слова в Соединенных Штатах — в том числе и я сам, — должны с надеждой взирать на укрепление евангелизма/пятидесятничества в Латинской Америке и в других странах третьего мира. В Бразилии, например, растущее влияние протестантизма укрепляет ценности, питающие демократию, и прежде всего повышает уровень доверия в этом пронизанном недоверием обществе.

Чили

Чили — это единственная страна Латинской Америки, которая лет двадцать назад перешла от политики протекционизма и замещения импорта к снижению тарифов и поощрению экспорта и взяла на вооружение политику фискальной ответственности, благодаря чему сохраняет устойчиво высокие темпы экономического роста. Ее демократические институты, которые до Пиночета были самыми защищенными в Латинской Америке, теперь опять на передовых рубежах. В Индексе восприятия коррупции она занимает 20-е место, впереди Франции, Испании и Японии.

Подчеркивая чрезвычайную сложность культуры этой страны, «изобилующей двойственностью, непоследовательностью и противоречиями», Дэвид Ходжман, экономист Ливерпульского университета, отмечает ряд нетипичных для Латинской Америки особенностей чилийской истории: рано проявившаяся, нехарактерная для испанских обществ склонность к компромиссу; сравнительно высокий уровень грамотности у женщин (около 30% в конце XIX века); инициированная Пиночетом связь между открытостью экономики и прогрессивными изменениями культуры (напоминающая преображение Испании в конце правления Франко); самая большая в Латинской Америке доля басков в населении; массовое обращение в протестантизм — не менее 20% населения³.

В истории Чили прослеживаются заметные параллели с историей Коста-Рики, самой процветающей и демократичной страной Центральной Америки. Обе страны оставались на периферии колониальной экспансии, потому что в них не было больших месторождений драгоценных металлов. Индейцы обеих стран не пережили массового обращения в рабство: в Коста-Рике их численность была сравнительно мала, а в Чили, где индейцев было довольно много, они оказались воинственными и успешно воспротивились порабощению. Таким образом, испанцы, переселявшиеся в Коста-Рику

и Чили, не могли рассчитывать на быстрое обогащение и ориентировались на занятие сельским хозяйством, для чего обе страны предоставляли прекрасные условия.

Среди переселившихся в Чили было много басков. Историк Арнольд Д. Бауэр отмечает:

За период 1701–1810 годов из Испании в Чили прибыло около 24 000 человек, в результате число испанцев примерно удвоилось, причем 45% переселенцев прибыли из Навары [провинции, которая расположена к востоку от Страны басков и население которой разделяет многие баскские традиции], а также из самой Страны басков. Все согласны, что влияние этих групп... было чрезвычайно сильным; такое мнение разделяет и известный баскский писатель Мигель де Унамуно, который называет Чили и орден иезуитов двумя выдающимися творениями народа басков. Их путь к экономическому успеху и общественному влиянию шел через торговлю в сельское хозяйство, а потом в политику... Луис Тайер Оджеда, один из известнейших знатоков генеалогии в Чили, полагает, что «три четверти выдающихся деятелей Чили в XIX веке были баскского происхождения»⁴.

Значительное число басков переселилось и в Коста-Рику, о чем сегодня свидетельствует большое число типичных фамилий вроде Эчеверия и Чавария. Но доля басков в населении Коста-Рики была невелика в сравнении с Чили, и тот факт, что Коста-Рика настолько опередила своих центральноамериканских соседей, иногда приписывают влиянию других первых переселенцев, включая евреев (в том числе евреев, обратившихся в католицизм)⁵.

Помимо баскского фактора, есть и ряд других, которым тоже может быть приписан успех Чили. Речь идет, например, о географии страны, среди прочего об изобилии минеральных ресурсов, прежде всего медных руд, а также о богатых сельскохозяйственных ресурсах и географическом положении, столь выгодном для снабжения рынков Северной Америки и Европы в зимний период. Уникально демократичная, по южноамериканским стандартам, политическая эволюция (в XIX веке ее называли «образцовой республикой») создала стабильность, достаточно благоприятную для экономического развития⁶. И, что очень нехарактерно для Латинской Америки,

в Чили с XIX века сложилась сильная и развитая традиция предпринимательства. Хотя добыча и экспорт меди и азотных удобрений находились в руках британцев и американцев, чилийцы отличались активностью в южной зоне — в Аргентине, Чили, Парагвае и Уругвае, — дав существенный импульс развитию своей и аргентинской экономики⁷.

Успех Чили в области экономики, политики и образования отражает глубокое влияние басков. Этот вывод подтверждает французский автор Франсуа Депонс, проанализировавший роль басков в развитии Венесуэлы в начале XIX века: «Для доказательства того, что сельское хозяйство выигрывает, если владельцы живут в своих имениях, достаточно познакомиться с процветающими хозяйствами, которые приносят доход... вы увидите, что [ими] управляют их владельцы, которые всю свою энергию направляют на увеличение дохода и гордятся тем, что они хорошие хозяева; в основном таким образом действуют баски»⁸. Депонс также отмечает сходное явление в городах, где, среди всего прочего, большие компании обязаны своим успехом «энергии и предусмотрительности администраторов — сплошь выходцы из баскских провинций, являющихся, видимо, приютом хороших обычаев»⁹.

Что же касается уроков чилийского опыта, Дэвид Ходжман заключает:

Новейший чилийский опыт изменения культуры и быстрого экономического роста предлагает ряд уроков другим странам. Есть смысл задаться вопросом: «Что же сработало на практике?» Придется признать, что эффект принесли здравая экономическая политика, институциональное развитие и образование.

Политикам и государственным деятелям, желающим изменить политику ради культурных перемен, экономического роста или институционального строительства, может потребоваться внешняя помощь. Это особенно верно в случае экономической политики, когда требуется время, чтобы проявились первые положительные результаты. Демократические преобразования и меры по преодолению коррупции также могут существенно выиграть при оказании международной поддержки.

Образование помогает увеличить объем человеческого капитала, укрепить дух предпримчивости и уменьшить

неравенство. Быстрый экономический рост многих спасает от бедности, но сам по себе он не может улучшить распределение дохода — для этого нужна особая политика.

Открытость в отношении внешней торговли, иностранных инвестиций, иностранных взглядов, ценностей и новых технологий очень помогла Чили и, несомненно, принесет пользу другим странам. За сто с лишним лет чилийский опыт надежно продемонстрировал: компромиссный путь бывает очень медленным, но никаким другим способом истинная демократия действовать не может¹⁰.

Мексика

Мексиканский политолог Мигель Басанез приписывает значительное отставание Мексики от ее партнеров по Североамериканскому соглашению о свободной торговле, Канады и Соединенных Штатов, принципиальному несходству иберокатолической и англопротестантской культур:

В 1930-х годах Мексика представляла собой глубоко традиционное общество, культура которого держалась на трех столпах: испанском католицизме [при всем напоре антиклерикализма в XIX и XX веках], глубоком национализме (враждебном по отношению к Испании и к Соединенным Штатам) и революционной идеологии (государственнической и антикапиталистической). Частное предприятие, конкуренция и инициатива воспринимались как нечто отрицательное, разрушающее статус, иерархию и послушание. В соответствии с церковной традицией детей учили, что «легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царствие небесное». Эта метафора символизировала и выражала культуру. Государственная собственность и монополии считались приемлемыми, а на частную собственность и предпринимательство смотрели с подозрением, и такое умонастроение господствует в обществе до сих пор¹¹.

За период с 1933 по 1982 год Мексика... пережила модернизацию, которая привела к глубокому сдвигу от традиционных ценностей к современным¹². После 1982 года прекратился рост реального ВВП на душу населения, что

парадоксальным образом ускорило движение к модернизации. Это ускорение явилось побочным результатом (1) увеличения легальной и нелегальной эмиграции в Соединенные Штаты и торговли с ними (что обеспечило огромный приток денег в страну и обозначило крах традиционного антиамериканизма); (2) феминизации рабочей силы (что способствовало большему равенству полов и, в свою очередь, стало началом изменений структуры семьи и соответствующих ценностей); и (3) взрывного развития внелегальной экономики. Быстрое изменение культурных ценностей привело к значительному сближению с ценностями Канады и Соединенных Штатов. На процесс созидания мексиканской системы ценностей... потребовалось четыре столетия, а начавшийся в 1930-х годах их демонтаж уложился всего в четыре десятилетия. Что представляли собой традиционные ценности, созидание которых оказалось столь медленным, и что собой представляют новые, которые меняются с такой быстротой?.. Новые все еще пребывают в процессе формирования. Но, судя по всему, процесс идет в направлении к более терпимому, глобальному, ориентированному на рынок и демократичному обществу¹³.

Сегодня, в условиях демократической политики и рыночной экономики, мексиканское общество чувствует себя лучше, чем в какой-либо другой момент своей истории. Но демократический эксперимент, начатый президентом Мексики Висенте Фоксом после победы на выборах в 2000 году и ознаменовавший окончание затянувшегося на семьдесят один год господства Институционно-революционной партии, далек от окончательной победы: в стране еще много бедности и социальной несправедливости; уровень преступности крайне высок; около 10 млн мексиканцев — 10% населения страны — в последние десятилетия оставили родину и отправились искать счастья в Соединенные Штаты, причем большинство из них въехали туда нелегально¹⁴.

Венесуэла

Луис Угалде, ректор Католического университета в Каракасе, отчасти в силу своего баскского происхождения убежден, что культура имеет значение. И в самом деле, баски сыграли чрезвычайно

конструктивную роль на ранних этапах развития страны, ставшей впоследствии Венесуэлой, что уже было отмечено в разделе о Чили. Но Угалде и его команда исследователей, которых прежде всего интересует экономическое развитие, отмечает также устойчивую традицию правительственного покровительства и коррупции: она сложилась в колониальный период и процветает до сих пор, она подавляет труд и новшества и является отражением меркантилистской, жадной до золота и серебра культуры материинской страны — Испании, той самой культуры, которая доминирует во всей Латинской Америке.

Открытие нефти — этого золота и серебра XX века — в Венесуэле укрепило традицию погони за рентой и стало главной помехой в развитии культуры, нацеленной на производство, потому что самый быстрый путь к богатству в этих условиях — получение доступа к нефтяной халяве с помощью связей в правительстве. Нефть способствовала повышению уровня коррупции: Венесуэла получила 114-е место в списке из 145 стран в Индексе восприятия коррупции.

Угалде и его команда заключают, что для успеха экономической реформы и реформы экономической культуры необходимы: реформа системы образования; реформа рынка труда, в том числе перемещение большого числа людей из внелегального сектора в легальный; эффективные, справедливые и подотчетные институты государственного сектора. Эти рекомендации относятся и к венесуэльской культуре в целом, точнее говоря, к политическим и социальным измерениям прогресса, что имеет особенное значение в тот исторический момент, когда склонность иберокатолической культуры к авторитаризму в очередной раз проявилась с приходом президента Уго Чавеса.

Православная / Восточная Европа Восточная Европа

То, что рассказывает о воздействии Советов на восточноевропейскую экономическую культуру Янош Матиас Ковач, специалист по Восточной Европе, представляет особый интерес в силу «явления прецессии», иллюстрируемого вращающимся гирокомпасом, который движется не в том направлении, куда его толкнули, а под прямым углом. Ковач объясняет:

В период коммунизма культура была двуликим Янусом, и она стала еще более многоликой в период трансформации. Государственный патернализм и внелегальные рынки,

государственная собственность и частное перераспределение, централизованное управление и децентрализованные договоренности, сверхрегламентированность и халявные блага, коллективистские экономические институты и личные (или семейные) стратегии решения проблем, ментальность аппаратчиков и технократов, заученная беспомощность и вынужденное творчество — можно долго перечислять контрастирующие черты экономической культуры Восточной Европы в период до 1989 года. В каждой стране она в той или иной степени сочетала командную экономику с элементами довольно ослабленного рыночного социализма, и все это было пронизано докапиталистическими традициями и динанизмом/агgressивностью, заставляющими вспомнить об эпохе раннего капитализма. В определенном смысле она была даже не двуликой, а четырехликой.

Звучит парадоксально, но это правда: коммунизм, пусть и в извращенном виде, стал не только периодом модернизации, но и школой капитализма... Расчетливость поведения, принятие риска, дух соперничества и т.п. были, по сути дела, обязательными качествами — хотя этого никто и не планировал. Коммунизм законсервировал или воспроизвел своего рода капиталистический дух, коренившийся, например, в личных обязательствах, а не в нормах закона, в персональных, а не институциональных сделках, в малых, а не больших организациях, т.е. во всем том, что на Западе уже во многом выветрилось. Любопытно, что сегодня этот дух, возродившийся в виде реакции на коммунизм, может дать восточноевропейцам определенные сравнительные преимущества¹⁵.

С другой стороны, совершенно ясно, что для Восточной Германии коммунизм имел крайне отрицательные последствия:

Недавний опрос, проведенный институтом Алленсбаха, показывает, насколько разными остаются две части страны с точки зрения ментальности. Для большинства западных немцев (49%) свобода важнее, чем равенство (35%). Для восточных немцев все наоборот — 36% и 51% соответственно. На Западе 41% немцев довольны имеющейся по-

литической системой, а на Востоке — только 27%. Другие опросы демонстрируют, что восточные немцы до сих пор чувствуют себя «гражданами второго сорта»¹⁶.

Опыт Восточной Германии поучителен в плане податливости культуры. Она была самой богатой страной Советского блока, что отражало характерные для немецкой культуры предприимчивость и трудолюбие. Но после воссоединения двух Германий восточные немцы во многом уступают западным. Коммунистическая политика изменила или по меньшей мере модифицировала немецкую культуру, причем отнюдь не поверхностным образом.

Грузия

Бывший правительственный чиновник Ираклий Чхония объясняет, почему и как грузины выдержали идеологическое/культурное давление Советов. Часть «почему» имеет отношение к сильной национальной/культурной идентичности грузин. Хотя православное христианство является частью этой идентичности, по его мнению, именно Грузинская православная церковь подверглась изменению под влиянием более прогрессивной грузинской культуры.

Выводы Чхонии чрезвычайно важны с точки зрения главной темы статьи Николая Петро, политолога из Род-Айлендского университета, о Новгороде (мы обсудим ее ниже). Итак, Чхония приходит к следующим выводам:

1. Успешную и выгодную модернизацию культуры можно провести через легитимацию намеченных изменений в рамках аутентичной культурной системы общества. Изменение получит поддержку и будет доведено до конца, если оно сулит сохранение непрерывности ключевых аспектов коллективного бытия. Так было в случае сопротивления Грузии давлению коммунизма и русского национализма; так было в случае свержения коррумпированного режима Шеварднадзе. В обоих случаях интеллектуалы и политические лидеры взвывали к лучшим элементам «грузинской».
2. Общества, отличающиеся сильной приверженностью своей культурной идентичности и обладающие внутренним опытом противостояния гегемонии, в силах воспротивиться даже самым энергичным и умелым попыткам ассимилировать их.

3. Переформатирование идентичности ради потребностей отдельного политического проекта обречено на неудачу, если при этом не гарантируется сохранение имплицитных, исторически сквозных тем коллективной идентичности, как это было в случае сопротивления коммунизму.

4. Парадоксально, что чувство национальной гордости, питаемое сознанием культурной идентичности, может обеспечить успех таким глобалистским и универсалистским политическим проектам, как борьба за либеральную демократию в западном стиле [примером может служить «революция роз» 2003 года, возглавленная Михаилом Саакашвили]¹⁷.

Новгород

Николай Петро проследил эволюцию Новгородской области, что близ Санкт-Петербурга; после 1989 года она была нетипично успешной в укреплении демократических институтов и в деле экономического развития, особенно на фоне соседней Псковской области, где сохранилось влияние коммунистов.

Автор придает особое значение такому факту: новгородское руководство сознательно акцентировало положительные аспекты истории города. «Систематически подчеркивая наследие Великого Новгорода — средневекового торгового центра и колыбели русской демократии, местные элиты [представили] реформы как возвращение к ценностям русского прошлого времен расцвета, а не чем-то навязанным извне»¹⁸.

Другие факторы, способствовавшие преображению Новгорода, включают: просвещенное руководство, преданное идеалам демократического капитализма; активное стимулирование иностранных инвестиций, особенно западных; помощь иностранных доноров. Однако Петро убежден, что незаменимая основа успеха — решение элиты возродить миф о прогрессивности средневекового Новгорода.

Он переходит к обобщению и доказывает, что культуру изменить невозможно, потому что люди преданы своим ценностным системам и сознанию культурной идентичности, а потому единственный путь — снабдить модернизацию атрибутикой традиционной культуры. «Исследования демократического перехода в столь несопоставимых регионах, как Испания, Польша, Турция, Тайвань

и Словакия, показывают, что на ранних этапах демократического перехода ключевую роль сыграло воскрешение местных символов и мифов»¹⁹.

Но что делать, если в истории общества нет ничего, чем можно было бы украсить модернизацию? Это как раз случай Испании. Лишь немногие этнические испанские провинции могут с достаточным основанием указать на давнишние прогрессивные традиции, разве что Страна басков и Каталония. Но когда во второй половине XX века встал вопрос о модернизации страны в целом, новые лидеры заговорили не о золотом веке Испании, а о современном золотом веке, который приносит пышные плоды в Западной Европе.

Россия

Арчи Браун, специалист по России из Оксфордского университета, подчеркивает двойственность причинно-следственных взаимоотношений между культурой и институтами в своей статье о России, где рассматривается период после распада Советского Союза. Вторя Даниэлю Патрику Мойнихену, Браун доказывает, что культура ограничивает возможный эффект от изменения институтов, хотя институциональные изменения способны переменить культуру.

Рассмотрев скачки и колебания в политической эволюции России после середины 1980-х годов, Браун заключает:

Либерализация и демократизация, проведенные в эпоху Горбачева... существенно изменили представления людей. Граждане получили возможность знакомиться с широким спектром новых мнений, участвовать в серьезных политических дебатах и голосовать за действительно разных кандидатов... Общество было... готово к пробуждению гораздо больше, нежели за поколение до этого. В стране появилось много миллионов людей с высшим образованием, и, хотя они располагали крайне бедными представлениями о внешнем мире, они знали о нем намного больше, чем в момент смерти Сталина.

Критически важным оказался тот факт, что советская система наделяла высшего руководителя страны огромной властью. Поэтому, когда пост генерального секретаря занял реформатор, сочетание новаторских замыслов и аппаратурной власти сделало возможными системные изменения, сопровождавшиеся изменениями культуры. Наличие

образованных специалистов в исследовательских институтах и даже в некоторых звеньях центрального партийного и государственного аппарата обеспечило поток новых идей, хотя либерализация и демократизация политической системы оказались куда более простым делом, чем переход к новой экономической системе, основанной совершенно на других принципах и подчиняющейся незнакомой логике.

Урок таков: демократическое преобразование институтов и верховенство закона должны быть самодостаточной целью. Нельзя исходить из того, что они возникнут как побочный продукт какого-то другого процесса, даже воссоздания рыночной экономики, особенно если учесть характер «капитализма с русской спецификой»²⁰.

В посткоммунистической России, однако, можно увидеть не только преемственность культуры, но и признаки того, что проявившиеся в последние годы советской власти особенности мировоззрения никуда не делись. Может опять сложиться ситуация, когда развитие и укрепление демократической политической культуры окажутся невозможными без лидера или лидеров, преданных делу демократизации. Многое будет зависеть от строительства гражданского общества, которое все еще не окрепло в современной России, и от сознательного строительства демократических институтов. Эту задачу, по сути дела, способны решить только сами граждане России. Но Запад может помочь хотя бы тем, что не будет именовать произвол демократическим выбором и проявит к строительству демократических институтов в посткоммунистических странах такой же интерес, как к созданию в них рыночных экономик или к мобилизации их на «войну против терроризма»²¹.

Запад Афроамериканцы

Джон Макуортер — это черный американец, который прежде преподавал лингвистику в Калифорнийском университете, а сегодня является старшим научным сотрудником Манхэттенского института. В своей полемической книге «Проигрывая расу» он доказывает, что афроамериканцы следуют гибельной стратегии, когда изображают

«жертву», играют в расовый сепаратизм и пренебрегают образованием. Статья начинается со сцены в нью-йоркском «Макдоналдсе». На глазах Макуортера группа четырнадцатилетних черных подростков, явно прогуливавших школу, своим разнозданным поведением вселила ужас в менеджера ресторана, молодую черную женщину. «Казалось, они убедили себя в том, что для них не существует обязанности соблюдать обычные нормы поведения. Возникло чувство, что они уже выходят за рамки цивилизованного общества»²².

Автор продолжает:

Начиная с 1960-х годов черная Америка заражена идеей, иногда проговариваемой, чаще подразумеваемой, что сущностью черной культуры являются мятеж и недовольство... Плохое поведение и преступность — не единственные способы выражения этой идеи. Даже самые образованные и ассилированные черные воспринимают свою чернокожесть как присягу идеи, что они обязаны сражаться даже через сорок лет после принятия закона о гражданских правах.

...У подростков осознание своей принадлежности к черным зачастую тождественно переходу на позицию вражды к Америке, которая превращается в чуждое пространство, заслуживающее презрения, а не любви и участия²³.

В заключение он говорит:

Парни в «Макдоналдсе» и в самом деле были жертвами — но не расизма, а идеологических блужданий, обусловленных социальной историей черной Америки. Эти блуждания поставили бы в тупик черных американцев, которые до 1960-х годов с такими усилиями торили путь к тому, чтобы в максимальной степени реализовать себя в этом несовершенном мире. Понимание того, что главной проблемой сегодня является не расизм и не социальное неравенство, а культура, обязывает нас увести американских черных от этих заблуждений, освободить самих себя от накликанной беды бессмысленного протesta и вернуться к трезвомыслящему, активному участию в гонке за лидерство, которая даст нам возможность окончательно и плодотворно «примириться с прошлым»²⁴.

Ирландия

В 1952 году Ирландия представляла собой неразвитую страну, отличающуюся массовой бедностью, низким уровнем образования, особенно среднего и университетского, высоким уровнем рождаемости и традиционно высоким уровнем эмиграции. Через пятьдесят лет, в 2002 году, Ирландия занимает 10-е место в оновском Индексе человеческого развития, опережая, помимо всех остальных, Швейцарию, Великобританию, Финляндию, Францию и Данию.

Бывший заместитель премьер-министра Ирландии Дик Спринг, объясняя ирландское экономическое «чудо», указывает на следующие факторы:

- Либерализация экономической политики в конце 1950-х годов — примерно в то же самое время, когда Испания сделала свою экономику открытой.
- Создание в 1959 году Управления промышленного развития, уполномоченного привлекать иностранные инвестиции; сопутствовавшее этому понижение ставки корпоративного налога до 10% сделало Ирландию привлекательной для иностранных инвесторов.
- Присоединение Ирландии в 1973 году к Европейскому экономическому сообществу; это облегчило привлечение иностранных инвестиций и принесло значительную помощь от объединенной Европы.
- Всеобщее владение английским языком.
- Бюджетная дисциплина.
- Приоритет образования: выделяемая на него доля бюджета была больше, чем в любой другой европейской стране. В 1968 году Ирландия ввела бесплатное среднее образование. До этого католическая церковь практически владела монополией в этой сфере, и многие ирландцы не имели возможности дать образование своим детям — так дорого оно стоило.

Так же как в случае Испании и Квебека, преображение страны сопровождалось уменьшением влияния католической церкви, так что сегодня уже говорят о «посткатолической Ирландии».

Спринг подчеркивает: Ирландия — это не рай небесный. Ее экономика сильно зависит от иностранных, главным образом американских, инвестиций, и, если инвесторы решат перенести производство в более дешевые страны, такие как Индия и Китай, последствия для Ирландии будут малоприятными. Он также отмечает

социальные проблемы, которые до этого преображения были куда менее острыми: очень высокий уровень преступности, большое количество бездомных, разводы и пьяные безобразия. Но при этом Ирландия, столь долго остававшаяся страной массовой эмиграции, теперь привлекает иммигрантов.

Италия

Экономист Маттео Марини преподает в Калабрийском университете. Его интересуют три давнишние особенности итальянской культуры: конформизм, мятежность и оппортунизм. Конформизм проявляется в склонности большинства итальянцев не «раскачивать лодку», а принимать жизнь как она есть. Подобное отношение к жизни связано с тем фактом, что основные реформы политических учреждений в Италии проводились под давлением внешних сил — в период Наполеоновских войн и после Второй мировой войны.

Пассивности конформизма соответствует традиция мятежа, проявляющаяся в диссидентстве элит, часто выбирающих радикальные идеологии, такие как — в новейшей истории — фашизм и коммунизм.

Оппортунизм, по замечанию Марини, — это «искусство „пременить все, чтобы не изменить ничего“, в полном соответствии со знаменитой фразой из „Леопарда“ Лампедузы, романа, описывающего стратегию сицилийских землевладельцев в период, когда королевство Пьемонт объединяло страну под своим флагом. Феодальные землевладельцы, страшившиеся утратить свои привилегии в результате объединения страны, превратились в пламенных патриотов, чтобы войти в ряды победившей элиты и сохранить свою ренту, источником которой была эксплуатация местных крестьян»²⁵.

Хотя Франческо Гвичардини (1483–1540) менее известен, чем его современник Никколо Макиавелли, он оставил нам поразительные мысли об итальянской культуре. Марини продолжает: «В своих дневниках он оправдывает циничный подход к жизни, потому что каждым человеком движет прежде всего его собственный интерес. Этот „аморальный партикуляризм“ заставляет вспомнить об „аморальной семейственности“ южноитальянской деревни, о которой пишет Эдвард Бэнфилд в своей книге 1958 года „Моральные основы отсталого общества“»²⁶. Марини также отмечает давнишний контраст между севером и югом, о котором пишет Роберт Патнэм в работе «Чтобы демократия сработала», опираясь на книгу Бэнфилда.

Марини убежден, что в длительной перспективе благополучие Италии требует изменения культуры, которое обеспечит большую независимость личности, социальную ответственность и доверие.

В сегодняшней поляризованной Италии любой призыв к единству и национальной сплоченности обречен оставаться неуслышанным. Если главным источником проблемы, как я себе представляю, является глубочайшее чувство недоверия, то единственный способ преодолеть ее заключается в обращении к существу проблемы через анализ господствующей культуры.

Для современной Италии характерно, что... общественное мнение направлено против конкуренции и снисходительно к тем, кто нарушает правила. Итальянцам нужно научиться принимать конкуренцию и наказывать тех, кто нарушает правила.

Изменить культуру нелегко, так как рядовые граждане в своей повседневной жизни вынуждены отвечать на риторический вопрос: чего ради действовать по правилам, если все остальные уверены, что другие будут действовать нечестно. Но культура может быть изменена, если политические, интеллектуальные, религиозные, профсоюзные и прочие лидеры осознают, что от этого зависит лучшее будущее их народа, и если институты, отвечающие за социализацию в раннем детстве, — семья, школа, церковь и средства массовой информации — будут продвигать прогрессивные ценности²⁷.

Квебек

До «тихой революции» 1960-х годов франкоязычный и католический Квебек сильно отставал от англопротестантских провинций, а проживавшие в Квебеке англопротестанты, составляющие 20% населения провинции, по уровню жизни намного превосходили франкокатолическое большинство:

- В 1950 году заработок рабочих Квебека составлял 60% той суммы, которую получали рабочие в Онтарио.
- В период 1901–1950 годов в Квебеке сохранялся самый высокий в Канаде уровень рождаемости: в 1921 году он составил 5,3 ребенка на женщину.

- Обязательное обучение в школе до четырнадцатилетнего возраста было введено в Квебеке только в 1943 году, в среднем на двадцать лет позже, чем в других канадских провинциях.
- В 1959 году в Квебеке менее 50% четырнадцати-семнадцатилетних подростков посещали школу, а в Онтарио таких было более 80%²⁸.

Относительно «империализма янки» некоторые квебекские интеллектуалы пришли к тем же выводам, что и их латиноамериканские коллеги: Квебек отстает только потому, что его эксплуатируют англоканадцы.

В 1960 году премьером Квебека стал Жан Лесаж из Либеральной партии, он оставался на этом посту до 1966 года. Лесаж, его коллеги и преемники провели в Квебеке «тихую революцию», ставшую классическим примером того, как политика изменяет культуру и спасает ее от нее самой. Серьезному реформированию подверглись: система образования (новый министр образования сумел существенно сузить в этой сфере доминирование католической церкви); система трудовых отношений (новый Трудовой кодекс значительно облегчил создание профсоюзных организаций); руководство многими правительственные программами было передано с федерального уровня на уровень местных органов власти. Сегодня по всем показателям прогресса Квебек не отстает от остальной Канады, а в некоторых отношениях, скажем, по числу подростков, бросающих учебу в средней школе, даже стал лучшим по стране. Что же случилось?

Канадский политолог Даниэль Латуш составил каталог культурных факторов, отвечающих за былую отсталость Квебека; он очень напоминает колонку «сопротивления прогрессу» в типологии нашего проекта «Культура имеет значение». Многие из отмеченных черт — это французское культурное наследие, усвоенное до Французской революции, в том числе авторитаризм и лишенная гибкости социальная структура²⁹. Но самый мощный источник влияния — традиционный католицизм, который не только укреплял французскую иерархическую традицию, но и подавлял стремление к образованию, предпринимательству и самостоятельному мышлению.

Латуш начинает свой анализ с мудрого наблюдения: «Нельзя достичь преобразования культуры, пока нет массовой уверенности, что с культурой что-то „не в порядке“, и пока не проведено систематическое обсуждение того, как можно исправить ситуацию.

Чтобы культура имела значение, для начала нужно осознать, что она нуждается в изменениях»³⁰.

Латуш отмечает следующие факторы, способствовавшие успеху тихой революции в Квебеке:

- Новое, избирательное истолкование традиционной культуры в политической риторике и медиа, особый акцент на прогрессивных чертах, таких как терпимость (похоже на ситуацию в Новгороде).
- Использование политическими лидерами лозунгов широко понятого национализма, акцент на темах единства, усилий и жертв.
- Ослабление влияния церкви, прежде всего в области образования. Сегодня Квебек, как и Испанию и Ирландию, называют «посткатолическим».
- Выделение значительных средств на образование.
- Проводимый политическими лидерами курс на равенство полов, особенно в сфере трудовых отношений.
- Успех в целом «корпоративного» подхода (он состоит в том, что бизнес, профсоюзы и другие влиятельные группы обсуждают с правительством политические вопросы).
- Стремление правительства к уменьшению неравенства с помощью образования, создания новых рабочих мест и предоставления социальных услуг.
- Поощрение французского языка; эта политика выдавила из Квебека некоторое количество англоквебекцев, расчистив поле для местных предпринимателей. Верно и то, что распространенность английского языка, особенно в Монреале, облегчила расширение деловых связей с англоязычной Канадой и Соединенными Штатами.

Испания

Кубинский беженец, обозреватель Карлос Альберто Монтанер с 1970 года обосновался в Мадриде. Понимая политическую значимость «испанского чуда» для Латинской Америки, Монтанер проявил к нему особый интерес. В 1950 году Испания была беднее ряда латиноамериканских стран, в стране правила диктатура, а распределение богатства, дохода и возможностей отличалось крайней неравномерностью. Сегодня же это процветающая, развитая демократическая страна, член Евросоюза, а распределение дохода в Испании отличается большей равномерностью, чем в Соединенных Штатах.

Монтанер связывает трансформацию страны с глубоким изменением мышления испанских элит, которые пережили шок в ходе кровопролитной гражданской войны 1930-х годов. А в 1945 году на это наложилось поражение держав оси, с которыми у Испании были союзнические отношения и с которыми идентифицировал себя генерал Франко.

В конце 1950-х годов, как отмечает Монтанер, «сторонники и советники Франко осознали нарастающее отставание Испании от других стран Средиземноморского бассейна и начали требовать большей открытости экономики, что быстро принесло положительные результаты... По сути дела, Испания начала брать пример с Европы и копировать ее подходы к управлению экономикой»³¹. Результатом стал быстрый и устойчивый рост экономики. Уменьшение бедности и рост среднего класса сопровождались быстрым увеличением числа собственников жилья. Марксистская экономическая теория, которой руководствовались левые партии, была дискредитирована.

Но экономическая либерализация не сопровождалась политической, и элиты, включая находившиеся вне закона коммунистическую, социалистическую и либеральную партии, начали осознавать, что авторитарная система правления мешает сближению с Европой. Как отмечает Монтанер, об этом пророчески написал Ортега-и-Гассет еще в 1910 году: «Испания — это проблема, а Европа — решение»³².

Тесным отношениям между Франко и церковью пришел конец в 1969 году, когда Ватикан, ставший более либеральным при Иоанне XXIII и Павле VI, назначил главой испанской церковной иерархии сравнительно либерального Энрике-и-Таранкона. После смерти Франко в 1975 году столь несхожие фигуры, как Таранкон и Сантьяго Каррильо, глава испанской коммунистической партии, сыграли конструктивную роль в переходе страны к демократии. В этот критический момент выбранный Франко преемник, король Хуан Карлос, проявил приверженность демократии, немалое политическое мастерство и целеустремленность.

Монтанер продолжает: «Таким образом, можно утверждать, что элиты, правые и левые, пережили культурную трансформацию вследствие травматической и разрушительной гражданской войны и открытости их страны для мира после 1959 года, и этот опыт стал достоянием всего общества... Пожалуй, впервые в испанской истории большинство испанцев почувствовали, что правительство...

это *их* правительство, выбранное ими для того, чтобы служить народу, и что законы... это *их* законы. Опыт и практика превратились в глубоко укорененные убеждения, представления и ценности. Они уже стали частью культуры. Именно с этого момента появилась возможность говорить о победе демократии»³³.

Швеция

В нашем случае Швеция представляет «чемпионов прогресса», страны Скандинавии. В середине XIX века она была одной из самых бедных стран Европы. В то время большое число шведов (а также финнов и норвежцев) эмигрировали в Соединенные Штаты, причем шведы и норвежцы оседали преимущественно в Висконсине и Миннесоте, двух самых прогрессивных штатах³⁴. Сегодня скандинавские страны сами привлекают иммигрантов.

Начавшийся там в 1860-х годах экономический бум сопровождался укреплением демократических начал; его кульминацией стал закон 1921 года о всеобщем избирательном праве. Но передовая шведская система социального обеспечения уходит корнями куда глубже, по меньшей мере к XVII веку, когда железо изготавливали в небольших поселках, где владельцы плавильных печей по-отечески обращались со своими работниками, в том числе принимая на себя ответственность за их благополучие. За прошедшие столетия эта социальная ответственность была перенесена на сильное государство и сильную, независимую государственную бюрократию, корни которой уходят еще глубже, в XVI столетие.

Неизбежен вопрос: почему именно в Швеции возникла столь нехарактерная для того времени система социальной ответственности владельцев плавильных печей? И почему крестьяне получили право голоса в политических вопросах уже в XVI веке? Авторы статьи о Швеции историк Даг Бланк и политолог Торлейф Петтерсон указывают, что в Швеции в XVI веке укоренилось лютеранство. Они цитируют шведского автора Нильса Екедала: «Благодаря истинной лютеранской вере и подчинению теократической монархии шведский народ превратился в сплоченную общину, которая дала подданным королевства единую душу»³⁵. Нам напоминают о наблюдении, которое сделал Дэвид Хект Фишер (см. главу 2): «Пуритане [Массачусетса] верили, что связаны друг с другом божественным Провидением. Один из их лидеров сказал им, что они должны „считать себя связанными узами любви, а это очень тесные и сильные узы, обязывающие их служить друг другу“».

Бланк и Петтерсон отмечают также глубокое влияние лютеранства на образование. В 1850 году менее 10% шведов были неграмотными. По-видимому, это самое грамотное общество в тогдашнем мире, а в основе этого, как и в случае Шотландии, лежала убежденность протестантов в том, что люди должны быть в состоянии читать Библию. Но при этом они отмечают, что большинство шведов больше не посещают церковь. (Нельзя не вспомнить о пророчестве Джона Уэсли.)

Премьер-министр Швеции в 1932–1946 годах, Пер Альбин Ханссон, выразил идею социальной справедливости в метафоре «дома». Я процитирую этот красноречивый пассаж:

Основа дома — это духовное единство и общность чувств. В хорошем доме нет привилегированных или обойденных вниманием, нет особых любимцев или пасынков. Здесь ни на кого не смотрят сверху вниз и никто не пытается найти выгоду за счет другого, а сильный не обирает и не подавляет слабого. В хорошем доме преобладают равенство, уважение, сотрудничество и взаимопомощь. Если говорить о доме для всех граждан, это должно означать разрушение всех социальных и экономических барьеров, которые ныне разделяют граждан на привилегированных и обделенных судьбой, на правящих и подданных, на богатых и бедных, на живущих в изобилии и нуждающихся, на грабителей и ограбленных³⁶.

В заключение Бланк и Петтерсон подчеркивают две ключевые гражданские добродетели шведов: готовность следовать общественным нормам и правилам и готовность участвовать в их создании.

7 Модели культурных изменений

Что говорит нам опыт, изложенный в главах 5 и 6, о природе изменений культуры? Во-первых, волшебная палочка там ни при чем. Ценности глубоко укоренены и сцеплены с личной идентичностью. Любая угроза нашим ценностям возбуждает сильные эмоции и может вызвать самый горячий отпор. Например, многие мусульмане с раннего детства воспитываются в твердой уверенности в превосходстве мужчин. Они находят подтверждение этой ценности в некоторых разделах Корана и успешно игнорируют другие разделы, которые можно истолковать как указание на равенство полов. Их приучили думать, что они несут ответственность за поведение своих матерей, сестер и жен и что поведение «их» женщин непосредственно отражается на них. Идея равенства полов им не просто чужда — она представляет прямую угрозу самосознанию правоверных мусульман. И так просто они с этой ценностью, с этим самосознанием не расстанутся.

Представления и установки укоренены не столь глубоко, но также являются частью нашей личности. Мы отказываемся от них скрепя сердце и испытывая душевную боль. Многие из нас, бывшие в молодости социалистами, помнят, насколько трудно было объявить — себе и другим, — что социализм не работает и спорить тут больше не о чем. В конце концов, речь ведь шла не только об интеллектуальных/идеологических вопросах: если ты в юности пылко защищал социализм от скептицизма родителей, друзей и родных, то, сдавая позиции, поневоле испытываешь горечь и даже стыд.

Процесс изменений культуры оказывается еще более трудным, когда в основе его лежит осознание болезненной слабости собственной культуры — по сравнению с другими культурами, добившимися большего прогресса. Культура и это крепко спаяны между собой, и легче объяснить отставание своей культуры следствием чьего-то недоброжелательства, нежели собственными недостатками. Тем не менее иногда культура меняется — зачастую очень медленно, хотя порой меньше, чем за одно поколение, как в случае преображения Ирландии и Квебека.

Когда ищешь закономерности культурных изменений и, в частности, способы им помочь, становится ясно, что изменения культуры и «развитие», или «модернизация», экономики и политики тесно связаны между собой. Инициативы по продвижению прогрессивных изменений культуры чаще всего ведут к политическому, экономическому или социальному развитию, а политика ускорения экономического роста и укрепления демократии может привести к прогрессивным изменениям культуры. Примеры, которые мы будем рассматривать далее, включают образование и экономическую политику.

Ключевая роль руководства

Обычно изменения культуры происходят при совпадении двух факторов: (1) наличия руководителей с прогрессивными идеями и (2) наличия кризиса или уникальной возможности. Это в той или иной степени наблюдается во всех случаях успешных реформ, рассмотренных в рамках проекта «Культура имеет значение»:

- Ботswana в момент обретения независимости находилась под просвещенным руководством Серетсе Кхамы.
- Дэн Сяопин перевернул конфуцианский — и маоистский — порядок вещей и осуществил переход к частному предпринимательству в условиях катастрофы, порожденной культурной революцией.
- Молодые лидеры Мэйдзи отреагировали на убедительные свидетельства огромного отставания Японии от Запада во второй половине XIX века.
- Ли Куан Ю с его видением современного, эффективного и богатого — пусть и недемократического — Сингапура начал действовать в момент политического кризиса.
- Чан Кайши и его сын осуществили тайваньское экономическое, а потом и политическое «чудо» в условиях военной угрозы со стороны материкового Китая.
- Поразительно сходное «чудо» (сначала экономическое, а потом и политическое) случилось в Южной Корее — и тоже в условиях военной напряженности.
- Ориентированная на Запад культурная революция под руководством Мустафы Кемаля произошла после краха Османской империи, ввиду реальной перспективы распада государства.

- Чили вернулось к демократии после шоковой диктатуры Пиночета: с 1989 года ряд центристских и левоцентристских лидеров продолжили начатую диктатором либеральную экономическую политику.
- Реализация коренящихся в средневековой мифической традиции идей губернатора Михаила Прусака и других руководителей демократичной и прогрессивной Новгородской области стала возможна благодаря краху Советского Союза.
- Новое поколение руководителей Ирландии (начиная с премьер-министра Шона Лемасса) в 1959 году начало модернизацию страны, которая в экономическом и социальном отношении сильно отстала от Европы.
- После поражения во Второй мировой войне Италия отвергла протекционистскую экономическую политику.
- Новое руководство провинции Квебек начиная с избранного в 1960 году губернатором Жана Лесажа решало задачи модернизации провинции, экономически и социально сильно отставшей от остальной Канады.
- Испанский король Хуан Карлос сыграл ключевую роль в переходе к демократии после смерти Франко.

Еще один пример — роль Михаила Горбачева в демонтаже Советской империи; Россия оказалась тогда лишь на грани преобразований, зато перед странами Восточной Европы это обстоятельство открыло возможность перехода к демократии и вступления в Евросоюз.

В формулу руководство/кризис не укладывается история Швеции, которая начала двигаться к демократии и процветанию постепенно, по меньшей мере с середины XIX века. Возможно, еще рано говорить об окончательном успехе Индии, однако нет сомнений, что еще одно десятилетие столь быстрого экономического роста — и точка невозврата для нее навсегда окажется позади. Тогда это будет история того, как провал протекционистской экономической политики привел к политике открытости и либерализации, в ряде отношений подобной той, которая привела к успеху Италию, Ирландию и Испанию.

В книге «Развитие как свобода» Амартия Сен пишет: «Если возникает необходимость пожертвовать традиционным образом жизни ради того, чтобы выбраться из суровой нищеты... людям, которых это непосредственно касается, должна быть предоставлена возможность участия в принятии решений... Любой реальный

конфликт между охраняемыми традициями и преимуществами модернизации требует демократического решения, а не одностороннего отказа от модернизации в пользу традиции, исходящего от правительства, религиозных властей или антропологов — поклонников древности¹. В идеале все так и должно происходить. Но в большинстве рассмотренных выше случаев к существенным изменениям приводили решения, принятые политической, интеллектуальной и военной элитами.

Исключение представляют собой широкие социальные движения, хотя при любой массовости их обычно отождествляют с лидером, способным сравнительно быстро изменить ценности и установки. Движение за гражданские права во главе с Мартином Лютером Кингом привело к поразительной смене американских ценностей и установок, связанных с межрасовыми отношениями, смене, которая отзывалась и в других частях мира. На протяжении жизни одного поколения в Соединенных Штатах произошли такие перемены, что межрасовые браки стали принятым и достаточно широким явлением. Борьба против апартеида в Южной Африке, во главе которой стоял Нельсон Мандела, также привела к глубоким изменениям культуры как белого, так и черного населения. Теперь черные чувствуют, что в состоянии сами управлять своей судьбой.

В последние несколько десятилетий поразительное изменение ценностей и установок породило женское движение. Женщин формально признавали существами низшего порядка (слегка или в значительной мере) и обращались соответственно — покровительно и снисходительно, причем даже в развитых демократиях Запада. Хотя до равенства полов еще далеко, особенно в большинстве мусульманских стран, во многих государствах статус женщин сегодня намного выше, чем был пятьдесят лет назад.

В странах третьего мира растут массовые движения, выступающие за более открытую и демократичную политику и против коррупции. Многие такие движения и группы получили поддержку из первого мира. Это многообещающее развитие, целью которого является более эффективное и отзывчивое правление, с одной стороны, и прогрессивное изменение культуры — с другой.

Открытость к новым идеям

В ряде случаев критическим фактором успеха стала готовность учиться у других, более развитых обществ. Начать можно с успеха ислама в первые столетия после смерти Мухаммеда. Бернард Льюис

отмечает: «Тогда он достиг высшего уровня развития в искусствах и науках. Унаследовав знания и умения древнего Ближнего Востока, Греции и Персии [благодаря переводу их текстов на арабский], он добавил к ним ряд существенных нововведений из других регионов, таких как использование и производство бумаги, заимствованное у Китая, и полученная из Индии позиционная система счисления»². Какой поразительный контраст со скучным потоком переводов на арабский в наши дни!

Чрезвычайно показательна противоположная реакция Японии и Китая на западное вторжение в XIX веке. Китайцы, исполненные самодовольства в связи с тем, что их «Срединная империя» была расположена «в центре земли», предпочли не обращать внимания на свидетельства политического, экономического, административного и технологического превосходства Запада. А в Японии лидеры Мэйдзи отнеслись к ситуации со всей серьезностью и в 1868 году начали широчайшую программу модернизации с участием многочисленных западных специалистов, которые в течение двух поколений превратили Японию в мировую военную и экономическую державу.

Подобно некоторым лидерам революции Мэйдзи, совершившим длительные поездки в Соединенные Штаты и Европу, Серетсе Кхама и Квет Масире «ездили в другие страны, чтобы научиться тому, как в них проводятся выборы и осуществляется государственная политика. Они посыпали за границу и других политиков и государственных чиновников. Они поощряли людей записывать свои наблюдения обо всех увиденных успехах и неудачах. Выступая в 1966 году в первом парламенте Ботсваны, Масире отметил: „Мы продвигались вперед очень быстро, потому что опыт и ошибки других использовали к своей выгоде“»³.

Мустафа Кемаль, герой Галлиполийской кампании и лидер сил, предотвративших расчленение Турции после краха Османской империи, вполне мог бы попытаться восстановить имперскую структуру власти и стать халифом. Вместо этого он предпочел приступить к культурной революции, вдохновлявшейся западными ценностями и стремлением ввести в Турции западные институты.

Менее эффективное заимствование происходит, когда отдельные лидеры лично сталкиваются с западной культурой. В пример можно привести обучение Серетсе Кхамы в миссионерских школах Ботсваны и Южной Африки, а потом в Оксфордском университете,

или учебу Ли Куан Ю в британских школах Сингапура и в Кембриджском университете, или визиты короля Хуана Карлоса в западные страны до его восшествия на испанский престол в 1975 году.

Преемственность

Преемственность сыграла важную роль в нескольких исследованных нами историй успешных преобразований. Серетсе Кхама опирался на давнишнюю традицию совещаний с народом (*кготла*), чтобы укрепить демократический режим в Ботсване. Но и другие традиции сослужили Ботсване добрую службу, особенно умеренность и бережливость, которые были свойственны даже племенным вождям.

Тысячелетние «конфуцианские» ценности — образование, трудовая этика, принцип заслуг, бережливость — способствовали успеху восточноазиатских стран. В период реставрации Мэйдзи Япония заимствовала у Запада большое число социальных, институциональных и технологических новинок, многие из которых стали органичной частью японского образа жизни, в том числе широкие изменения в организации государственной власти и системы образования.

Чили была успешной страной задолго до несчастного эпизода с Альенде и Пиночетом — в XIX веке ее называли «образцовой республикой», и она служила витриной «Союза во имя прогресса», созданного в 1960-х годах Джоном Ф. Кеннеди для модернизации Латинской Америки. То, что Чили по Индексу восприятия коррупции опережает все страны Латинской Америки, свидетельствует о нетипичной для этого региона надежности и крепости государственных учреждений. Помнится, более сорока лет назад, когда я впервые побывал в Чили, сотрудник посольства США в Сантьяго поведал мне, что чилийские полицейские силы, *carabineros*, — это чрезвычайно профессиональная организация, пользующаяся в народе доверием и уважением, чего не встретишь почти ни в какой другой стране Латинской Америки.

В подготовленной для проекта «Культура имеет значение» статье Николай Петро приписывает успех реформ в Новгородской области главным образом тому, что начальство воскресило в памяти населения вековой идеал свободы: «Местные элиты ответили на кризис ценностей, вызванный крахом коммунистической системы, обращением к древнему образу Новгородской республики... бывшей в Средние века крупным торговым центром и колыбелью рус-

ской демократии... благодаря чему реформы стали выглядеть как возвращение к ценностям русского прошлого времен расцвета, а не чем-то навязанным извне. Это смягчило шок изменений культуры, расширило социальную базу поддержки реформ и обеспечило большее доверие к местной власти⁴. (Как мы увидим в следующей главе, сходный маневр в эквадорском городе Амбато облегчил гражданам повышение уровня пунктуальности.) И Даниэль Латуш в связи с преображением Квебека говорит о процессе перестройки культуры, «включающем создание новой мифологии, основанной на избирательных воспоминаниях» новых политических и интеллектуальных лидеров Квебека⁵.

Ираклий Чхония приходит к тому же выводу, что и Петро, когда рассматривает случай Грузии, где многовековой миф национальной идентичности строится на сочетании рыцарственности с интеллектуальным и художественными достижениями. «Для успешного... изменения культуры необходимо легитимировать предлагаемое изменение в рамках подлинной культуры общества. Изменение получит поддержку и будет проведено в жизнь, если его представить как преемственность ключевых аспектов коллективного бытия»⁶.

А что делать в отсутствие прогрессивного мифа или соответствующей традиции? Преимущественно такова ситуация в Латинской Америке, где за пять столетий иберийская традиция не заложила фундамент для демократически-капиталистической модернизации, поскольку все это время здесь не было ничего, кроме авторитаризма, коррумпированного меркантилизма и крайней несправедливости. Мексиканцы гордятся организационными, архитектурными и прочими достижениями ацтеков, майя и других доколумбовых цивилизаций, а перуанцы — аналогичными достижениями инков. Но эти древние ритуальные теократии не имеют практически никакой связи с современными обществами, да и в любом случае они были полностью сокрушены и заменены испанской цивилизацией. Когда в XIX веке аргентинский государственный деятель, учитель и писатель Доминго Фаустино Сармьенто заклинал своих сограждан бороться за лучшее будущее Аргентины, он смотрел не на Испанию, а *al norte*, на север: «Мы должны быть Соединенными Штатами»⁷. В главе 5 я отметил, что точно так же поступили испанские лидеры, возглавившие переход к демократии и современному капитализму и искавшие вдохновения не в каких-нибудь эпизодах славного испанского прошлого, а скорее *al norte* — севером в их случае была Европа.

Если, как утверждает антрополог Роберт Эджертон, некоторые общества в культурном смысле *больны* (здесь вспоминается термин Дэвида Ландеса «токсичная культура»), то может не оказаться иной альтернативы, кроме как искать новые образцы где-нибудь на стороне, как и поступили вожди реставрации Мэйдзи и Ататюрк⁸. Разумеется, намного лучше, когда существуют пригодные для использования отечественные символы и мифы, которые могут внести в процесс модернизации оттенок преемственности. Но во многих случаях такого рода символы и мифы найти очень непросто.

Ключевая роль образования

После окончания Второй мировой войны вопросы экономического и социального развития повсеместно стали актуальными, и с тех пор образование занимает центральное место в планировании будущего. Перспективы его менялись в зависимости от того, как экономисты оценивали его полезность для экономического развития, в том числе альтернативную стоимость вложений в образование. Нобелевский лауреат, экономист Амартия Сен отмечает: «В некоторых политических кругах» доминирует вера «в то, что развитие человеческого потенциала — роскошь, которую могут себе позволить только богатые страны». Опровергая эту идею, он ссылается на замечательные достижения восточноазиатских стран: они «довольно рано начали развивать массовое образование... во многих случаях *прежде*, чем разорвали путы бедности»⁹.

В последние несколько десятилетий интерес к политическому развитию повысил приоритетность образования: неграмотность явно неблагоприятна для эффективной демократии. Но если смотреть на человеческий прогресс через призму культуры и изменений культуры, образование сразу становится главным приоритетом государственной политики. Этот вывод поддержан в ряде исследований, выполненных для проекта «Культура имеет значение»:

- Храня верность *своей* конфуцианской традиции, лидеры реставрации Мэйдзи прилагали большие усилия для развития образования: к 1905 году более 90% японских детей школьного возраста, и мальчиков и девочек, учились в школе — в то время в мире было мало стран с таким уровнем охвата детей школьным образованием¹⁰. Высокие расходы в этой сфере помогли Японии в исторически

короткие сроки стать мощной экономической и военной державой. Они же облегчили переход Японии к демократии после поражения во Второй мировой войне.

• В соответствии со *своей* конфуцианской традицией правительство Сингапура объявило образование высшим приоритетом государственной политики. Заботясь об экономическом развитии и социальной гармонии в ситуации многоязычия, Сингапур принял удачное решение — сделал английский главным языком преподавания в школах.

Еще раз хочется подчеркнуть значение английского языка в современном мире для экономического развития. Недавний успех Ирландии и Индии отчасти может быть приписан тому, что в период, когда английский стал *lingua franca* мировой экономики, обе страны оказались в этом отношении в привилегированном положении. Массовое знание английского сослужило хорошую службу и скандинавским странам. Недавно правительство Чили объявило программу, цель которой, по сообщению газеты *New York Times*, — добиться того, чтобы «все пятнадцать миллионов граждан Чили свободно владели английским»¹¹. Серджио Битар, чилийский министр образования, уточняет: «Мы знаем, что более, чем когда-либо, зависим от международной экономики, а если вы не можете говорить по-английски, то не сможете продавать и зарабатывать на жизнь»¹².

• В своем эссе о Чили Дэвид Ходжман отметил: в 1895 году уровень грамотности среди чилийских женщин приближался к 30% — это было очень много для Латинской Америки того времени, и это имело существенное значение для прогрессивных изменений культуры. «Женский сегмент читательской аудитории не только поднял доходы некоторых авторов и издателей, но также обеспечил распространение новых взглядов и мнений, которые в конечном счете повлияли на мировосприятие новых читателей»¹³.

• Успех начатых в 1950-х годах преобразований в Ирландии был достигнут во многом благодаря высоким расходам на государственную систему образования, чему способствовала и обильная финансовая помощь со стороны Евросоюза. Поскольку в 1960-м государственных средних школ еще

не существовало, на тот момент только 35% молодых людей соответствующего возраста учились в школах¹⁴.

«В 2001 году, — сообщает Дик Спринг, — при населении в 3,8 млн человек около 1 млн учились в дневных учебных заведениях, а государственные расходы на образование, составлявшие 13,5% бюджетных расходов, были чуть ли не самыми высокими в Европе. Сегодня 60% выпускников средних школ идут учиться дальше»¹⁵.

- В Квебеке подход к реформе системы образования и приоритетность этого направления были такими же, как в Ирландии. В обоих случаях место приходских школ заняли школы государственные, что сделало образование доступным для миллионов детей из семей с небольшим достатком.

- Даг Бланк и Торлейф Петтерсон указывают на ключевую роль лютеранства в развитии Швеции и, прежде всего, в повышении общего уровня грамотности населения.

«Благодаря систематическим усилиям церкви в области образования, шведов отличал необычно высокий уровень грамотности. Хотя всеобщее начальное образование было введено только в 1842 году, в 1850-х годах неграмотными оставались менее 10% взрослого населения. По сути дела, в то время Швеция была одной из самых грамотных стран мира. Высокий уровень грамотности стал важным фактором развития, поскольку народ имел возможность противостоять сильному государству»¹⁶.

В истории Швеции церковь сыграла примерно ту же роль, что и в Шотландии, которая своим развитием во многом обязана пресвитерианству. В работе «Как шотландцы изобрели современный мир» Артур Херман отмечает: «Опубликованная в 1560 году Джоном Ноксом „Книга дисциплины“ призывала к национальной системе образования... К концу XVII века уровень грамотности в Шотландии был выше, чем в любой другой стране... Несмотря на сравнительную бедность и небольшое население, шотландская культура обладала природной склонностью к чтению, обучению и образованию вообще»¹⁷.

Дальнейшего обсуждения заслуживают два пункта: (1) предполагаемая связь между низким уровнем грамотности и экономической неразвитостью и (2) ключевая роль женского образования.

Несколько лет назад я участвовал в совещании по долгосрочному планированию канадского Министерства иностранных дел в Оттаве. Один из участников, индус, преподающий в американском университете, возмутился, когда я указал на высокий уровень неграмотности в Индии, особенно среди женщин. (По данным ООН за 2003 год, в 2001-м совершенно неграмотными были 53% индианок в возрасте 15 лет и старше; для возрастной группы от 15 до 24 лет уровень неграмотности падает до 36%). Он отверг мои утверждения и настаивал на том, что неграмотность — неизбежное следствие общей бедности. Его мнение опровергает опыт Японии в период реставрации Мэйдзи, Шотландии в XVIII веке и Швеции — в XIX. Все эти страны ликвидировали неграмотность еще в то время, когда они были бедны. Если общество — вернее, его лидеры — верит, что нет ничего важнее образования, оно найдет средства, чтобы просветить свой народ.

Как указывает мой коллега по проекту «Культура имеет значение» Джеймс Фокс (см. главу 8), вступившему в спор индусу не обязательно было обращаться к истории Японии, Шотландии или Швеции, чтобы убедиться в ошибочности своей теории. Дело в том, что «индийский штат Керала достиг почти всеобщей грамотности среди женщин, хотя в нем доход на душу населения существенно ниже, чем в среднем по Индии»¹⁸.

Дискриминация женщин в сфере образования — явление распространенное. Оно особенно характерно для мусульманских стран: уровень неграмотности у взрослых женщин составляет около 70% в Пакистане и Бангладеш, 63% — в Марокко, 55% — в Египте и более 30% — в Саудовской Аравии. (В Марокко, Египте и Саудовской Аравии уровень неграмотности среди женщин в возрасте от 15 до 24 лет существенно ниже.) Неграмотность женщин обходится недешево. В то время как во всем мире все больший процент женщин выходит на рынок труда, неграмотность становится барьером при поисках рабочего места. Она лишает женщин возможности участвовать в демократической политике. А если говорить об изменении культуры, женская неграмотность способствует увековечению ценностей, сопротивляющихся прогрессу (поддерживая, например, склонность к примитивным религиозным представлениям в стиле вуду).

Влияние женской неграмотности на общество усугубляется той ролью, которую женщина играет в семье: практически во всех культурах именно женщины занимаются воспитанием детей,

и неграмотная мать оказывается главным агентом увековечения неблагоприятных для прогресса ценностей, которые таким образом переходят от одного поколения к другому. Образованная мать может передать детям уважение к образованию и веру в то, что они в состоянии сами влиять на свою судьбу.

В начале этой главы я уже говорил, что в деле экономического развития и изменения культуры никто еще не создал волшебной палочки, которая гарантировала бы нам успех. Образование, в том числе элементарное умение читать и писать, незаменимо для продвижения прогрессивных ценностей, но его отнюдь не достаточно. Об этом свидетельствует высокий уровень образования в Советском Союзе. Бывшая Советская Социалистическая Республика Узбекистан сегодня может похвастаться стопроцентной грамотностью населения — это самая грамотная исламская страна в мире. Однако в 2003 году Узбекистан занял 101-е место в ооновском Индексе человеческого развития. По уровню образования Россия сопоставима с самыми развитыми странами Запада и Восточной Азии, но это не обеспечило ей соответствующих достижений в области демократии, социальной справедливости или экономического процветания.

Мы опять вынуждены вернуться к вопросам, которые были поставлены в главе 3. Чему учат детей? Как их учат? Как складываются отношения между учителем и учениками? Служит ли образование инструментом передачи традиции, или оно развивает в детях любопытство, самостоятельность мышления, склонность к новациям? Какие ценности распространяет образование: ориентированные на прогресс или противящиеся прогрессу? Ответы на эти вопросы тесно связаны с культурой. Иными словами, система образования поддерживает ценности, распространенные в обществе и, прежде всего, среди элит, которые формируют образовательную политику.

Легче, разумеется, провозгласить реформу, чем довести ее до конца. Но когда общественные лидеры приходят к выводу, что в культуре необходимы изменения, система образования оказывается самым мощным и подходящим для этого инструментом. Система образования имеет отношение и к другому мощному инструменту — воспитанию детей, как через общее образование, получаемое будущими родителями, особенно матерями, так и через прямое обучение приемам воспитания детей (*parenting education*). Вообще говоря, в некоторых странах, прежде всего исламских, но также в Африке и на Гаити, где сильны анимистические религии, аналогичных изменений можно достичь путем реформирования религии (см. главу 4).

Экономическая политика и изменение культуры

Известны случаи, когда культурные преобразования оказывались результатом изменения экономической политики. В большинстве подобных случаев происходил переход от политики, направленной на замещение импорта и экономическое обособление от мира, к политике поощрения экспорта, направленной на экономическую открытость. Такое изменение оказывает двойкое воздействие на культурные ценности. Во-первых, открытие экономики означает расширение знакомства с более современными, более эффективными методами, в том числе методами мышления. При этом перенимаются не только новые технологии, но и новые способы понимания мира, жизни, социальных отношений и политики. Во-вторых, экономический успех политики открытости означает повышение уровня дохода для большого числа людей, многие из которых даже не надеялись, что их материальное положение может улучшиться. В условиях растущего благосостояния и оптимизма происходят переоценка и изменение вековых представлений, скажем так, о способности человека влиять на свою судьбу или о ценности образования.

В опыте Италии, Испании и Ирландии прослеживаются разительные параллели. До Второй мировой войны все три страны проводили политику экономической изоляции, для которой характерны высокие тарифы и неблагоприятные условия для иностранных инвестиций. Если говорить об Италии и Испании, эта политика (в случае Испании доходившая даже до призыва к экономической самодостаточности) целиком соответствовала мировоззрению и философии корпорativизма. И во всех трех странах политика соответствовала тому, что Дик Спринг описывает как «антиматериалистическое учение церкви»¹⁹.

В Италии подъем начался благодаря плану Маршалла, который, помимо всего прочего, стимулировал торговлю между пострадавшими в войне западноевропейскими странами. Дополнительный импульс торговля получила благодаря созданию в Европе Общего рынка. Сравнительно низкий уровень заработной платы и традиционная активность населения обеспечили быстрый рост итальянской экономики. Сегодня она почти сравнялась с Францией и Германией по показателю дохода на душу населения, измеряемому по паритету покупательной способности. Но при этом сохраняется резкий контраст между югом и севером Италии, хотя даже юг за эти годы стал более зажиточным. Влияние церкви в стране упало. То же

самое, пожалуй, можно сказать и о мафии — хотя как раз сейчас, когда пишутся эти строки, повторяющиеся убийства в Неаполе в очередной раз напомнили, что *camorra* все еще жива.

В Испании рост был запущен благодаря усилиям группы молодых специалистов, среди которых были и два члена Opus Dei. Они убедили Франко, что курс на автаркию завел страну в тупик и что необходимо открыть экономику. Вообще говоря, сразу после Второй мировой войны испанские рабочие в массовом порядке мигрировали за Пиренеи, главным образом во Францию и Германию. Но когда в 1959 году началась политика экономической открытости, в Испанию хлынули туристы, а также иностранные инвесторы, иностранные менеджеры и иностранные студенты. В результате замкнутая, недвижная, охваченная духом национализма и даже ксенофобии Испания в считанные годы стала привлекательной для туристов и инвесторов, словом, превратилась в нормальную *европейскую* страну.

Ирландия открылась миру почти одновременно с Испанией. Но роль триггера сыграли новое политическое руководство и новое видение проблем: в 1959 году Имона Де Валера на посту президента Ирландии сменил Шон Лемасс. Как и в случае Испании, культурному преображению Ирландии способствовали инвесторы, менеджеры и туристы, хлынувшие в страну после того, как она перешла к новой экономической политике. Значительную роль сыграли экономические связи Ирландии с Великобританией и Евросоюзом.

В Восточной Азии «чудеса» происходили иначе. В Японии быстрый, ориентированный на экспорт экономический рост начался в конце XIX века и продолжался до Второй мировой войны. Второе японское экономическое чудо, начавшееся вскоре после катастрофического поражения в войне, также было ориентировано на экспорт. Влияние экономической политики на изменение культуры было более опосредованным, нежели в европейских странах. Такие ценности, как образование, достижения, заслуги и бережливость, были прочно привиты японской культуре конфуцианством, которое в этих аспектах напоминает протестантизм. Главное изменение японских ценностей и установок стало, по-видимому, результатом роста зажиточности, хотя на сохранение преемственности в культуре указывает высокая склонность к сбережению, способствующая продолжению глубокой рецессии, которая длится в Японии с начала 1990-х. Культура имеет значение, однако некоторые ценности, способствующие быстрому экономическому росту, могут оказаться

не столь уж полезными, когда экономика достигает высокого уровня процветания. Более того, переход от бедности к богатству иногда сопровождается отказом от тех самых ценностей, которые это богатство породили.

Как и в случае Японии, устойчивый и быстрый экономический рост в Южной Корее, на Тайване, в Гонконге, Сингапуре и Китае свидетельствовал скорее о том, что устоявшиеся системы ценностей обеспечивают развитие экономики, нежели о том, что начавшиеся экономические изменения порождают изменение культуры — как в случае Испании и Ирландии. В Восточной Азии уже существовали ценности, благоприятные для развития экономики. Чтобы «чудеса» состоялись, недоставало только правительственной политики, направленной на поддержку экономической деятельности.

Иностранные инвестиции

Несколько статей, подготовленных для проекта «Культура имеет значение», посвящены конструктивной роли иностранных инвестиций, которые на первых порах восполняют нехватку капитала, технологий, организационных и маркетинговых методов, а впоследствии способствуют вызреванию ценностей, установок и методов, необходимых для самостоятельного развития предпринимательства. В некоторых случаях иностранные инвесторы, приносившие с собой традиции филантропической деятельности и цивилизованных отношений между трудом и капиталом, содействовали распространению идей ответственности корпораций перед обществом. Но бывает и так, что инвесторы пренебрегают подобной ответственностью.

Иностранные инвестиции сыграли выдающуюся роль в успехе Сингапура, Испании, Ирландии, Ботсваны и Новгорода. Они также сделали решающий вклад в экономический подъем Восточной Европы, где на протяжении сорока лет коммунистического правления подавлялся дух предпринимательства (по крайней мере, в разрешенных видах деятельности). Могу добавить, что многочисленные совместные предприятия с участием западных компаний, одобренные польскими властями, способствовали краху коммунистического режима в Польше.

Многие читатели будут шокированы тем, какой выбор я сделал, чтобы показать, как благодаря филантропической деятельности и цивилизованному отношению к работникам иностранная компания способствовала прогрессивным изменениям в тех странах, где она действовала. Речь идет об имеющей очень

скверную репутацию компании United Fruit. Она стала символом империализма янки для многих латиноамериканских политиков и интеллектуалов, в том числе для чилийского поэта Пабло Неруды, который написал саркастическую поэму United Fruit Co. Когда Агентство США по международному развитию в первый раз отправило меня поработать за границей, это оказалась Коста-Рика, где я провел 1964–1965 годы. И там меня пригласили посетить банановые плантации United Fruit в Голфито, на берегу Тихого океана. Приглашение я принял не без внутреннего протеста: как у большинства либералов, у меня сложилось весьма негативное отношение к компании.

Однако то, что я увидел в Голфито, было поразительно. Банановая плантация сама по себе производит сильное впечатление, потому что на месте бескрайних джунглей ты видишь упорядоченное, продуктивное хозяйство, эффективную систему транспортировки, упаковки, хранения и погрузки на рефрижераторные суда. Это впечатление усиливала зрелище опрятного городка, выстроенного компанией для своего персонала. Но больше всего меня поразило то, как компания обращалась с работающими на нее костариканцами. Они жили в аккуратных и нарядных домах; их дети учились в школах, построенных и укомплектованных компанией; у всех был доступ к медицине и спорту. Плантационные рабочие получали вдвое больше, чем рабочие на аналогичных местных предприятиях. И компания последовательно продвигала костариканцев на управленческие позиции. В общем, условия, обеспечиваемые United Fruit, были намного лучше, чем у средних коста-риканских сельскохозяйственных рабочих; из этого следовало, что компания относится к своим работникам намного лучше, чем большинство местных работодателей — к своим. Хоть и без большого желания, но компания позволила неоперившимся коста-риканским профсоюзам приобрести силу и опыт в ходе переговоров. Просвещенная политика United Fruit в области трудовых отношений не только служила примером, но и прямо понуждала местные фирмы лучше обращаться со своим персоналом.

За этим развитием стоял Сэмюэль Земюррэй, еврейский иммигрант, которого мальчиком привезли в Соединенные Штаты из Молдавии; в 1933 году он стал президентом United Fruit и управлял ею до 1950-х. Типичнейший предприниматель, Земюррэй был также либералом, советником президента Франклина Рузельята и филантропом. По словам его дочери, с которой я познакомился спустя

несколько лет, половину состояния бизнесмен отдал на всякие полезные учреждения, в том числе на детскую поликлинику и клинику женских болезней для негритянок в Новом Орлеане, на Университет Тулэйн, на Гарвардский университет и на один из лучших в мире ботанических садов, открытый в Гондурасе. В 1941 году он создал Высшую сельскохозяйственную школу в Гондурасе, о которой еще пойдет речь ниже.

Кто-то может решить, что деятельность Земюррэя служила прикрытием для грабительской эксплуатации Латинской Америки. Этим людям я советую познакомиться с опубликованным в 1958 году докладом Национальной ассоциации планирования, где содержится оценка влияния United Fruit на Эквадор, Коста-Рику, Панаму, Гондурас, Колумбию и Гватемалу²⁰. Авторы доклада, Гало Плаза (бывший президент Эквадора и генеральный секретарь Организации американских государств) и Стэси Мэй (профессор экономики Дартмутского университета и советник Нельсона Рокфеллера), приходят к выводу, что деятельность компании принесла этим шести странам «огромную пользу»²¹. Более того, уровень прибыли в United Fruit был ниже, чем в среднем у крупных американских корпораций, и «намного ниже, чем считается разумным для местных предприятий в Латинской Америке»²².

Собственность на жилье

Собственность на жилье сыграла ключевую роль в преображении Испании и Сингапура. В обоих случаях жилищная политика была нацелена на то, чтобы создать средний класс и заинтересовать людей в процветании общества. Достижению этих целей способствовала быстро растущая экономика. Как отмечает Карлос Альберто Монтанер в своем эссе об Испании, «когда Франко умер, почти 80% испанцев были собственниками своего жилья; банки вели миллионы частных накопительных счетов; возник массовый средний класс; крайних форм бедности почти не осталось; а страна наслаждалась самым высоким уровнем жизни за всю свою историю. Иными словами, были все основания действовать осмотрительно и избегать любых авантюр»²³.

В Сингапуре одной из главных целей правительства, в соответствии с конфуцианской традицией, было укрепление семьи. Главным инструментом при этом выступала жилищная политика. Активный рынок жилья позволяет семьям выигрывать от повышения цен на жилье, а закон разрешает продавать дома и квартиры через

пять лет после приобретения. «В результате 90% сингапурских семей владеют жильем»²⁴.

Журнал Economist отметил в 2004 году, что в последнее время в Мексике быстро увеличивается число собственников жилья, и сделал вывод: «Создавая массовый слой владельцев недвижимости, Мексика закладывает основы демократии. Когда собственников жилья станет много, сократится поддержка проводившейся в прошлом патерналистской политики»²⁵.

Здесь уместно вспомнить о работе де Сото «Загадка капитала». Центральный аргумент книги таков: если упорядочить и сделать законной собственность бедняков, если, иными словами, превратить ее в капитал, под который банки смогут выдавать ссуды, правительства смогут помочь в мобилизации огромных объемов новых капиталов и предпринимательской инициативы, необходимых для превращения этого капитала в мотор экономического развития. Предполагается, что эта политика способна давать почти магические эффекты: упорядочив и легализовав собственность и обеспечив адекватный механизм кредитования, правительство обеспечит быстрое и устойчивое экономическое развитие. Уязвимость этой теории развития очевидна в случае Гаити, одной из тех стран, которые рассматривает автор книги²⁶. Когда я изложил идею де Сото моему зятю, гаитянину, он заметил, что если раздавать бедным гаитянам кредиты, то они еще быстрее побегут из своей страны, чтобы не жить в этом извращенном обществе.

Книги «Культура имеет значение» и «Загадка капитала», опубликованные издательством Basic Books в 2000 году, были отрецензированы Робертом Самуэльсоном в журнале Foreign Affairs и Майклом Новаком — в журнале The Weekly Standard²⁷. Де Сото пренебрежительно относится к культуре как фактору развития — и в этом заключается ирония: ведь именно он выступил в 1996 году с ключевым докладом на коста-риканской конференции о роли культуры в Латинской Америке. Тем не менее предлагаемые им меры способны привести к конструктивным изменениям традиционных ценностей, представлений и установок. Например, фатализм, порожденный поколениями безвылазной нищеты, может смениться в человеке чувством собственной значимости и оптимизмом, когда он впервые приходит в банк и получает ссуду на приемлемых условиях. При этом может пошатнуться даже неколебимая, казалось бы, уверенность множества бедных граждан третьего мира в том, что правительство заботится только о богатых.

Ключевая роль профессиональной бюрократии

Тридцать пять лет назад я опубликовал первую статью об экономическом развитии «Скрытые издержки государственных инвестиций», которая появилась в International Development Review как публикация Общества международного развития. В статье подчеркивалась необходимость привлекать на государственную службу высококачественных специалистов. «Работа профессионала... в государственном секторе, занимается он политикой или управлением, открывает возможности для вклада в национальное... благополучие в масштабах, редко встречаемых в частном секторе». В бедных странах нормой является низкое жалование государственных служащих, что поддерживает «распространенный [в том числе в богатых странах] стереотип государственного служащего: он неэффективен, нереалистичен, некомпетентен, всегда норовит переложить ответственность на другого, считает минуты до окончания рабочего дня, он — строитель империи, постоянно зажимающий заработную плату рабочих, — в общем, посредственность, присосавшаяся к государственной кормушке»²⁸.

Низкое жалование и некомпетентность на государственной службе, так же как неэффективность, nepotizm и коррупция в реализации правительственные программ, тормозят экономическое и социальное развитие. Как, например, провести широкую реформу образования, о которой пишут для проекта «Культура имеет значение» Фернандо Реймерс и Элеонора Виллегас-Реймерс, когда приходится иметь дело с малоквалифицированными учителями и администраторами?!

Как отмечает в своей статье об Аргентине Мариано Грondona, правительственные неэффективность и коррупция сопровождаются и немалыми культурными издержками. В бедных странах доверие — это редкость, а доверия к правительству и совсем мало. В большинстве бедных стран радиус идентификации и доверия редко выходит за пределы семьи и друзей, что уничтожает чувство ответственности за общество в целом. Это усиливает общечеловеческое нежелание платить налоги. Но если добавить массовое, острое неуважение и недоверие к государственному сектору, легко понять, почему во многих бедных странах уклонение от налогов является настолько большой проблемой. Только представьте себе, как относятся люди к правительству в Никарагуа, второй по уровню бедности стране Латинской Америки (Гаити держит первое место), после того как стало известно, что бывший президент Арнольдо

Алеман незаконно присвоил за время пребывания в должности более 100 млн долларов!

По мнению Грondonы, профессиональная правительственная бюрократия играет центральную роль в расширении радиуса идентификации и доверия — к правительству и обществу в целом. Это особенно бросается в глаза в случае Швеции. Даг Бланк и Торлейф Петтерсон пишут: «Очень значимой чертой наследия сильного государства XVII века выступает централизованная, сравнительно эффективная и порой подлинно независимая правительственная бюрократия, демонстрирующая одновременно честность и профессиональность в отношениях с людьми и верность и преданность в отношении правовой системы и вышестоящих... Есть все основания полагать, что в XX веке шведская модель была бы менее эффективной, если бы она не опиралась на сильное государство и эффективную бюрократию»²⁹.

Далее Бланк и Петтерсон говорят о «сильном государстве, хорошем управлении, полном жизни, открытом и доверчивом гражданском обществе, компетентной и эффективной правительственной бюрократии, для которой возможности карьеры основывались главным образом на заслуге, а не на семейных связях»³⁰. В Швеции государственный аппарат не только эффективно делал свое дело, но еще и повышал престиж правительства, а также содействовал тесному сплочению общества, представлявшего собой единую общину. При этом он укреплял столь важные для культуры ценности, как честность и ответственность.

Бюрократия сыграла центральную роль и в ботсванском экономическом «чуде». Стив Льюис дает понять, насколько важной была эта роль; по его словам, президенты Кхама и Масире пошли на все, чтобы «привлечь на государственную службу и удержать лучших людей»:

Правительство годами не допускало в частный сектор молодых специалистов, а потому имело буквальную монополию на каждого, кто окончил университет [при финансовой поддержке правительства]. [Правительственные чиновники]... настаивали: правительство должно быть уверено в том, что оно в состоянии эффективно осуществлять программы развития и предоставлять услуги всему населению, а не только обеспечивать гражданам рабочие места. Тратились очень большие бюджетные средства на

образование, в том числе [финансовую поддержку] оказывали тем, кто отправлялся за море изучать медицину, ветеринарию и право, поскольку местный университет таких специалистов готовить не мог. Президент Масире говорит о «выдвижении талантов», имея в виду, что он и Серетсе Кхама искали среди молодежи людей высокого полета и при продвижении отдавали предпочтение именно молодым, а не тем, кто имел больший опыт, но меньшие способности.

Было принято также сознательное решение держать на самом верху как можно меньше политических назначенцев и опираться на профессиональный государственный аппарат.

Государственный аппарат временами действовал настолько эффективно, что... как жаловались члены парламента и даже министры, он становился слишком могущественным и узурпировал права политиков. И в нем было сравнительно мало коррупции. В конце 1970-х годов произошел знаменитый случай, когда кузена Серетсе Кхамы, который был еще президентом, сделали заместителем министра сельского хозяйства. Люди, в том числе и я сам, не могли понять, почему его не сделали первым заместителем министра. А потом полиция как-то арестовала его за злоупотребление государственной собственностью (если я верно помню, он использовал принадлежащие государству трактора в своем имении). Его посадили в тюрьму и уволили со службы. По мировым стандартам его прегрешение было довольно скромным, но они очень серьезно относились к такого рода вещам.

Мой коллега... сказал мне в 1975 году, когда я впервые приехал работать в Ботсвану, что «это единственная страна в мире, где двадцать самых способных людей занимают двадцать самых ответственных постов, [и все — в государственном секторе]»³¹.

Чили также знаменита качеством своей государственной бюрократии, о чем свидетельствует 20-е место в Индексе восприятия коррупции. Вторая наименее коррумпированная страна Латинской Америки, Коста-Рика, получила номер 41. (Как раз когда писался этот текст, двум недавним президентам Коста-Рики было предъяв-

лено обвинение в коррупции, а в отношении третьего ведется расследование³².) Недавно я спросил Дэвида Ходжмана, действительно ли государственная бюрократия сыграла положительную роль в развитии Чили (он вырос в этой стране и написал о ней статью для проекта «Культура имеет значение»). Его ответ: «Да, это так... И здесь не чисто теоретические соображения. В последние недели мы либо сами сталкивались [с такими случаями], либо получали сведения из надежных источников: люди довольны общением с чиновниками в недавно открытой поликлинике, в налоговом управлении, в коммунальных службах, в полиции аэропорта и т.п.»³³. Как отмечено выше, национальная полиция Чили, *carabineros*, давно имеет превосходную репутацию, что выгодно отличает ее от полицейских служб других латиноамериканских стран — об их репутации можно судить по заголовку статьи в *New York Times* (от 4 августа 2004 года): «Коррупция в полиции ложится пятном на репутацию Аргентины и ее президента».

Похожая ситуация наблюдается в конфуцианских странах, что согласуется с конфуцианским пониманием престижа: на самом верху иерархической лестницы находятся носители власти. В таких обществах бюрократический аппарат пользуется большим уважением, чем во многих других странах. Причина отчасти состоит в могуществе конфуцианской бюрократии, но нельзя забывать и о том, что здесь продвигают вверх по достоинству и заслугам. Самый характерный пример — решение сингапурского правительства повысить жалованье правительственным служащим, чтобы оно не уступало жалованью служащих в частном секторе; решение было встречено раздраженным ворчанием общественности, из налогов которой выплачиваются эти высокие оклады. (Но заметьте: в 2004 году Сингапур занял 5-е место в Индексе восприятия коррупции.) При этом сингапурское экономическое «чудо» отчасти обязано высокому качеству отечественной бюрократии, и то же самое может быть сказано о поразительном успехе Японии и Южной Кореи. В конфуцианских странах, как и в Швеции, государственная бюрократия цементирует национальную общину.

8 Успех и неудача

Для ознакомления с разными закономерностями успеха и неудачи в настоящей главе рассмотрены восемь проектов, которые были осуществлены преимущественно в Латинской Америке и которые могли бы привести к изменениям культуры. В одних случаях главной целью выдвигалось изменение культуры; речь идет о следующих проектах: (1) проект Перуанского института развития человека (испанская аббревиатура INDEHU); (2) программы Национального центра стратегической информации (Вашингтон) по продвижению культуры законопослушания в ряде стран; (3) проект расширения гражданской активности в Боливии; (4) кампания по борьбе за пунктуальность в Эквадоре.

В других четырех проектах изменение культуры могло стать побочным результатом. Это (1) программы правительства США по укреплению демократических институтов в Латинской Америке; (2) новаторские инвестиции мэрии Боготы (Колумбия), нацеленные на нужды бедных людей; (3) продвижение филантропии в Латинской Америке; и (4) заграничная деятельность американских (и не только) школ и университетов.

Завершает главу оценка воздействия на культуру шести традиционных форм помощи развитию.

Изменение культуры как главная цель Перуанский институт развития человека

Октавио Мавила с 1960-х по 1990-е годы был дистрибутором продукции Honda в Перу. Будучи в молодости чемпионом в мотоциклетных гонках, он быстро оценил потенциальный рыночный спрос на недорогие и надежные мотоциклы в Перу, что и привело его к сотрудничеству с Honda. За эти годы Мавила несколько раз побывал в Японии и пришел к выводу, что единственная существенная разница между двумя этими странами состоит в том, что японских детей учат прогрессивным ценностям, а перуанских — нет. «За тридцать два года работы с японцами я оценил мудрость ООН, которая исходит из того, что только личность может быть настоящим

двигателем развития. В Японии нет ничего, кроме воды и японцев. А у нас в Перу настоящее изобилие природных ресурсов. Япония посвятила себя развитию своих людей. А Перу дурачит себя идеей, что она богата природными ресурсами»¹.

В 1990 году Мавила создал в Лиме институт INDEHU для распространения десяти заповедей развития. В их основе лежат ценности, сделавшие Японию богатой и сильной страной: порядок, чистота, пунктуальность, ответственность, достижение, честность, уважение к правам других, уважение к закону, трудовая этика и бережливость. Проект имел целью к 2000 году научить десяти этим заповедям половину населения Перу.

Мавила приобрел международную известность в декабре 1996 года, когда левые революционеры взяли его в заложники вместе с другими гостями японского посольства в столице Перу, Лиме. В этом положении он неустанно проповедовал революционерам свои десять заповедей развития и в числе первых был отпущен ими на свободу.

У института INDEHU были две целевые группы: молодежь Перу и лидеры делового мира. В 1990-х годах более двух миллионов перуанских студентов участвовали в организованных институтом курсах, на что ушли буквально все ресурсы организации. Что касается бизнесменов, улучшение условий труда и обучение наемных работников десяти заповедям развития должны были, как надеялся Мавила, привести к повышению производительности труда, зарплатной платы и творческой активности на охваченных проектом предприятиях.

Мавила заручился поддержкой трех частных университетов, администрации президента Альберто Фуджимори и вооруженных сил страны. Но участие правительства в программе INDEHU оказалось довольно формальным. Финансирование проекта зависело большей частью от поддержки частных предприятий, а эта поддержка резко уменьшилась в результате экономического кризиса 1998 года. Поскольку нацеленность INDEHU на изменение культуры вызвало противоречивое отношение сообщества специалистов по развитию, Мавила не смог получить финансовую поддержку из внешних источников.

Десять заповедей развития проповедовались и за пределами Перу. Умберто Белли, министр образования в двух никарагуанских правительствах, рассматривал их как ядро своей программы реформы образования. Рамон де ла Пена, ректор престижного Мон-

террейского технологического института в Мексике, пообещал использовать десять заповедей в своем университете. Программа INDEHU была принята и в Колумбии.

В конце 2004 года проект «Культура имеет значение» заказал перуанскому социологу Марии Росио Ромеро дать оценку проекта INDEHU². Она обнаружила, что, по существу, проект мирно скончался. Условия сотрудничества Мавилы с корпорацией Honda ужесточились, и в течение нескольких лет он испытывал серьезные финансовые трудности. По ее мнению, помимо финансовых трудностей, было еще несколько обстоятельств, способствовавших сворачиванию проекта INDEHU:

- INDEHU поставил перед собой нереализуемые цели.
- С годами INDEHU стал восприниматься как консервативный и авторитарный проект, чему способствовали, во-первых, ориентация Мавилы на деловые круги и его позиционирование себя как человека, всего достигшего собственными силами, а во-вторых, тот факт, что во главе проекта он поставил двух отставных адмиралов, которые «направляли» программу, но не были ее лидерами.
- Мавила не сумел установить связи с левыми кругами и организациями. (Вообще говоря, левые в любом случае отвергли бы его программу, так как они предпочитают сваливать вину за экономическую неразвитость Перу на внешние силы, прежде всего на Соединенные Штаты.)
- У Мавилы не было адекватного понимания сложных культурных реалий Перу с его значительным туземным населением и чрезвычайно стратифицированным обществом. Исследования для выявления (1) существующих ценностей и установок и (2) препятствий, стоящих перед проектом изменения культуры, не проводились.
- Хотя в программах INDEHU участвовали отдельные священники, усилия для вовлечения в проект организаций католической или протестантской церкви не предпринимались.
- Проекту INDEHU чрезвычайно повредило то, что он разворачивался на фоне коррупционных скандалов, сотрясавших правительство президента Фуджимори и его преемника президента Толедо.

К выводам д-ра Ромеро я добавил бы важнейший, пожалуй, урок: *никакой отдельный инструмент вроде программы INDEHU сам по себе не в состоянии изменить направление развития культуры.*

Необходима всесторонняя, скоординированная программа, которая охватывала бы воспитание детей, религию и религиозную реформу, образование и реформу образования, медиа, активистов гражданского общества и, прежде всего, сильное политическое руководство, приверженное идеалам демократии и капитализма.

Не следует думать, что проект INDEHU не достиг никаких положительных результатов. Нынешний перуанский министр образования продвигает схожие программы, да и в других странах Латинской Америки у этого подхода есть сторонники. Наибольших успехов проект добился на частном перуанском предприятии — корпорации Furukawa, созданной иммигрантом из Японии. Ромеро приводит запись беседы с бывшим штатным сотрудником института INDEHU:

На предприятии Furukawa мы начали с решения семейных проблем: контроль рождаемости, родительская ответственность, отношения между родителями и детьми... Потом пошло обучение десяти заповедям развития, и это длилось четырнадцать месяцев. Потом мы создали «кружки качества» и занялись организацией рабочего места... В результате рабочие научились высказывать свои идеи, проявлять творческий подход³.

Ромеро отмечает, что программа INDEHU просуществовала в корпорации Furukawa в течение десяти лет. Но о других подобных случаях она не слышала.

Кампании по борьбе с коррупцией

Созданный в США в 1962 году Национальный центр стратегической информации (NSIC) нацелен на изменение культуры и развитие уважения к закону. NSIC осуществляет проекты по развитию культуры законопослушания в Мексике, Колумбии, Сальвадоре, Перу, Ливане и Грузии. Эти проекты развивают успешный опыт программ, осуществленных в 1980-х и 1990-х годах в Сицилии и Гонконге, где удалось мобилизовать общество на поддержку усилий по борьбе с коррупцией и преступностью.

Рой Годсон, политолог Джорджаунского университета, возглавляющий NSIC, рассказал о роли гражданского общества в борьбе с преступностью на симпозиуме в Палермо, Сицилия, в декабре 2000 года:

Правоохранительные органы и регулятивные системы действуют намного эффективнее, когда могут опереться на поддержку общества — на культуру законопослушания. Нарушители правил обнаруживают, что вступили в конфликт не только с правоохранительными органами, но и с разными секторами общества. Поддержка и участие общества могут быть направлены и на искоренение и предотвращение криминальной и коррупционной деятельности без дополнительных расходов на содержание правоохранительных органов и мест лишения свободы. Такое участие также уменьшает риск того, что чрезмерная активность правительства и правоохранительных органов приведет к ограничению личных свобод и стеснению творческих инициатив в сфере экономической, политической и общественной жизни. Иными словами, как справедливо заметил мэр Палермо, правоохранительная деятельность — это лишь одно колесо двухколесной повозки⁴.

То, что говорит далее Годсон, полностью совпадает с моим выводом о проекте INDEHU:

Различные секторы общества и их институты оказывают влияние на народную культуру и участвуют в укреплении культуры законопослушания. Необходимо обеспечить поддержку каждого из них. Но рассчитывать на существенные изменения культуры можно лишь при условии, что они будут действовать согласованно и поддерживая друг друга⁵.

Далее он называет три ключевых канала мобилизации общественной поддержки:

1. Школьное и внешшкольное образование, включая «обязательные и необязательные образовательные программы в школах, профессиональных ассоциациях, профсоюзах и на рабочих местах, а также в религиозных организациях»⁶.
2. Центры нравственного влияния, включая религиозных и светских лидеров и соответствующие организации. Годсон рассказывает о мужественном выступлении против

мафии кардинала Сальваторе Паппалардо на Сицилии в 1982 году. До того момента церковь в публичных выступлениях не признавала существования мафии. Он также хвалит позицию мэра Палермо Леолуки Орландо, который возглавил борьбу за изменение сицилийской культуры.

3. Средства массовой информации и народная культура. «В современном обществе медиа — это влиятельный институт, который в состоянии разоблачать преступность и коррупцию и укреплять культуру законопослушания»⁷. Годсон отмечает роль крупной сицилийской ежедневной газеты *Giornali Di Sicilia*, которая поощряет детей писать в редакцию письма о положении с законом в их поселках. «Фильмы, популярная музыка, телевидение, реклама, — добавляет он, — не только отражают, но и формируют поведение»⁸.

Об эффективности этих программ можно судить по итогам проекта NSIC, которые были подведены в Баха-Калифорнии (Мексика): «В Мехико растет признание того, что деятельность правоохранительных органов следует дополнить укреплением культуры законоисполнения и уважения к закону. Исполнительная власть и влиятельные лидеры политических партий... солидарны в том, что формальные демократические структуры должны быть поддержаны изменением культуры. В планах системы национального образования предусмотрено, что с 2006 года в программах школ всех крупных городов будет введен курс законопослушания»⁹.

В 2003–2004 годах состоялось еще одно подведение итогов программы в мексиканском штате Синалоа. После интенсивного годового (60 часов) курса «Культура законопослушания» учащиеся продемонстрировали существенное улучшение понимания роли законов и изменили к лучшему свое отношение к их соблюдению. Они также продемонстрировали уменьшение фаталистических настроений, повышение интереса к соблюдению закона и более четкое понимание того, что их собственные действия могут оказать влияние на их жизнь.

Повышение гражданской активности в Боливии

Политолог Митчелл Селигсон из Университета Вандербильта был привлечен к участию в проекте по повышению гражданской активности и увеличению социального капитала в Боливии. Проект

осуществляется с 2002 года при финансовой поддержке Агентства США по международному развитию. Средства были предоставлены для улучшения качества услуг, предоставляемых местными властями, и для повышения гражданской активности населения. Были собраны данные об отношении граждан к демократии и ассоциациям в разных населенных пунктах, население которых либо проявляло гражданскую активность, либо нет. «Боливийцы, живущие в регионах, где осуществляется проект, продемонстрировали более высокий уровень гражданской активности, чем в остальных частях страны. Рост составил 27% даже с учетом контрольных переменных (уровень урбанизации, дохода и образования). Что означают эти результаты? Если привлечь данные по другим латиноамериканским странам, получается: участие в проекте дает максимально зарегистрированное повышение уровня гражданской активности, что зафиксировано в базе данных проекта по изучению общественного мнения в Латинской Америке, осуществляемого Университетом Вандербилта»¹⁰. Хотя полученные данные обнадеживают Селигсона, говорить о наличии устойчивых результатов пока еще рано.

В конце 1960-х годов Селигсон служил волонтером в Корпусе мира в Кото-Брус, отдаленном регионе Коста-Рики. Он участвовал в проекте, финансирувшемся Агентством по международному развитию. В рамках проекта поселки и деревни обеспечивались услугами передвижных амбулаторий, если население проявляло минимальную организованность, необходимую для получения медицинской помощи (требовалась небольшая оплата) и использования ресурсов, выделенных на развитие поселений. Затем условия изменили, предложив пациентам самим являться в региональную столицу, а не дожидаться в своей глупи, пока приедут медики. Результаты показали, что проект увенчался успехом: население выразило бурный протест против нововведения. Столкнувшись с такой реакцией, министр здравоохранения отменил свое решение, и объезды населенных пунктов врачами возобновились.

Как отмечает Селигсон, этот массовый протест имел место в стране с давними традициями ответственности местных властей, что нетипично для Латинской Америки. Но он делает следующий вывод: «Социальный капитал не является данностью, какой-то унаследованной характеристикой населения, которую нельзя изменить. Можно разработать программы увеличения или уменьшения социального капитала (вспомните о воздействии сталинского террора на социальный капитал). Однако большинство программ развития

обращены исключительно на зависимые переменные экономического роста и игнорируют тот факт, что рост социального капитала может быть важной дополнительной или даже основной целью»¹¹.

Борьба за пунктуальность в Эквадоре

За период с 1964 по 1981 год я тринадцать лет жил и работал в пяти странах Латинской Америки (точнее говоря, в четырех латиноамериканских странах и в Гаити, стране афроамериканской). Когда я договаривался с гражданами этих стран о встрече, меня часто спрашивали, на какое время ориентироваться: *hora gringa* или *hora local* (т.е. по-американски или на местный манер). Во втором случае можно было быть уверенным, что человек явится минимум с получасовым опозданием.

Напомню читателю, что типология проекта «Культура имеет значение» включает житейские добродетели: хорошо сделанная работа, опрятность, вежливость, пунктуальность. Латиноамериканская традиция пренебрежения пунктуальностью отчасти свидетельствует о бурном индивидуализме иберийской культуры, который отмечали Фернандо Диас-Плаха и Хосе Ортега-и-Гассет. В своем бестселлере «El Español y los Siete Pecados Capitales» («Испанец и семь смертных грехов») Диас-Плаха говорит о «сверхиндивидуализме» испанцев¹². Ортега-и-Гассет использует слово «партикуляризм» — «состояние ума, когда человек убежден, что не обязан обращать внимания на других... Если принимаешь других в учет, по крайней мере понимаешь то состояние взаимной зависимости и сотрудничества, в котором мы живем»¹³. Спешу добавить, что в результате преобразования испанской культуры в последние десятилетия эта характеристика сильно скучожилась, как свидетельствуют данные Мировой службы ценностей. Но Испания до сих пор сражается с концепцией времени, согласно которой «часы идут, а не бегут»¹⁴.

В конце 2003 года эквадорская организация гражданской инициативы *Participación Ciudadana*, одна из нескольких в Латинской Америке, созданных при поддержке государственных и частных организаций Соединенных Штатов, начала в Эквадоре кампанию борьбы за пунктуальность. Читатель может вспомнить, что журнал *The Economist*, рассказывая об этой кампании, отметил: «Пунктуальность не является сильной стороной Латинской Америки». И добавил при этом, что «даже президент Лусио Гутьеррес [отстраненный от должности в апреле 2005 года] явился на прием... в последнюю минуту»¹⁵.

Опоздания обходятся очень недешево. По оценкам организации *Participación Ciudadana*, Эквадор из-за опозданий ежегодно теряет 724 млн долларов, или, по оценкам журнала *The Economist*, более 4% ВВП. Другое исследование, на которое ссылается журнал *New Yorker*, оценивает годовые потери в 2,5 млрд долларов¹⁶. «Хуже всех ведет себя правительство, — утверждает *The Economist*. — В двух случаях из трех встречи, о которых вы договорились с Министерством образования... начинаются с опозданием». С этим согласен автор статьи в журнале *New Yorker*: «Богатые и влиятельные используют опоздания для самоутверждения, чтобы показать, насколько ценно их время. В Эквадоре знамениты своей необязательностью военные и правительственные чиновники, а бизнесмены опаздывают намного чаще, чем рабочие... в стране, где все всегда опаздывают, разумно появляться с опозданием... Одно опоздание влечет за собой другое, и возникает порочный цикл „не сейчас, не сейчас“»¹⁷.

Чрезвычайно существенно для этой книги замечание Суровицки: «По-настоящему эквадорцам нужно избавиться от идеи, что культура — это судьба, что опаздывать и есть то самое, для чего они рождены. В предыдущие двадцать лет много внимания было уделено экономическому значению культурных особенностей, например роли доверия и уклонения от риска в судорожных попытках бывших членов советского блока приспособиться к капитализму. Мы обнаружили, что культура имеет большее значение, чем хотелось бы многим держателям облигаций. Но она не неизменна»¹⁸.

Принесет ли плоды кампания борьбы за пунктуальность? В октябре 2004 года я задал этот вопрос Освальдо Хуртадо, который в 1981–1984 годах был президентом Эквадора. Хуртадо принадлежит к числу тех латиноамериканцев, которые верят, что культура имеет значение. Вот как он ответил:

В Кито кампания за пунктуальность... постепенно выдохлась, что часто бывает с изолированными инициативами, за которыми не следует наступление по всему фронту.

У меня сложилось впечатление, что, если даже эта кампания не даст ощутимых результатов, чего-то она все равно достигла, так как выяснила ту помеху на пути прогресса, о существовании которой многие эквадорцы даже не подозревали.

Аналогичная кампания имела больший успех в Амбато — очень работающем андском городе, где живут три из

десяти самых богатых плательщиков подоходного налога, притом что его население составляет лишь десятую часть населения Кито или Гуаякиля. В кампании приняли участие несколько частных и общественных организаций, и она всколыхнула мистику Амбато, где часто напоминают: *la hora ambateña* (по часам города Амбато)... В Амбато все публичные мероприятия начинаются без опозданий¹⁹.

Изменение культуры как побочный продукт Программы демократизации Агентства по международному развитию (USAID)

Подобно другим организациям, созданным для помощи в развитии, Агентство США по международному развитию поддерживало программы демократизации в странах третьего мира и в бывших коммунистических странах Восточной Европы и Азии. Помощь нередко приходит через соответствующие службы Демократической и Республиканской партий (что вызвало немало споров в ходе выборов на Украине в конце 2004 года). Предполагается, что программы помощи должны утверждать ценности, обеспечивающие функционирование демократии, в том числе доверие, сотрудничество и уважение к закону. Но, как показывает опыт, есть возможность укрепить эти ценности до или по крайней мере одновременно с укреплением институтов демократии.

В 2003 году Управление государственной ответственности (GAO; современное название Главного бюджетно-контрольного управления) завершило проверку программ USAID в поддержку демократии в шести латиноамериканских странах. (GAO — это независимая, беспартийная контрольная организация, которая наблюдает за деятельностью органов федерального правительства и предоставляет соответствующие материалы Конгрессу.) Шесть стран — это, с севера на юг, Гватемала, Сальвадор, Никарагуа, Колумбия, Перу и Боливия. За 1992–2002 годы USAID израсходовала 580 млн долларов на укрепление «законности, прозрачности и ответственности правительственных учреждений, уважения к правам человека, а также на проведение свободных и честных выборов»²⁰ в этих странах.

В докладе GAO отмечен некоторый прогресс в этих шести странах, но при этом сделан вывод, что «помощь в укреплении демократии может оказаться трудной и долговременной задачей,

требующей устойчивой политической поддержки лидеров ключевых демократических стран. Если политическая поддержка шаткая, с трудом достигнутые достижения могут быть быстро утрачены»²¹.

За выводом GAO кроется мысль Алексиса де Токвиля: *трудно (а извне, пожалуй, и невозможно) построить демократию без критической массы демократов.* Разочаровывающим свидетельством слабости демократических начал в Латинской Америке является, как мы уже отмечали, проведенный недавно ООН опрос 19 000 человек в восемнадцати странах. Обнаружилось, что «большинство предпочло бы избранному президенту диктатора, если бы тот обеспечил экономические блага»²². Высказывание де Токвиля явно имеет отношение и к другим частям мира, включая Ирак и Афганистан.

В начале 1990-х годов я в качестве консультанта помогал миссиям USAID на Гаити и в Никарагуа разрабатывать программы поддержки демократизации. Обе программы включали техническую помощь, обучение персонала и оснащение офисов судебных и законодательных органов, а также организаций, отвечающих за проведение выборов. Обе программы включали также гражданское воспитание. Выборы, на мой взгляд, — это самая легкая и простая сторона демократизации. Внешние организации, обладающие достаточным количеством денег и людей, в состоянии обеспечить, чтобы люди проголосовали, а их голоса были честно подсчитаны. Так все и происходило на выборах в Гаити в декабре 1990 года, на которых победил Жан-Берtrand Аристид. Но намного труднее добиться того, чтобы общество следовало нормам демократии после выборов, особенно если в нем нет согласия и склонности к этому. Возьмем ту же самую Гаити. Уже в сентябре 1991 года военные отстранили Аристида от власти, и только в 1994-м американские вооруженные силы вернули его в президентский дворец. Аристид подобрал себе преемника, Рене Превала, которого избрали президентом в 1995 году, а в 2001-м его сменил на этом посту опять-таки Аристид. Но к тому времени уже стало очевидным, что он не демократ. Когда в 2004 году его силой отстранили от власти, Гаити вошла в очередной цикл своей печальной истории.

Из шести стран, эффективность демократизации которых оценило Управление государственной ответственности, только Сальвадор существенно продвинулся по пути укрепления демократии. Политический прогресс, видимо, связан здесь с относительным

материальным благополучием, главным источником которого являются более 2 млрд долларов: сальвадорцы, перебравшиеся в Соединенные Штаты, ежегодно переводят деньги своим родным: эта крупнейшая статья доходов и поступления иностранной валюты — еще один пример того, что изменение культуры и укрепление демократии могут быть результатом повышения благосостояния. (Эти переводы приносят в страну ежегодно 350 долларов на душу населения.)

Половину населения Гватемалы составляют индейцы, многие из которых плохо владеют испанским; общество страны остается глубоко расколотым, страдающим от высокого уровня преступности и насилия. Нынешний президент Никарагуа Энрике Боланос обвинил своего предшественника, Арнольдо Алемана, в коррупции: тот украл из казны около 100 млн долларов, и в марте 2004 года суд признал его виновным. Но некоторые лидеры оппозиционной Сандинистской партии и никарагуанский кардинал Мигель Обандо-и-Браво выступили в защиту Алемана, так что крестовый поход Боланоса только расколол его политическую базу.

Колумбия уже несколько десятилетий страдает от гражданской войны, ведущейся на деньги наркоторговцев. Нынешний президент Альваро Урибе, консерватор, добивается изменения конституции, которое позволило бы ему еще раз стать президентом. В Перу администрация президента Александра Толедо страдает от коррупционных скандалов, некомпетентности и крайне низкого рейтинга популярности, а вдобавок ко всему опять подняло голову марксистское революционное движение «Сверкающий путь» («Sendero Luminoso»). В Боливии в октябре 2003 года избранный президент Гонсало Санчес де Лозада был отстранен от власти под давлением уличных демонстраций. В июне 2005-го сильное популистское движение добилось ухода в отставку его преемника, президента Карлоса Месы. В стране продолжаются беспорядки.

Соединенные Штаты не в первый раз берутся за укрепление демократии в Латинской Америке. Поддержка демократии была главным компонентом созданного Джоном Кеннеди «Союза во имя прогресса», который целых десять лет пытался защитить Латинскую Америку от революций, подобных кубинской. Это было почти полвека назад. А еще за полвека до этого Соединенные Штаты пытались утвердить демократические институты в Доминиканской Республике, Гаити, Никарагуа и на Кубе. Трудно усвоить идею, что культура имеет значение.

Богота: преобретенный город

В апреле 2004-го Энрике Пеналоса, бывший в 1998–2000 годах мэром Боготы, столицы Колумбии, сделал в Школе Флетчера доклад о новом, по крайней мере для Латинской Америки, подходе к городской инвестиционной политике: высшим приоритетом в Боготе стали потребности и ожидания бедной части населения. В течение трех лет пребывания на посту мэра Пеналоса строил в бедных районах города библиотеки, тротуары, дорожки для велосипедов и парки для детей. Он организовал современную и эффективную систему автобусного транспорта. Впоследствии я общался с Пеналосой и предположил, что его подход мог оказывать влияние и на культуру: ведь теперь люди, которые никогда не получали существенной пользы от правительственные программ, стали их главной целью. И логично думать, что это могло породить более оптимистичное отношение к жизни, большее доверие к правительству, чувство силы и способности влиять на собственную судьбу.

Спустя несколько месяцев я попросил Мигеля Басанеза (долгое время он оставался лидером в измерении ценностей и изменений ценностей в Латинской Америке и написал для проекта «Культура имеет значение» статью о Мексике) посетить Боготу и оценить воздействие программы преобразований. Басанез согласился проделать эту работу, но с изрядным скептицизмом: «Когда мне было тринадцать, отец взял меня посмотреть на президента Мексики, который приехал в наш город. Тогда я впервые услышал слова: „Теперь все изменится самым решительным образом: те, кто правили прежде, не знали, как и что надо делать“. На меня это произвело сильное впечатление. Но за последующие тридцать четыре года это впечатление рассеялось, потому что потом я слышал о „глубоких изменениях“ от многих правительств, но ничего не происходило. Естественно, что я скептически отношусь к программе Пеналосы»²³.

Но Басанез был поражен внешним видом столицы, в которой не был уже семнадцать лет. «Богота превратилась в современный нарядный город с небоскребами, широкими улицами и тротуарами, очень чистый, и никаких объявлений на стенах. Люди даже пользовались пешеходными переходами»²⁴. Но еще больше его поразило единодушное мнение примерно сорока горожан из разных слоев общества, которые подтвердили, что город и культура его жителей действительно преобразились. «Они рассказывали о новой культуре уважения к жизни, к закону и другим людям»²⁵. Пеналоса действительно сделал большой вклад в преображение города, но то

же самое следует сказать и об Антанасе Мокусе: он был мэром Боготы в 1995–1997 и в 2001–2003 годах; его лозунг — «Закон! Нравственность! Культура!». Мокус и Пеналоса, не зависящие от традиционных политических партий, вместе правили городом на протяжении девяти лет. «Их поклонники говорят, что Мокус задумал изменения, а Пеналоса осуществил»²⁶.

Поражает число и разнообразие проведенных ими мероприятий:

1. Эффективная кампания по борьбе с коррупцией в полиции.
2. Эффективная кампания по борьбе с насильственными преступлениями: с 1993 по 2003 год количество убийств уменьшилось с 81 до 31 на 100 000 населения.
3. Широкая реформа городского бюджета.
4. Эффективная кампания по улучшению собираемости налогов на имущество.
5. Создание современной эффективной системы общественного транспорта.
6. Масштабное строительство тротуаров и дорожек для велосипедистов (по оценке Пеналосы, около 300 000 жителей Боготы используют велосипеды).
7. Обширная программа развития городского здравоохранения.
8. Строительство трех больших библиотек и двенадцати поменьше, причем все они — «в англосаксонском стиле, т.е. с доступом к книгохранилищам»²⁷. (В латиноамериканских библиотеках читатели не имеют прямого доступа к книгам, что отражает общую культуру недоверия.)
9. Привлечение самых престижных частных средних школ к управлению городскими средними школами.
10. Автомобилисты вынуждены теперь соблюдать правила парковки машин.
11. Владельцы автомобилей обязаны два дня в неделю в часы пик воздерживаться от поездок в своих автомобилях.
12. Парки и спортивные сооружения приведены в порядок.
13. Фейерверки запрещены. (В Латинской Америке любят устраивать фейерверки в честь дней рождения, свадеб, религиозных и прочих праздников, причем нередко это ведет к несчастным случаям, в том числе и со смертельным исходом.)
14. Рестораны и дискотеки обязаны закрываться к часу ночи.

До 1988 года мэра Боготы назначал президент Колумбии, чем в значительной мере и объяснялось жалкое состояние города: мэру приходилось бороться за бюджетные средства с членами кабинета министров.

К концу поездки скептически настроенный Басанез убедился в том, что глубокие изменения возможны. В заключение своего доклада он пишет: «Вышеприведенный список дает нам представление о том, что деятельность городского правительства может произвести поразительное кумулятивное воздействие на граждан, не привыкших сталкиваться с ответственным правительством... Опыт Боготы демонстрирует: городское правительство может не только оказывать влияние на настроение и установки горожан, но и затрагивать более глубокие ценности. Речь не о том, чтобы выявить неизвестные прежде ценности. Просто создана обстановка, в которой эти ценности делаются ощущимыми и функциональными. Прежде они были глубоко скрыты. И действительно, глупо было бы проявлять их в том культурном окружении, которое существовало прежде, когда „жулики жирели за счет дураков“»²⁸.

Поощрение филантропии

Толковый словарь английского языка издательства Random House определяет филантропию как «альtruистическую заботу о благосостоянии и развитии людей, обычно проявляющуюся в предоставлении денег, собственности или работы нуждающимся лицам, в жертвовании на учебные и лечебные заведения и в щедрости по отношению к другим полезным задачам». «Благотворительность», напротив, определяется как «великодушные действия или даяния в помощь бедным, больным или беспомощным». Таким образом, филантропия предполагает вклад в общественный прогресс, тогда как благотворительность — это удовлетворение насущных нужд. Различие отражено в популярной метафоре: можно дать голодному рыбью (благотворительность), а можно дать ему удочку и научить его самого ловить рыбью (филантропия).

Что движет филантропами? Я вижу пять возможных мотивов. Акт филантропии может быть результатом сильного отождествления себя с обществом и заботы о его благополучии и развитии. Филантроп может испытывать чувство вины за свое богатство и надеяться искупить ее с помощью филантропической деятельности. Филантропом может двигать желание публично продемонстрировать свое богатство или великолдушие, чтобы порадовать свое «я».

Филантропия или благотворительность могут быть результатом ве-
ры в то, что таким образом зарабатывается блаженство в загробной
жизни. Даяние может быть требованием религии, как в случае с де-
сятиной у мормонов.

Очевидно, что в одних культурах тяга к филантропии боль-
ше, чем в других. Соединенные Штаты всегда славились этой тради-
ции, символом которой служил Эндрю Карнеги: он, совершенно
в духе кальвинизма, верил, что «умереть богатым — значит умереть
опозоренным»²⁹. Сэмюэль Земюррэй из компании United Fruit, об
обширной филантропической деятельности которого мы упомяну-
ли в предыдущей главе, явно относился к этому точно так же (хотя
и он, подобно Карнеги, умер далеко не бедным человеком). Соглас-
но журналу The Economist, «в щедрости американцы опережают
большинство других стран, особенно если считать в деньгах и вклю-
чить пожертвования религиозным организациям»³⁰.

За филантропией может стоять общая забота о благополу-
чии своего общества или даже человечества в целом. Но разве не то
же самое движет обществом, которое ради общего благосостояния
облагает себя высокими налогами? Я имею в виду прежде всего
скандинавские страны с их обществом всеобщего благосостояния,
высоким уровнем доверия и взаимопомощи.

Как бы то ни было, в большинстве бедных стран филантро-
пии недостает ровно так же, как и доверия, поскольку высшие классы
там не заботятся о благополучии всех остальных. Высокая концен-
трация богатства, характерная для всех стран Латинской Америки,
в состоянии облегчить мобилизацию денег частного сектора на нуж-
ды образования, здравоохранения, улучшения жилищных условий,
развития малого бизнеса и для всех других долгосрочных проектов,
которые могли бы стать источником богатства, увеличить равенство
и укрепить демократические институты.

В феврале 1999 году Гарвардский университет организовал
семинар по филантропии в Латинской Америке. В подготовленном
докладе отмечено: «Традиция филантропии, как ее понимают в Се-
верной Америке, слабо развита в Латинской Америке. Латиноаме-
риканская филантропия обычно... „пассивна“ сводится к bla-
готворительности или патернализму. Филантропия здесь редко
ассоциируется со структурными или упорными усилиями, на-
правленными на уменьшение нищеты, или с организационными
формами гражданской ответственности корпораций... Латино-
американская историческая традиция вынестовала слабое, хруп-

кое и плохо организованное гражданское общество, хотя в результате демократизации здесь появляется больше возможностей для участия»³¹.

В семинаре участвовали представители нескольких стран Латинской Америки, занимающиеся развитием филантропии или укреплением гражданского общества. Поскольку с 1980-х годов в Латинской Америке процветает демократическая политика, по крайней мере в плане выборов, царящий в гражданском секторе вакуум привлек внимание неправительственных организаций, не имеющих опыта и зачастую опирающихся на поддержку международных организаций, которые оказывают помощь в развитии. Во многих латиноамериканских странах появились филантропические и содействующие филантропии организации; одни занимаются смягчением бедности, другие — укреплением роли граждан в политике, например, через распространение знаний о методах участия в выборах и через осуществление гражданского контроля над прозрачностью, ответственностью и коррупцией.

Семинар предложил следующие рекомендации:

- Привлекать средства массовой информации для распространения понимания смысла и направленности филантропической деятельности.
- Работать над совершенствованием законодательных стимулов филантропической деятельности.
- Укреплять связи с правительственными, деловыми и неправительственными организациями. (Можно вспомнить о проблемах, с которыми столкнулась INDEHU в Перу, не заручившись надежной поддержкой правительства и других организаций.) «Многие страны страдают от крайне низкого доверия к государственным институтам и... уклонения от налогов»³². (Напоминание о том, насколько важна честная и эффективная государственная бюрократия.)
- Содействовать расширению гражданской активности с помощью «политики, поощряющей культуру щедрости и гражданской активности. Существует единодушное мнение, что создание более благоприятных условий для филантропии требует значительных культурных и психологических изменений... Все сошлись на том, что начинать нужно смолоду»³³.

Американские и другие школы в зарубежных странах

Я уже упоминал, что моя первая работа за рубежом — в Коста-Рике — относится к 1964 году, когда я был служащим в миссии Агентства по международному развитию. Перед этим я четыре месяца изучал испанский в Институте дипломатической службы в Вашингтоне. Обучение давало превосходную основу, но с первого дня пребывания в Коста-Рике мне стало ясно, что язык мне еще учить и учить: даже купить салфетки в магазине в Сан-Хосе оказалось очень непростым делом. Поэтому я договорился со своим секретарем Анной Сайагуз: говорим только по-испански, и она исправляет мои ошибки.

Сама Анна говорила по-английски как настоящая американка: она получила образование в американской школе имени Авраама Линкольна в Коста-Рике; хотя среди учеников школы было много американцев, училось там и некоторое количество костариканцев. Мы много общались с ней на испанском, и я вскоре обнаружил, что с ней мне разговаривать легче, чем с другими костариканцами, включая даже тех, с кем я говорил по-английски. Дело в том, что в ее школе преподавали преимущественно американские учителя, а потому Анна научилась *думать* как американка: практически, pragmatically, решая проблемы.

Язык — это проводник культуры. Используемые нами слова, речевые структуры и расстановка акцентов отражают нашу систему ценностей, представлений и установок. Вспомните коста-риканского психиатра Луиса Диего Эрреру: по его наблюдению, в испанской культуре слабо развита идея ответственности, о чем свидетельствует отсутствие в испанском языке слова, адекватно передающего эту идею.

В то время, когда я впервые жил в Коста-Рике, там была немецкая начальная и средняя школа, носившая имя немецкого ученого Александра фон Гумбольдта; в ней учились преимущественно отпрыски немецких семей, осевших когда-то в этой стране. (В 1832 году Йорге Стипел отправил первую партию кофе из Коста-Рики в Германию.) В школе имени Гумбольдта учились и костариканцы, не имевшие немецких корней, и здесь они усваивали не только язык, но и немецкий способ воспринимать мир и действовать в нем.

Я убежден, что такие начальные и средние школы являются важным инструментом изменений культуры для учащихся тех стран, в которых эти школы работают. Мой коллега по Школе Флетчера Жорж Превелакис, написавший статью о Греции и православ-

ной церкви, закончил Афинский колледж в Греции. Он представляет собой основанную в 1925 году среднюю школу, где большинство предметов преподаются на английском и где очень сильно американское влияние. Как говорит Превелакис — и это признают окружающие, — выпускники Афинского колледжа отличаются от других греков взглядом на мир и прагматичным подходом к решению проблем.

В 1904 году в Салониках (Греция) была создана американская сельскохозяйственная школа. За прошедшие с тех пор сто лет ее окончили тысячи греков, получивших навыки работы в сельском хозяйстве. Сегодня в ней преподается ряд курсов университетского уровня. Это возвращает нас к Сэмюэлю Земюррэю, бывшему президенту компании United Fruit, который в 1941 году создал в Заморано в Гондурасе Высшую сельскохозяйственную школу. Сначала так называемая школа Заморано работала как сельскохозяйственное училище, где обучали практическим навыкам. Со временем она превратилась в сельскохозяйственный университет, один из лучших в Латинской Америке. Там учатся студенты не только из Гондураса и других стран Центральной Америки, но также из Южной Америки, Мексики и Доминиканской Республики. Среди тысяч выпускников много министров сельского хозяйства.

Центральноамериканский институт делового администрирования (испанская аббревиатура INCAE), имеющий отделения в Никарагуа и Коста-Рике, — это еще один пример высококачественного образовательного учреждения, способствующего прогрессивным изменениям культуры. INCAE был создан в 1963 году при существенной поддержке Гарвардской школы бизнеса; ее влияние ощущается до сих пор благодаря профессорам и выпускникам, преподающим в INCAE. Образование здесь также имеет выраженную практическую направленность.

Образовательные учреждения вроде школы Заморано и INCAE и высококачественные латиноамериканские университеты, такие как Монтеррейский технологический институт, отделения которого разбросаны по всей Мексике, и Католический университет в Каракасе (Венесуэла), играют ключевую роль в прогрессе Латинской Америки. Латиноамериканские университеты, особенно государственные, зачастую оказывают своим обществам плохую услугу, потому что многие их преподаватели, особенно гуманитарии, больше привержены распространению левой ортодоксии, нежели служению истине. Мне пришлось вспомнить об этом летом 2004 года

в Гарварде, где я вел семинар по культуре и развитию. Там присутствовали два студента из Мексики и Бразилии, которые ясно дали понять, что в их университетах до сих пор господствует теория зависимости. Отталкивание латиноамериканцев от рыночной экономики и даже от демократии — это во многом вина интеллектуалов, продолжающих держаться за давно отжившие социалистические утопии³⁴.

Ряд образовательных учреждений в Африке, многие из которых были созданы британскими миссионерами, также обеспечивают качественное образование и воспитывают в студентах прогрессивные ценности. Три из них расположены в Южной Африке: Институт Тайгер-Клуф (Тигровое ущелье), открытый Лондонским миссионерским обществом в 1904 году, Институт Лавдейл, основанный шотландскими пресвитерианцами в XIX веке, и Университет Форт-Харе, созданный Объединенной шотландской церковью в 1915 году. Президенты Ботсваны Серетсе Кхама и К. Масире учились в Тайгер-Клуф, а Кхама затем учился еще в Лавдейле и Форт-Харе. Среди знаменитых выпускников последнего можно отметить и Нельсона Манделу.

Университет Богазичи, главное высшее учебное заведение Стамбула, возник на основе Роберт-колледжа, основанного американским филантропом в 1861 году (это первый американский колледж за рубежом), и американского колледжа для девочек, который был создан в 1890 году и впоследствии слился с Роберт-колледжем. Университет Богазичи начал свою деятельность в 1971 году и сохранил философию и стиль Роберт-колледжа, включая преподавание исключительно на английском. Главным языком преподавания в Университете Билкент, основанном в Анкаре в 1984 году, тоже является английский; Билкент поддерживает связи с десятком американских и канадских университетов, а также с университетом в Тель-Авиве.

Американский университет в Бейруте был создан в 1866 году, а в Каире — в 1919-м. Это еще два примера превосходных учебных заведений, в которых студенты получают новое видение мира. Американские университеты действуют также в Армении, Болгарии, Киргизии и Объединенных Арабских Эмиратах.

Вышесказанное не нужно понимать как предложение расширять число «американских» образовательных учреждений в разных странах мира. По соображениям политики и безопасности подобная инициатива сегодня была бы несвоевременна. Но идея создания сети

высококачественных учебных заведений под эгидой ООН или Всемирного банка / МВФ, особенно в исламском мире и в Африке, выглядит привлекательной. Причем не только тем, что это открыло бы возможности для профессиональной подготовки молодых людей, которым предстоит вести свои общества в будущее; одновременно это позволило бы им познакомиться с ценностями, открывающими путь к демократии, процветанию и справедливости.

Превелакис считает подобную идею опасной: «Выпускники „иностранных“ школ вызывают в своих странах враждебное отношение и часто воспринимаются как своего рода янычары. Враждебность к таким группам пропорциональна их численности и влиянию. Попытка развернуть международную сеть школ или университетов может вызвать опасную реакцию. Возможно, лучше сохранить это явление в хаотическом виде, нежели пытаться придать ему подлинную организованность и систематичность»³⁵.

Но мне все-таки кажется, что, несмотря на все риски, такой подход был бы выгоден, и прежде всего в исламском мире и в Африке.

Шесть видов помощи в развитии, которые влияют на культуру

Джеймс У. Фокс — бывший экономист Агентства США по международному развитию; он работал в Коста-Рике одновременно с Сэлгсоном, а недавно выполнил ряд исследований для Всемирного банка. Сначала я попросил его поискать оценки того, как проекты развития влияют на культуру и ее изменения. Поскольку организации, оказывающие помощь в развитии, преимущественно игнорируют культуру, ничего полезного ему найти не удалось; вместо этого он сформулировал ряд обобщений относительно культурного воздействия шести видов международной помощи в развитии. А затем проанализировал опыт двух коста-риканских городов, использовав при этом результаты их обследования в 1950 и 1995 годах.

Шесть видов помощи в развитии:

1. *Сельское хозяйство.* Существует предположение, что «современные технологии способны продемонстрировать ценность знания для увеличения доходов и тем самым дискредитировать традиционные подходы и фатализм. Это вызовет рост инвестиций, увеличит внимание к знаниям и обучению и укрепит предпримчивость. Вслед за этим постепенно последуют другие ценности, благоприятные

для прогресса»³⁶. Похоже, что до известной степени все так и есть, только это не стало предметом систематического анализа.

2. *Образование*. «Роль грамотности в развитии личности — в установлении связей с мировой культурой и ценностями, в расширении горизонтов за пределы местных или племенных ценностей, — безусловно, огромна. Грамотность не обязательно ведет к усвоению культурных ценностей, „благоприятных для развития“, но определенно открывает путь к их усвоению. И в каждой культуре найдутся люди, которые пойдут этим путем»³⁷.

3. *Ограничение рождаемости*. «Сторонники ограничения рождаемости часто утверждают, что к успеху могут привести непосредственные усилия изменить культурные ценности, но убедительных свидетельств этого не существует. Эконометрические исследования связывают падение рождаемости с изменениями внешних условий, а не с культурой как таковой»³⁸. Тем не менее очевидно: распространение идеи, что размер семьи можно контролировать, явилось первым важным шагом в этом направлении.

4. *Положение женщин*. Для многих отстающих обществ, прежде всего для Индии и большинства мусульманских стран, характерно доминирование мужчин. Организации помощи в развитии в течение двадцати с лишним лет пытались достичь большего равенства полов, в особенности посредством системы женского образования. Но, отмечает Фокс, эти программы наталкивались примерно на такое же сопротивление, как попытки бороться с расовой сегрегацией в штатах Алабама и Миссисипи в 1950-х годах. Несомненный прогресс в положении женщин имеет место; где-то это происходит быстрее, где-то медленнее, но везде приходится преодолевать традиционные культурные стереотипы.

5. *Микрофинансирование*. Ставший легендарным Grameen Bank, созданный в Бангладеш Мохаммедом Юнусом для предоставления микрокредитов страдающим от нужды женщинам, породил множество клонов в Бангладеш и других странах. В подходе Юнуса присутствует сильный компонент культуртрегерства: каждый заемщик должен взять

обязательство по шестнадцати видам благоприятного для прогресса поведения. Большинство экспертов, изучавших микрофинансирование, согласны в том, что это инструмент изменения культуры, но «главный инструмент здесь — наличные, а не кассы взаимопомощи или обещание вести себя хорошо»³⁹.

6. *Демократия и государственное управление.* Организации, оказывающие помощь в развитии, выделяют немалые средства на развитие демократии. Результаты непонятны. В 2003 году Главное бюджетно-контрольное управление проверило выполнение программ укрепления демократии в Латинской Америке (см. выше); в составленном отчете эти программы подвергнуты серьезной критике и высказано сожаление по поводу «отсутствия базовых данных об установках и ценностях до начала осуществления этих программ»⁴⁰.

Что касается помощи развитию в двух коста-риканских городах, где произошли существенные изменения к лучшему в области здравоохранения, образования, материального положения и положения женщин, а также в области ценностей, в том числе такой, как терпимость, Фокс отмечает:

Влияние иностранной помощи не удается отделить от других факторов. Тем не менее кое-что представляется достаточно ясным. Увеличение урожайности кофе вчетверо явно связано со значительной помощью извне.

Совместные усилия правительства Коста-Рики, Всемирного банка, Межамериканского банка развития и Агентства США по международному развитию в строительстве сельских дорог, в совершенствовании здравоохранения, образования, электроснабжения, телефонной связи, водоснабжения и канализации оказывали несомненное влияние на общество, по крайней мере косвенное. В последние годы восстановление макроэкономической стабильности создало более благоприятные условия для деревень... Появление альтернативных источников занятости, таких как бейсбольный цех в Турриалбе, где работает дюжины женщин из обеих деревень, — это результат помощи, направленной на развитие экспорта и привлечение инвестиций⁴¹.

Фокс делает вывод, что будущие проекты оказания помощи развитию должны: (1) включать исходные данные по ценностям/представлениям, которые позволяют впоследствии измерить и оценить изменение культуры, и (2) использовать типологию проекта «Культура имеет значение», чтобы можно было понять, в каком направлении воздействует проект — активизирует движение к прогрессу или порождает сопротивление.

Рассмотренные в этой и двух предыдущих главах примеры содержат ценный материал для формулирования рекомендаций по прогрессивному изменению культуры, чему и посвящена заключительная глава.

9 Заключение: Рекомендации по прогрессивным изменениям культуры

Подавляющее большинство участников проекта «Культура имеет значение» согласны в том, что правительственные чиновники и организации помохи развитию, на которых лежит основная ответственность за руководство политикой и программами, нацеленными на увеличение свободы и благосостояния человечества, пре-небрегают культурным измерением человеческого прогресса. То же самое относится и к другим организациям — в особенности религиозным, образовательным и средствам массовой информации, — которые оказывают влияние на массовые ценности, представления и установки. Ни один из участников проекта «Культура имеет значение» не считает, что включение в политику и программы культурных факторов мгновенно скажется на ходе развития. Но большинство из нас верят, что включение культуры в набор факторов, формирующих развитие, придаст ускорение *темпу* движения к целям, заявленным в оновской Декларации прав человека.

Я хочу еще раз сформулировать основную посылку проекта «Культура имеет значение»: изменение культуры, так же как демократию и рыночную экономику, нельзя навязать извне, кроме как в условиях редких чрезвычайных потрясений, как, например, это произошло после безоговорочной капитуляции Японии в 1945 году. Прогресс оказывается устойчивым, только когда развитие идет изнутри. Вообще говоря, приведенные в данной книге истории успеха подтверждают большую роль открытости к идеологическим, политическим, технологическим и институциональным достижениям более развитых обществ. Но пока понимание необходимости изменений не достигнет критической отметки, внешнее давление неизбежно встретится с сопротивлением. Даниэль Латуш подчеркивает в своей статье о Квебеке: «Нельзя достичь преобразования культуры, пока нет массовой уверенности, что с культурой что-то „не в порядке“, и пока не проведено систематическое обсуждение того, как можно исправить ситуацию. Чтобы культура имела значение, для начала нужно осознать, что она нуждается в изменениях»¹.

⁹ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРОГРЕССИВНЫМ ИЗМЕНЕНИЯМ КУЛЬТУРЫ

Хорошим примером является Ирак. После выборов в январе 2005 года и после референдума по конституции в октябре 2005-го администрация Буша объявила, что в этой стране пройден еще один важный этап на пути к демократии и даже что демократия уже вполне упрочилась. Хочу напомнить читателю о сходных «преобразованиях», прошедших в Латинской Америке в присутствии американских войск (например, в Доминиканской Республике, на Гаити и в Никарагуа в первые десятилетия XX века и еще раз в Доминиканской Республике в 1966 году) или при значительном гражданском участии Соединенных Штатов (как на Гаити в 1990-м). Ни в одной из этих трех стран демократия так и не укрепилась по-настоящему. Гаити намного ближе к анархии, а не к демократии. И сегодня, в конце 2005 года, то же самое может быть сказано о ситуации в Ираке.

Я хочу воспроизвести здесь наблюдение из главы 7: изменение культуры и «развитие», как их начали понимать в последние полвека, тесно связаны между собой. Инициативы по изменению культуры обычно влекут за собой политическое, экономическое и социальное развитие и наоборот.

Я хочу также напомнить о ключевом результате, полученном при оценке эффективности проекта INDEHU (см. главу 8): никакой отдельный инструмент, вроде этого проекта, сам по себе не в состоянии изменить направление развития культуры. Необходима всесторонняя, скоординированная программа, которая охватывала бы воспитание детей, религию и религиозную реформу, образование и реформу образования, средства массовой информации, активистов гражданского общества и, прежде всего, сильное политическое руководство, приверженное идеалам демократии и капитализма. Понятно, что при этом должны быть учтены издержки и правильно расставлены приоритеты. Невозможно, например, одновременно оказать равную поддержку обучению на всех уровнях. Но в наших рекомендациях предложены блоки, из которых можно составлять такие программы.

I. Воспитание детей и образование

A. Борьба с неграмотностью

Неграмотность — это главное препятствие на пути прогрессивного изменения культуры. Неграмотность сковывает способность учиться и изменяться, способствует увековечению традиционной культуры. Больше всего прогресс отстает в обществах с высоким

уровнем неграмотности, т.е. в мусульманских странах и в Африке. В подавляющем большинстве таких стран грамотность среди женщин распространена гораздо меньше, чем среди мужчин. При этом с позиций изменений культуры нужно отметить, что в силу ключевой роли женщин в воспитании детей женская грамотность имеет намного большее значение, нежели мужская. Весьма показательно, что в Ботсване женщины имеют более высокий уровень грамотности, чем мужчины.

Тот аргумент, что низкий уровень грамотности является неизбежным следствием общей бедности, неубедителен. При всей своей относительной бедности Шотландия к концу XVIII века была самой грамотной страной в мире. Скандинавские страны также достигли высокого уровня грамотности в период, когда были еще сравнительно бедны. Япония сумела в значительной мере ликвидировать неграмотность к началу XX века, задолго до того, как ее стали по праву называть богатой страной. В Чили и мужчины и женщины уже в XIX веке были грамотнее, чем в других странах Латинской Америки. В мусульманской Индонезии доход на душу населения в пять раз меньше, чем в Саудовской Аравии, но уровень грамотности при этом существенно выше.

Я не знаю, сколько денег и времени требуется на ликвидацию неграмотности, но убежден: с учетом высокой приоритетности этой задачи она может быть решена за одно, максимум за два поколения. На пути к ликвидации неграмотности прежде всего необходимо ввести обязательное всеобщее начальное образование. Поскольку в бедных семьях детей нередко непускают в школы, так как они зарабатывают деньги или помогают по дому, могут потребоваться правительственные дотации родителям, чтобы они не мешали детям учиться. Такую программу запустило правительство президента Да Силвы в Бразилии².

Следующими целями должны быть обязательное всеобщее среднее образование и, наконец, всеобщая доступность последующего образования.

В. Изучать и модифицировать приемы воспитания детей

Традиционные приемы воспитания передаются из поколения в поколение, потому что большинство молодых родителей обладают не знаниями, а лишь памятью о том, как воспитывали их самих. Моя приятельница Мэри Хансен рассказала очень примечательную

историю. Когда ее дочке было три года, она услышала, как та распекает свою куклу, и изумилась: «Она говорит точно как моя мать». Однако к тому времени девочка почти не знала своей бабушки! При этом, отмечает Луис Диего Эррера, традиционные приемы воспитания детей порой являются каналом передачи ценностей, представлений и установок, препятствующих прогрессу личности и общества, и значение здесь имеет не только то, чему родители учат ребенка, а также и то, как они с ним обращаются.

В своей статье для проекта «Культура имеет значение» Джером Каган говорит о том, что могут сделать родители для укрепления ценностей, ведущих к демократии, социальной справедливости и благосостоянию:

Для продвижения демократической этики требуется, чтобы семья поощряла в детях чувство личной значимости (*agency*), для чего нужно дать почувствовать сыновьям и дочерям, что у них есть возможность оказывать влияние на семью. Попросту говоря, чтобы укрепить в ребенке чувство собственной значимости, нужно с ним советоваться, спрашивать его мнение, а при возможности учитывать его предпочтения. Психологи называют родителей, действующих подобным образом, властно-демократическими.

А вот представление о том, что все члены сообщества должны иметь равные возможности влиять на его будущее, продвигать труднее, нежели чувство собственной значимости, так как оно требует от ребенка понимания разницы между экономической выгодой и символами статуса, с одной стороны, и политической привилегией — с другой. В отличие от чувства значимости, которое может возникнуть до семи лет, эта более абстрактная идея должна ждать полового созревания, когда развивающиеся умственные способности позволяют молодым людям понять, что жизненные интересы сообщества порой должны иметь приоритет над желаниями индивида. Для продвижения этой цели недостаточно системы поощрений и наказаний, она требует, чтобы родители разговаривали с детьми, обсуждали существенные проблемы.

Природа наделяет всех — кроме очень небольшого числа детишек с врожденными особенностями — спо-

собностью сочувствовать тем, кто страдает от физических или психических недугов. В каждом ребенке легко пробуждаются сочувствие и желание помочь скулящему щенку или плачущему малышу. Это чувство, в котором Юм видел основу человеческой нравственности, дает возможность преподать идею социальной справедливости.

Если регулярно напоминать детям о лишениях, испытываемых выпавшими из общества гражданами, в них к моменту созревания возникнет желание заботиться о нуждающихся в помощи чужаках. Разумеется, очень полезно, если родители не ограничиваются в этом деле одними разговорами, но и сами реализуют подобное сочувствие.

Достижение экономического процветания основывается на этике, которая подчеркивает внутреннюю ценность личных достижений, т.е. на трудовой этике, в которой преимущество приносят личные достижения. Многие отмечали, что такой подход, бывший частью проповеди Лютера, является основой процветания протестантских обществ. Эта норма, общая для Северной Америки и части Европы, требует подавления тревоги, возникающей от сознания, что «ты лучше других»³.

Перспективным инструментом распространения приемов воспитания детей, укрепляющих прогрессивные ценности, является обучение им будущих родителей, особенно в средней школе и после нее. Шарон Линн Каган и Эми Лоуэнстейн уверены: хотя в курсах обучения будущих родителей до сих пор не затрагивались вопросы воспитания ценностей, представлений и установок, нет причин для того, чтобы такое положение сохранялось и в будущем.

C. Реформа образования

В своей статье «Школьное обучение делает латиноамериканские общества более открытыми» Фернандо Реймерс и Элеонора Виллегас-Реймерс предлагают реформу образования в Латинской Америке, которая укрепит ценности, делающие демократию эффективной. Их статья значима и для Африки, и для исламского мира, и для других отстающих стран. Шесть предложенных ими целей охватывают сферу начального и среднего образования:

1. Поднять качество обучения до самого высокого уровня.
2. Сделать школы открытыми сообществами, с большей свободой коммуникации между администрацией, учителями и учениками.
3. Укрепить отношения между школами и обществом.
4. Обеспечить высокий уровень подготовки учителей, чтобы они могли служить образцом демократической личности и поведения, пронизанного ценностями свободы и разнообразия.
5. Вести курс воспитания гражданственности.
6. Ориентировать обучение на практику — чтобы дети учились самостоятельно принимать решения.

Седьмой целью является введение курса воспитания личности, о чем говорит Томас Ликона в статье «Воспитание личности: главная задача школы».

Наконец, я считаю необходимым провести независимую экспертизу, чтобы оценить, как университетыправляются со своей обязанностью готовить лидеров, профессиональных специалистов и технических экспертов, в которых нуждаются современные демократическо-капиталистические общества. Многие университеты плохо служат своим обществам, а ведь качественный университет — это ключевой фактор прогресса.

D. Освоение английского языка

Поразительно быстрое экономическое развитие Сингапура, Ирландии, а в последние годы и Индии стало возможным благодаря массовому владению английским языком. В последние десятилетия американский капитал с огромной силой пошел в Ирландию — отчасти это объясняется тем, что ирландцы свободно говорят по-английски. Массовый перенос американских производств в Индию стал возможен потому, что многие индузы хорошо владеют английским. В подготовленной для проекта «Культура имеет значение» статье «Индия: как богатая страна обеднела и как она опять станет богатой» Гурчаран Дас подчеркивает ироничность ситуации: «После ухода британцев индузы постоянно протестовали против английского языка. Но в 1990-х годах этот сюжет сам собой отошел в прошлое, и английский тихо, безо всяких церемоний стал одним из языков Индии... Молодые индузы из нового среднего класса относятся к английскому, как, скажем, к системе Windows, — ими нужно владеть, только и всего»⁴.

Примерно то же самое происходит в Квебеке. Стремясь защищать французский язык, лидеры квебекских сепаратистов учинили кампанию по борьбе с английским. Но для многих квебекцев этот язык — ценный экономический ресурс, необходимый для того, чтобы торговать и принимать туристов из соседних Соединенных Штатов, не говоря уже обо всей англоязычной Канаде. То, что большинство жителей скандинавских стран бегло говорят по-английски, помогло этим странам укрепиться на мировом рынке товаров и идей. Левоцентристское чилийское правительство недавно объявило программу превращения Чили в двуязычную страну — говорящую на испанском и английском. Серджио Битар, чилийский министр образования, уточняет: «Мы знаем, что более, чем когда-либо, зависим от международной экономики, а если вы не можете говорить по-английски, то не сможете продавать и зарабатывать на жизнь»⁵.

Английский язык — это ресурс развития экономики и культуры. Если освоение опыта более развитых стран имеет критическое значение, то владение английским стало в наши дни вопросом жизненной необходимости.

II. Религиозная реформа

A. Ислам

Для большинства мусульман ислам является главным источником ценностей, представлений и установок. В этом отношении он уникален: нет другой мировой религии, которая оказывала бы столь мощное влияние на культуру верующих. На Западе, за исключением Соединенных Штатов, влияние религии ослабло, хотя светские культуры, несомненно, сохраняют глубокие следы былой религиозности, как, скажем, в странах Скандинавии. В исламском мире религия до сих пор оказывает сильнейшее влияние на культуру. Но если лютеранство было силой прогрессивной (взять хотя бы стремление к всеобщей грамотности и жесткий моральный кодекс), то современный ислам, исключая Турцию и Индонезию, таковой не является. В отличие от средневекового эллинизированного ислама и даже от либерально и реформистски настроенного ислама XIX века современный ваххабитский и «исламистский», или радикальный, ислам отвергает любые заимствования у других.

Среди многочисленных факторов отставания исламских стран главным является клерикальное истолкование Корана, которое закрепляет фатализм, увековечивает подчинение и неграмотность женщин, разрешает заимствование научных и технологических

знаний, но при этом отсекает все либеральные культурные веяния, которые сделали возможным научный и технический прогресс. Как демонстрирует пример Турции и Индонезии, ситуация не везде одинакова, но в большинстве исламских стран все обстоит именно так. Когда-то исламский мир был лидером в сфере наук и искусств, но постепенно утратил передовые позиции, особенно с крахом Отоманской империи, и теперь большинство мусульман постоянно сталкиваются с напоминаниями о том, насколько далеко они отстали от Запада и Восточной Азии. На мой взгляд, именно эта уязвленность и обида являются главной движущей силой для Усамы бен Ладена и его последователей.

Подготовленные для проекта «Культура имеет значение» статьи Бассама Тиби об исламе и Египте, Роберта Хефнера — об исламе и Индонезии, и два основных доклада о развитии человека в арабских странах делают кристально ясным одно: для ускорения движения в сторону демократии, социальной справедливости и материального благосостояния совершенно необходима реформа ислама. Ключевые элементы необходимой реформы таковы: открытость к ценностям, идеям и институтам неисламского мира; терпимость по отношению к другим религиям; ориентация на образование, равенство полов и самосовершенствование.

B. Католицизм

Как отмечает Майкл Новак, число людей, считающих себя католиками, растет за счет Африки. Но в Европе и Латинской Америке численность верующих католиков падает, а в Латинской Америке к тому же десятки миллионов номинальных католиков примкнули к протестантским церквам пятидесятников и евангелистов. Весьма показательно, что преобразования в Италии, Испании и Кубе сопровождались существенным ослаблением влияния церкви.

В главе 4 я документально доказал, что католические страны в целом уступают протестантским по большинству из десяти показателей (степень демократии, материального благосостояния, социальной справедливости, доверия, коррупции). Это верно, даже если сравнивать между собой только развитые демократические страны. Но самое убедительное свидетельство того, что католическая церковь нуждается в реформах, является собой Латинская Америка. Хотя в последние десятилетия церковь кое-что сделала для прогресса электоральной демократии в этом регионе, она должна признать свою ответственность за самые насущные латиноамериканские проблемы:

- Экономический рост повсеместно (за исключением Чили) оказался недостаточным для того, чтобы положить конец крайней бедности.
- Распределение богатства, дохода, земли и возможностей отличается предельной неравномерностью.
- Уровень доверия — один из самых низких в мире.
- Уровень коррупции крайне высок (если не считать единственного исключения — Чили).
- Уровень преступности, прежде всего сопряженной с насилием, тоже крайне высок — на это указывает эпидемия похищения людей ради получения выкупа.

Майкл Новак убедительно доказывает, что церковь должна всемерно поддерживать идеалы демократического капитализма. (Можно вспомнить название статьи Мигеля Басанеза о Мексике — «Верблюд и игольное ушко».) В церкви есть меньшинство, поддерживающее взгляды Новака, но есть в ней и влиятельные лидеры, приверженные идеям утопического социализма, активно нападающие на «неолиберальную» (т.е. капиталистическую) экономическую политику в Латинской Америке. Какая ирония: пока церковь продолжает исповедовать идеал бедности, католическая Латинская Америка породила намного больше бедных людей, чем протестантские Канада и Соединенные Штаты, о чём красноречиво свидетельствует огромный поток латиноамериканских бедняков, упорно мигрирующих на север. А десятки миллионов бедных латиноамериканцев перешли в протестантство, которое провозглашает то же, что и Дэн Сяопин: «Богатеть почетно».

Но существует и еще один важный аспект латиноамериканских проблем, частичную ответственность за которые церковь должна принять на себя и в решении которых помогут новые подходы. Речь идет о моральных вопросах, которые напрямую связаны с социальной справедливостью, доверием, коррупцией и преступностью. Причиной плачевного положения дел в этих сферах является чрезмерно гибкий моральный кодекс, допускающий терпимость в отношении антиобщественного поведения, — иными словами, церковь не смогла привить своей пастве уважение к золотому правилу этики. Безусловно, помимо религии здесь действуют и другие факторы, в том числе, скажем, американская поп-культура — культура рэпа и фильмы, до краев полные насилия. Но об ответственности церкви говорит следующий факт: латиноамериканцы, прежде всего бедняки и женщины, обращаются в протестантизм не

только потому, что отождествляют его с материальным достатком; они верят, что протестантская церковь поможет им вытащить своих мужчин из баров и борделей, стабилизировать семейную жизнь, дать детям шанс на лучшую жизнь.

Если католическая церковь возглавит борьбу за ужесточение моральных норм в странах Латинской Америки и других странах мира, она сможет сделать значительный вклад в прогресс и при этом повысит уважение к себе.

C. Православное христианство

Православное христианство, ветвь Римско-католической церкви, обретшая полную независимость от Рима в 1054 году, является господствующей религией в России, Греции, на Украине, в Белоруссии, Румынии и небольших странах Восточной Европы и Западной Азии, включая Грузию. В своей статье о Грузии Ираклий Чхония перечисляет ряд враждебных прогрессу характеристик, нередко приписываемых православному христианству: «покорность властям; подавление инакомыслия и инициативы; подавление новшеств и социальных изменений; смиренный колlettivизм, противостоящий индивидуализму; акцентирование этнической сплоченности, а не наднациональных отношений; изоляционизм и партикуляризм; духовный детерминизм и фатализм. Налицо также отвращение православия к неправославным западным церквам, к исламскому миру, к прошлым и нынешним политическим соперникам»⁶.

Но статьи Ираклия Чхонии, Арчи Брауна (о России) и Жоржа Превелакиса (о Греции) подчеркивают значительные национальные различия в православии и существенное ослабление его влияния за последнее столетие, параллельное общему процессу секуляризации в Европе. Браун замечает, что «в современной России наследие православия почти заведомо имеет меньшее значение, чем семьдесят лет коммунистического правления, за которым последовали пятнадцать лет политического плюрализма»⁷.

Как и в других религиях, в православии присутствуют реформистское и консервативное течения, и они соперничают за преобладание повсюду, в том числе и в России. Николас Гвоздев делает вывод, что «фундамент для реформы [православия] существует, но еще неясно, будет ли начато строительство»⁸. Впоследствии он добавил: «Сегодня православное христианство находится в том же состоянии, что и Ватикан до Второго Ватиканского собора: на грани

реформ, способных вдохнуть жизнь в древние традиции, — но пока неизвестно, двинется ли оно в этом направлении»⁹.

Ситуация примерно такая же, как у католиков. Влияние церкви в целом падает. Реформа православия, направленная на поддержку демократии и рыночной экономики, могла бы остановить разрушение обеих в путинской России в нынешний критический момент, а также оказала бы положительное воздействие на другие православные страны, повысила бы авторитет религии и доверие к ней.

D. Индуизм

Макс Вебер и Гуннар Мюрдаль были среди тех, кто считают индуизм «враждебным прогрессу». Главными чертами индуизма критики называли фатализм, кастовую систему, подавление и эксплуатацию женщин. Но, как подчеркивает в своей статье Пратап Бхану Мехта, эта религия отличается куда большей гибкостью и разнообразием, чем полагают критики, и она уже продемонстрировала существенную способность меняться. Более того, демократическая политика правительства Индии оказала сильное влияние на религиозную практику, что проявилось, например, в разрушении кастовой системы.

Тем не менее индуистским лидерам стоит задуматься над типологией проекта «Культура имеет значение» в том плане, что модификация доктрины могла бы поддержать стремление Индии к модернизации.

E. Буддизм

«Буддистская теория — это по большей части теория индивидуальной жизни и практики. В строго формальном смысле буддизм и демократия взаимно независимы. Буддизм никак не препятствует, но и не способствует либеральной демократии, а либеральная демократия не мешает буддизму, но и никак не благоприятствует ему», — замечает профессор философии Джей Гарфилд из колледжа Софии Смит¹⁰. При этом в буддистской доктрине и практике есть элементы, явно совместимые с демократией, прежде всего эгалитарная природа *сангхи* — идеальной буддистской общины, в которой имеет значение старшинство по возрасту, а класс, каста, богатство или престиж не учитываются.

Кристал Уилан, специалист по буддизму, подчеркивает крайнее многообразие буддистских толкований и практик — одни

из них поддерживают модернизацию, а другие противятся ей. Это многообразие находит отражение в достижениях буддистских стран: по оценке Freedom House, Мьянма (Бирма) попала в группу самых «несвободных», таких как Северная Корея и Куба, а вот Монголия и Таиланд оказались среди «свободных». Из семи буддистских стран, которые мы рассмотрели в главе 4, только Таиланд испытал быстрый экономический рост, причем заслуга здесь принадлежит преимущественно китайскому меньшинству.

Трудно сказать, в какой степени буддизм влияет на политику и экономику, поскольку работают и многие другие силы, в том числе и глобализация. Есть основания заключить, что «реформа» буддизма маловероятна, так же как маловероятно его значительное влияние на путь развития стран, в которых преобладает эта религия.

F Конфуцианство, иудаизм, протестантизм

Есть три «религии» (хотя конфуцианство, нужно еще раз подчеркнуть, — это не религия, а моральный кодекс), ценностные системы которых максимально соответствуют колонке типологии «культура, тяготеющая к прогрессу» (см. главу 2). Все три, хотя и в разной степени, поддерживают идеи/ценности личного контроля над судьбой, достижений, образования, усердия/трудовой этики, заслуги, бережливости и социальной ответственности. Эти ценности, как показывает опыт скандинавских стран, остаются преобладающими даже в условиях секуляризации.

Все три рано или поздно сталкиваются с тем, что за успех приходится платить эрозией традиционных ценностей. В этом и заключалась дилемма Джона Уэсли. Ценности, благоприятные для прогресса, приводят к такому успеху и богатству, что могут, например, подорвать и лишить смысла трудовую этику, бережливость, стремление к достижениям. Как отмечает Дэвид Мартин в своей работе «Обращение к протестантам», успех и богатство иногда порождают презрение к менее богатым единоверцам, посвятившим свою жизнь старым ценностям, старой религии.

Вообще говоря, крупнейшее конфуцианское общество, Китай, остается однопартийной диктатурой, политически нелегитимной и сохраняющей власть только благодаря успеху своей экономической политики; но ведь либерализация рынков, поощрение иностранных инвестиций и поддержание финансовой стабильности — это политика капитализма, совсем недавно вражеского и пре-

зренного. Да и Сингапур пока еще избегает перехода к демократии, который уже произошел в других странах региона, в Южной Корее и на Тайване. Но я верю, что в своей работе «Конец истории» Фрэнсис Фукуяма правильно предсказывает: быстрый экономический рост породит поколение, привыкшее к свободе рынка, а оно неизбежно потребует и политической свободы.

Общий урок, однако, ясен: эти культуры разделяют ценности, эффективно работающие в очень разных условиях. Отставшим обществам следовало бы заботиться об укреплении именно этих ценностей.

G. Анимистические религии

Даниэль Этунга-Мангуэль пишет: «Общество, в котором в наши дни процветают магия и колдовство,— больное общество, в нем царят напряжение, страх и моральный хаос. Колдовство — это дорогостоящий механизм улаживания конфликтов и сохранения статус-кво, а именно к нему, что важно, и сводится вся африканская культура»¹¹.

В анимистических религиях все происходящее в жизни определяет пантеон капризных духов, это крайний случай культуры, враждебной прогрессу, как мы убедились благодаря описанию гаитянской религии вуду, корни которой идут из Африки. В Африке анимистические религии особенно распространены, но они присутствуют и в Западном полушарии, как, например, гаитянский культ вуду и бразильский культ сантерия¹².

Рекомендации в отношении анимизма таковы: поощрять переход поклонников анимизма в более благоприятные для прогресса церкви.

III. Правительства

A. Повышать понимание ключевой роли культуры

Политические лидеры должны думать о том, как их политика, программы и публичные выступления повлияют на укрепление прогрессивных ценностей. (Примером могут служить описанные в главе 8 прогрессивные перемены в Боготе под руководством двух просвещенных мэров.) Лидеры должны также просвещать публику в том, что касается ключевого значения этих ценностей в достижении целей общества, и при этом поддерживать постоянный диалог со средствами массовой информации относительно их роли в укреплении прогрессивных ценностей.

В. Искать исторические/мифические прецеденты производимых изменений культуры

Как демонстрируют Ботсвана, Грузия, Новгород и Квебек, легче добиться укрепления прогрессивных ценностей, если в политической инициативе присутствует хотя бы намек на преемственность: «создание новой мифологии, основанной на селективных воспоминаниях о прошлом», как выразился Даниэль Латуш¹³.

C. Следить за тем, что происходит в других странах и может принести пользу дома

Нужно развивать структуры, позволяющие следить за тем, что происходит в мире в области науки, технологии, в политике, сфере институциональных и культурных изменений. Этим могут заниматься университеты, научные центры, комитеты при Совете министров.

D. Высшим приоритетом должно быть образование и реформа образования

(См. раздел IC, с. 239–240.)

E. Экономическая политика должна быть открытой миру и поощрять иностранные инвестиции

В нескольких случаях, например в Испании и Ирландии, преобразению страны способствовала открытость экономической политики. (В Японии, Корее и на Тайване открытость была более избирательной.) Такого рода политика обеспечивает скорейший экономический рост. Быстрый и устойчивый рост материального благосостояния не только повышает уровень жизни и эффективность действий правительства (скажем, в реформировании образования), но и помогает создать в стране атмосферу оптимизма, которая помогает людям избавиться от фатализма и укрепляет предпримчивость, играющую в развитии центральную роль. Иностранные инвестиции выгодны (в большинстве случаев) и приносят к тому же новые технологии, идеи и ценности.

F. Нужно создавать компетентный, честный иуважаемый бюрократический аппарат

Честность и компетентность государственной бюрократии несут с собой многое выгод; кроме того, эффективный и профессиональный государственный аппарат способствует увеличению специфичного для страны радиуса идентификации и доверия —

к правительству и обществу в целом. Эффективная бюрократия много способствовала, например, успеху Швеции, Ботсваны, Чили и Сингапура.

G. Нужно заботиться о том, чтобы как можно больше граждан были собственниками своих жилищ

Собственность на жилье сыграла ключевую роль в преображении Испании и Сингапура. В обоих случаях жилищная политика была нацелена на то, чтобы предоставить людям долю в растущей экономике, создать средний класс и укрепить семью.

H. Нужно упорядочить права собственности

Эрнандо де Сото подчеркивает преимущества, приносимые легализацией частной собственности: это делает ее защищенной и упрощает все операции с недвижимостью. Но при этом возникают и нерыночные преимущества — легализация частной собственности способствует укреплению атмосферы оптимизма и предпринимчивости.

I. Нужно институционализировать периодические замеры ценностей, представлений и установок

Мигель Басанез создал для проекта «Культура имеет значение» инструмент, который позволяет определять национальный профиль по 25 пунктам типологии. Периодические замеры дадут возможность оценивать состояние и изменение культуры, что будет полезно для принятия очередных политических решений.

IV. Институты помощи развитию

A. Необходимо учитывать культурные факторы

Институты помощи развитию, как двусторонние, так и многосторонние, до сих пор не учитывали культурные факторы — главным образом потому, что в выработке политики доминировали антропологи и социологи, стоявшие на позициях культурного релятивизма. Несмотря на имеющиеся свидетельства, в кругу специалистов по развитию с большим трудом воспринимают идею, что одни культуры более предрасположены к прогрессу, чем другие. С этим обстоятельством мешает справиться политика международных организаций. Дело в том, что на их решения влияют как доноры, так и получатели помощи, а потому в личном общении куда комфортнее

и безопаснее для чувства самоуважения делать вид, будто отстающие страны либо стали жертвами более удачливых, либо просто еще не успели найти необходимый для успешного развития набор политических подходов, стимулов и институтов. О наличии этого эмоционально-интеллектуального препятствия свидетельствует реакция на два доклада ООН по развитию человека в арабском мире: в обоих подчеркивается необходимость изменений культуры, и оба были встречены многими арабскими представителями в штыки.

Я надеюсь только на то, что накопившееся недовольство, вызванное отсутствием значимых изменений в самых бедных странах, заставит наконец специалистов по развитию задуматься над тем, о чем сказано в работах «Культура имеет значение» и «Главная истина либерализма». Несмотря на всю интеллигентность, творческое горение и преданность делу, проявленные в последние полвека специалистами по развитию, им не удалось преобразить подавляющее большинство бедных и авторитарных обществ. А там, где прошли преобразования, им либо помогли благоприятные для прогресса элементы культуры (как, например, в конфуцианских обществах Восточной Азии), либо изменения культуры оказались центральным фактором преобразований (как в Испании, Ирландии и Квебеке).

B. Анализ изменений культуры должен стать неотъемлемой частью разработки программ, стратегий и проектов

Организациям, осуществляющим помочь в развитии, требуются теория и персонал, которые помогут странам учитывать изменение культуры в своей политике и программах. Им надо быть готовыми к оказанию технической помощи в опросах и замерах исходных ценностей/представлений/установок, чтобы потом было с чем сооправлять и оценивать изменения. Эти организации должны также учитывать культурные аспекты в своих исследовательских программах, в том числе в экономическом анализе, как это сделал Йошихара Кунио в случае Японии. Кроме того, организациям оказания помощи следует подвергать анализу воздействие поддерживаемых ими проектов на ценности/представления/установки и учитывать неизбежность такого воздействия при разработке проектов. При оценке проектов учитывается, помимо всего прочего, и их воздействие на культуру.

С. Нужно рассмотреть вопрос о создании сети первоклассных университетов под эгидой международных организаций

В главе 8 мы говорили о положительном воздействии американских и других университетов, расположенных в разных странах и обеспечивающих качественное образование и близкое знакомство с ценностями другой культуры. При этом была высказана мысль о желательности создания сети первоклассных университетов в отстающих странах. Подобная сеть особенно полезна для исламского мира и Африки; ее можно было бы развернуть под эгидой ООН или Всемирного банка / МВФ.

V. Университеты

Так же как и организации помощи развитию, нигде в мире университеты не интересовались культурой, потому что в социальных науках восторжествовал культурный релятивизм. Подход, излагаемый в работе «Культура имеет значение», политически некорректен и часто ассоциируется — совершенно ошибочно — с правой идеологией. Мне известны только три курса, в которых рассматриваются взаимосвязи между культурой и развитием: один читает Сэмюэль Хантингтон в Гарварде, другой — Харви Нельсон в Университете Южной Флориды, а третий — я сам в Школе права и дипломатии Флетчера в Университете Тафтса (Медфорд, Массачусетс). С другой стороны, работу «Культура имеет значение» используют во многих университетах Соединенных Штатов, а могут существовать и другие подобные курсы, рассматривающие сходные проблемы.

Из работы «Главная истина либерализма» должно быть предельно ясно, что проект «Культура имеет значение» не консервативен. Среди людей, в нем участвовавших, я не знаю никого, кто верил бы в культурный детерминизм — иными словами, в то, что культура неизменна и, чего доброго, даже имеет генетические корни. Все мы убеждены, что культуру приобретают, что она изменяется и что ее изменение может способствовать ускоренному избавлению от тирании, несправедливости и бедности. Если мы правы, университетам, так же как организациям помощи развивающимся странам, следовало бы относиться к культуре и изменению культуры со всей возможной серьезностью. Это означает, что нужны курсы и программы исследования роли культуры и изменений культуры в человеческом прогрессе. Приемы и методы воспитания детей — это один из аспектов проекта «Культура имеет значение», в котором университетам следовало бы взять на себя ведущую роль.

VI. Средства массовой информации

Средства массовой информации, и прежде всего телевидение, располагают огромными возможностями влиять не только на взгляды и мнения людей, но и на их ценности. Газетные обозреватели Мариано Грondonа и Карлос Альберто Монтанер доказывают, основываясь на собственном опыте: влияние публицистов ограничено в силу того, что большинство людей склонны читать, слушать или смотреть только тех, с кем они и без того согласны. Но есть два других измерения средств массовой информации, потенциал влияния которых намного больше: новостные и развлекательные программы.

Центральным является вопрос о степени объективности подачи новостей. Поскольку репортеры и редакторы — всего лишь люди, полная объективность здесь недостижима, а потому неизбежна тенденциозность в отборе новостей и в акцентах. Проблема делается острой, когда тенденциозность превращается в политику и газета или телеканал ведут идеологическую «линию», вовсе не заботясь об объективности и укрепляя заблуждения и предрассудки. В арабском мире сегодня такова ситуация с телеканалом «Аль-Джазира»; бывший президент CNN Риз Шонфельд называет его (в своем эссе о развлекательных медиа для проекта «Культура имеет значение») «уважаемым, но тенденциозным»¹⁴. Репортажи «Аль-Джазиры» — не говоря уже о яростно антиамериканских, антисемитских и антиизраильских передачах станции «Манаар», принадлежащей движению «Хезболла» и запрещенной недавно во Франции и в Соединенных Штатах, — укрепляют доминирующую в арабском мире представление о себе как о «жертвах», а это серьезно препятствует прогрессу арабского мира и одновременно противостоит призыву к реформам, сформулированному в двух докладах ООН о положении дел в арабском мире. Шонфельд указывает на имеющие противоположную направленность популярные шоу талантов, организуемые и транслируемые ливанскими телеканалами Future TV и Lebanon Broadcast Company: в них участвуют и зрители, своим голосованием определяющие победителей. Смысл этих шоу прост: современность, вертикальная мобильность и участие.

Сходная конкуренция ценностей наблюдается сегодня и в Китае. Господству правительственные средства информации угрожают иностранные спутниковые каналы и еще больше — связанная с культом «Фалун Гонг» сеть New Tang Dynasty Television (NTDT). Эта сеть, замечает Шонфельд, «транслирует голливудские фильмы 1930–1950-х годов — отчасти потому, что они дешевы,

а отчасти, и это важнее, потому, что они соответствуют объявленному намерению канала продвигать демократические изменения культуры, чтобы „воцарилась гармония между разными расами и культурами и больше людей получили возможность наслаждаться миром и свободой“»¹⁵.

Шонфельд полагает: в идеальном случае в развивающейся стране, приверженной целям и идеалам ООНовской Декларации прав человека, следовало бы хотя бы на двадцать лет запретить всякое коммерческое телевидение и оставить только общественное, с тем чтобы его программы укрепляли ценности, ведущие к достижению целей Декларации. Кто-то скажет, что этот подход неприемлем для свободного мира, что он сопряжен со злоупотреблениями монополией государственного телевидения ради достижения политических целей, и сошлется при этом на опыт Мьянмы и России, где руководители государств ренационализировали частные прежде каналы и жестко контролируют содержание телепередач. Но когда существует истинно просвещенное и преданное делу реформ руководство — скажем, как в Ботсване с ее президентами Кхамой и Масипре, — государство правительского телевидения может принести большую пользу. (Любопытно, что лидеры Ботсваны предпочитали использовать радио, намного более дешевое и доступное.)

А как насчет развитых демократий? В Британии, Германии, Швеции и Японии в телевизионном вещании до сих пор доминируют общественные, т.е. государственные каналы. В других западных странах их отодвинули на второй план. Доминирует тенденция к приватизации и конкуренции, что полностью соответствует священному принципу свободы печати. Существует, однако, опасность того, что либо общественное, либо частное телевидение встанет на курс, подрывающий ценности, которые питают демократию, благосостояние и справедливость. Возможное решение — институционализация постоянного диалога о роли и воздействии средств информации на ценности; его участниками становились бы люди, озабоченные благополучием страны и сохранением прогресса, представляющие частные и правительственные средства информации, а также университеты и исследовательские организации.

VII. Частный сектор

Мы отметили, что у частного сектора есть две возможности играть роль в укреплении прогрессивных ценностей: филантропия и активное участие в управлении.

A. Филантропия

Филантропы сделали огромный вклад в прогресс Соединенных Штатов, оказывая, например, финансовую помощь университетам, библиотекам, больницам и музеям. Но культурное влияние филантропии состоит также в укреплении сплоченности общества. Филантропические традиции побуждают богатых думать и действовать в духе ответственности перед обществом и его ценностями, помогая, допустим, получить университетское образование и подняться вверх людям, которые без их финансовой поддержки сделать этого не смогли бы. С другой стороны, получатели помощи видят, как перед ними открываются новые горизонты, и это укрепляет в них чувство идентификации с обществом и его целями.

Гарвардский семинар, упоминаемый в главе 8, предложил ряд полезных рекомендаций по развитию филантропии:

- Привлекать средства информации для распространения понимания смысла и направленности филантропической деятельности.
- Работать над совершенствованием законодательных стимулов филантропической деятельности.
- Укреплять связи с правительственными, деловыми и неправительственными организациями.
- Содействовать расширению гражданской активности с помощью «политики, поощряющей культуру щедрости и гражданской активности. Существует единодушное мнение, что создание более благоприятных условий для филантропии требует значительных культурных и психологических изменений»¹⁶.

B. Активное участие в управлении

В большинстве бедных стран государственный авторитаризм воспроизводится во всех видах человеческих взаимоотношений, и прежде всего в отношениях на рабочем месте. Слово босса — закон, и только слепое подчинение может избавить человека от самых серьезных последствий.

Современная модель активного участия в управлении, которую мы ассоциируем сегодня с японской промышленностью, скажем, с компанией Toyota, может ускорить изменение культуры. Менеджер, который объясняет, а не командует, который поощряет подчиненных к общению, поощряет и вознаграждает иници-

ативность, в состоянии создать благоприятную атмосферу. Тогда, по словам аргентинского автора Томаса Роберто Филлола, «рабочие чувствуют, что вышестоящие ценят их; что все уровни управления... делегируют вниз ответственность и определенную степень самостоятельности; что персонал всех уровней идентифицирует себя со своей работой, предприятием и его целями, — и в результате рабочие охотно сотрудничают друг с другом и с руководством всех уровней ради достижения личных, но при этом и общих выгод; здесь отдельные люди вольны обсуждать проблемы, возникающие на их рабочих местах, с равными и вышестоящими, и они охотно используют преимущества, создаваемые такого рода возможностями»¹⁷.

Именно таким был опыт корпорации Furukawa в Перу (см. главу 8), где, судя по всему, просвещенное руководство помогло части своих подчиненных принять новые и более прогрессивные ценности.

Заключение

Исследовательский проект «Культура имеет значение» научил нас: культура действительно имеет значение, особенно в дальней перспективе. Даниэль Патрик Мойнихен был прав: политика способна изменить культуру, создав условия для более быстрого прогресса. Общество может радикально преобразиться за одно поколение. Нам пришлось также вспомнить и о множестве других факторов, в том числе о географии и природной среде, а также о том, что культуре грозит поражение при столкновении, например, с неблагоприятной идеологией, как это случилось в Северной Корее. Но мы убедились и в том, что культура может оказывать очень сильное влияние, способствуя прогрессу или тормозя его.

Страдания, причиненные американской авантюрией в Ираке, хаос на Гаити, геноцид и голод в Африке, огромный поток бедняков, ищущих лучшей жизни в богатых странах, постоянно напоминают нам о масштабах задачи по созданию более демократичного, справедливого и материально обеспеченного мира. Пятьдесят лет назад эксперты, преимущественно экономисты, уверяли, что бедность, авторитаризм и несправедливость по большей части исчезнут к концу XX столетия. Их оптимизм был необоснованным, а их рекомендации, даже самые полезные, — неадекватными. Те, кто требовали внимания к роли культуры и изменения культуры в ходе человеческого прогресса, обнаружили, что люди

прислушиваются к их аргументам все больше, однако при этом неизбежно вопрошают: «Ладно, мы вам верим, только что со всем этим делать?»

Нам еще многое предстоит узнать, но «Главная истина либерализма» уже предлагает ряд стратегий и инструментов, которые могут помочь преобразовать теорию культуры в целебную практику ее изменения.

Примечания

ПРЕДИСЛОВИЕ

- 1 В 1965–1968 годах я был там сначала заместителем директора, а потом исполняющим обязанности директора миссии. В четырех других странах я исполнял роль директора.
- 2 *Moscoso T. The Will to Economic Development // The Alliance for Progress — A Retrospective / Ed. by L.R. Scheman. N.Y.: Praeger, 1988. P. 86.*
- 3 Книга опубликована и на английском: *Rangel C. The Latin Americans: Their Love-Hate Relationship with the United States. N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1977.*
- 4 В июне 2005 года Николас Уэйд из *New York Times* сообщил о работе, проделанной тремя исследователями из Университета штата Юта. Они собрали доказательства в пользу того, что превышающие среднее значение показатели IQ евреев-ашкенази являются результатом столетий генетического отбора (*Researches Say Intelligence and Disease May Be Linked in Ashkenazic Genes // New York Times. 2005. June 3. P. A21*). Возникает неизбежный вопрос: чем объяснить сравнительно высокий IQ жителей Восточной Азии?
- 5 Краткие биографические сведения об участниках проекта см. в Приложении.

ВВЕДЕНИЕ

- 1 *Tocqueville A. de. Democracy in America. London: David Campbell Publishers, 1994. P. 322–323 [Токвилль А. де. Демократия в Америке. М.: Весь мир, 2000. С. 233].*

- 2 Из выступления Буша в 2002 году по поводу Национальной стратегии безопасности; цит. по: *Kennedy D.M. What "W" Owes to "WW" // The Atlantic. 2005. March. P. 36.*
- 3 *Diamond J. Guns, Germs, and Steel. N.Y.: W.W. Norton, 1997. P. 417–418.*
- 4 *Culture Matters: How Values Shape Human Progress / Ed. by L. Harrison, S. Huntington. New York: Basic Books, 2000. P. XV* [Культура имеет значение: Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М.: Московская школа политических исследований, 2002. С. 12; далее русский перевод цитат из книги «Culture Matters» приводится по этому изданию (иногда с уточнениями и исключая те случаи, когда это касается фрагментов, в нем опущенных) с указанием в квадратных скобках лишь номера страницы].
- 5 *Harrison L. Underdevelopment Is a State of Mind: The Latin American Case. Cambridge, Mass.: Harvard Center for International Affairs, 1985. P. XVII.*
- 6 *Norway Looks for Ways to Keep Its Workers on the Job // New York Times. 2004. July 25. P. 4.*
- 7 См.: *Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Princeton: Princeton University Press, 1997. P. 325.*
- 8 *Lewis A. W. The Theory of Economic Growth. Homewood, Ill.: Richard D. Irwin, Inc., 1955. P. 14.*
- 9 «Управляемая безжалостно, умело и честолюбиво, [United Fruit] заслужила свое прозвище: спрут» (*Gleijeses P. Shattered Hope: The Guatemalan Revolution and the United States*

- 1944–1954. Princeton: Princeton University Press, 1991. P.89).
- 10 Pye L., Pye M. Asian Power and Politics: The Cultural Dimensions of Authority. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 1985. P.4.
- 11 Lewis B. The West and the Middle East // Foreign Affairs. 1997. January–February. P. 121.
- 12 Landes D. Culture Makes Almost All the Difference // Culture Matters... P.7 [44].
- 13 Rao V., Walton M. Culture and Public Action. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 2004. P. 4.
- 14 Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon and Schuster, 1997 [Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ACT; ACT Москва, 2007].
- 15 Гирт Хофтед сформулировал полезное для нас представление о человеческом поведении. В своей этапной работе «Последствия культуры» (*Hofstede G. Culture's Consequences*. London: SAGE Publications, 2001) он предложил для иллюстрации источников человеческого поведения треугольник с тремя параллельными основаниями, которые делят его на три сектора: нижний уровень «универсальный» — это общая для всех природа человека, средний уровень — «коллективная» культура, а верхний треугольник — «индивидуальная» культура, или личность.
- 16 United Nations Development Program and Arab Fund for Economic and Social Development // Arab Human Development Report 2002. N.Y.: UNDP, 2002. P.8.
- 17 Из электронного письма Р.Хефнера автору, 28 апреля 2004 года.
- 18 См., например: *Hofstede G. Cultures Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations*. London: SAGE Publications, 2003.
- 19 Shweder R. Moral Maps, "First World" Conceits, and the New Evangelists // Culture Matters... P.163 [189].
- 20 В Декларации не упомянуто даже об окружающей среде, которая с тех пор
- была признана важным аспектом развития, что отражено в часто используемом термине «устойчивое развитие».
- 21 Shweder R. Op. cit. P. 164 [194].
- 22 Ibid. P. 167 [197].
- 23 Ibid. P. 164 [193].
- 24 Howard R.E. Cultural Absolutism and the Nostalgia for Community // Human Rights Quarterly. 1993. May. Vol. 15. № 2. P. 315.
- 25 Сам я этой лекции не слышал. Мне рассказал о ней мой друг Роберт Ядкичо, который там был.
- 26 Shweder R. Op. cit. P. 172.
- 27 Etounga-Manguelle D. Does Africa Need a Cultural Adjustment Program? // Culture Matters... P.56–77.
- 28 Ibid. P. 173.
- 29 Easterly W. The Elusive Quest for Growth: Economists' Adventurers and Misadventures in the Tropics. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2002 [Истории У. В поисках роста: Приключения и злоключения экономистов в тропиках. М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2006]; *Idem*. The World Bank and the IMF // Finance and Development. 1994. March. P.51.
- 30 Причинам исключительности Чили посвящена статья экономиста Дэвида Ходжмена; см. ее краткое изложение в главе 6.
- 31 Huntington S. Who Are We? The Challenges to America's National Identity. N.Y.: Simon and Schuster, 2004. P.254 [Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: ACT; Транзит-книга, 2004. С. 395–402].
- 32 Sachs J.D. The End of Poverty: Economic Possibilities for Our Time. N.Y.: Penguin, 2005.
- 33 Ibid. P. 60,72.
- 34 Drezner D. Brother, Can You Spare \$195 billion? // New York Times. Sunday Book Section. 2005. April 24.
- 35 Putnam R. Making Democracy Work. Princeton: Princeton University Press, 1993 [Путнэм Р. Чтобы демократия

- сработала. М.: Московская школа политических исследований, 1996].
- 36 Rodo J.E. Ariel. Madrid: Espasa-Calpe S.A., 1971.
- 37 Kunio Y. Asia Per Capita. Singapore: Curzon Press, 2000.
- 38 Ibid. P. 211–216, в разных местах.
- 39 Sachs J.D. Op. cit. P. 218.
- 40 См., например: Sachs J.D. Don't Know, Should Care // New York Times. 2004. June 5. A25.
- 41 Sachs J.D. The End of Poverty... P. 317.
- 42 Huntington S. The Clash of Civilizations... P. 43 [Хантингтон С. Столкновение цивилизаций... С. 49].
- 1 ЗАГАДКА ЭСПАНЬОЛЫ
- 1 Pons F.M. Historia Colonial de Santo Domingo. Santiago de los Caballeros: Universidad Católica Madre y Maestra, 1974.
- 2 Smith A. Wealth of Nations. New York: Random House, 1937. P. 538 [Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО, 2007. С. 545].
- 3 Оценки численности населения взяты из: Pons F.M. Op. cit. P. 303–314; Hazard S. Santo Domingo Past and Present with a Glance at Hayti [1873]. Santo Domingo: Editoria de Santo Domingo, 1974. P. 105.
- 4 Меня командировали в Доминиканскую Республику через три недели после начала революционных беспорядков, и я оставался там до 1968 года в качестве исполняющего обязанности директора миссии Агентства по международному развитию (USAID).
- 5 По данным переписи населения 2002 года, около 650 000 доминиканцев и 570 000 гаитян проживают в Соединенных Штатах.
- 6 В 1991–1992 годах я представлял Соединенные Штаты в группе, созданной Организацией американских государств для того, чтобы мирными средствами вернуть Жан-Бертрана Аристида к власти. В 1977–1979 годах я был директором миссии Агентства по международному развитию на Гаити.
- 7 United Nations. Human Development Report 2003. N.Y.: Oxford University Press, 2003. P. 238–239.
- 8 Sachs J. Notes on a New Sociology of Economic Development // Culture Matters... P. 31 [77–78].
- 9 Maddison A. The World Economy in the Twentieth Century. Paris: OECD, 1989. P. 19.
- 10 Leyburn J. The Haitian People. New Haven: Yale University Press, 1966. P. 144.
- 11 Etounga-Manguelle D. Does Africa Need a Cultural Adjustment Program? // Culture Matters... P. 56–77.
- 12 Ibid. P. 71.
- 13 Hodges W. Poverty Linked to Voodoo Spirits // The Baltimore Sun. 1981. November 15.
- 14 Цит. по: Harrison L. Underdevelopment Is a State of Mind. Cambridge, Mass.: Harvard Center for International Affairs, 1985. P. 22.
- 15 Hazard S. Op. cit. P. 103.
- 16 Rangel C. The Latin Americans: Their Love-Hate Relationship With the United States. N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1977. P. 193.
- 17 Сакс сослался на эти факторы в ходе дебатов со мной в Гарварде в 2001 году.
- 18 В обоих случаях, так же как в одновременном вторжении в Никарагуа, главным мотивом Соединенных Штатов была безопасность Панамского канала: существовали серьезные опасения, что из-за хаоса в финансах этих стран европейские кредиторы, прежде всего Германия, смогут получить на их территории военные базы, которые стали бы угрозой каналу, открытому для плавания в 1914 году.
- 19 Etounga-Manguelle D. Op. cit. P. 75.
- 20 Этую точку зрения отстаивал преподаватель Университета Колгейт, когда я выступал там в конце 2001 года.

- 21 Таков центральный аргумент в книге: *Nicholls D. From Dessalines to Duvalier*. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1996.
- 22 *Diamond J. Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed*. N.Y.: Viking, 2005.
- 23 Ibid. P. 333.
2. ДЕЗАГРЕГИРОВАНИЕ «КУЛЬТУРЫ»
- 1 *Grondona M. A Cultural Typology of Economic development // Culture Matters...* P. 46–47.
- 2 Из записки автору от Роберта Хефнера, 28 апреля 2004 года.
- 3 *Inglehart R. Testing the Progress Typology*. Работа была представлена на заключительной конференции проекта «Культура имеет значение» в Школе Флетчера, в Университете Тафтса, 27–28 марта 2004 года.
- 4 Ibid. P. 6.
- 5 *Tocqueville A. de. Democracy in America*. London: David Campbell Publishers, 1994. P. 300 [Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: Весь мир, 2000. С. 221]. Далее де Токвиль утверждает, что католицизм также благоприятен для демократии, если он надежно отделен от государства.
- 6 *Tibi B. Political Innovation in the Gulf: Society and State in a Changing World*. Подготовлена для 9-й Ежегодной конференции Центра стратегических исследований ОАЭ. Абу-Даби, 10–13 января 2004 г.
- 7 *Inglehart R. Op. cit. Table 5*.
- 8 Цит. по: *Weber M. Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. N.Y.: HarperCollins Academic, 1992. P. 175 [Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 200].
- 9 *Tibi B. Op. cit. P. 13*.
- 10 Ibid.
- 11 Это слова бывшего главного раввина Великобритании. Цит. по: *The Pentateuch and Haftorahs / Ed. by J.H. Hertz*. London: Soncino Press, 1960. P. 196.
- 12 *Foster G.M. Peasant Society and the Image of the Limited Good // Peasant Society: A Reader / Ed. by J.M. Porter, M.N. Diaz, G.M. Foster*. Boston: Little Brown, 1967. P. 304.
- 13 *Weber M. Op. cit. P. 48–50* [Вебер М. Указ. соч. С. 73–76].
- 14 Ibid. P. 117 [Там же. С. 152].
- 15 The price of lateness // *The Economist*. 2003. November 22. P. 38.
- 16 *Surowiecki J. The Financial Page: Punctuality Pays // The New Yorker*. 2004. April 5.
- 17 См.: *Herman A. How the Scots Invented the Modern World*. N.Y.: Three Rivers Press, 2001.
- 18 *Hiroko H., Mieko M. Japanese Childhood Since 1600*. Рукописный перевод на английский язык статьи из: *Zur Sozialgeschichte der Kindheit / Ed. by J. Martin, A. Nietzsche*. Freiburg: München: Verlag Karl Aber, 1985. P. 176.
- 19 *Banfield E. The Moral Basis of a Backward Society*. N.Y.: The Free Press, 1958; *Grondona M. Las Condiciones Culturales del Desarrollo Económico*. Buenos Aires: Ariel; Planeta, 1999.
- 20 *Inglehart R. Op. cit. Table 5*.
- 21 *World Development Indicators 2003*. Washington, D.C.: The World Bank, 2003. Table 3.15.
- 22 *Schumpeter J.A. Capitalism, Socialism, and Democracy*. N.Y.: Harper Bros., 1950. P. 132 [Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. С. 183].
- 23 Ibid. [Там же. С. 184].
- 24 См.: *Diverging Paths: Comparing a Century of Scandinavian and Latin American Development / Ed. by M. Blomström, P. Meller*. Washington, D.C.: Inter-American Development Bank, 1991.
- 25 *De Soto H. The Mystery of Capital: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else*. N.Y.: Basic Books, 2000 [Сото Э. де. Загадка капитала: Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М.: Олимп-Бизнес, 2001].
- 26 *Stephens J.L. Incidents of Travel in Central America, Chiapas and Yucatan*.

- N.Y.: Dover Publications, 1969. Vol. II. P. 13.
- 27 Grondona M. A Cultural Typology of Economic Development // Culture Matters... P. 49.
- 28 Arab Human Development Report 2003 / United Nations Development Program. N.Y.: United Nations, 2003. P. 8.
- 29 Сегодня в Голландии и Швейцарии католиков, возможно, стало больше, чем протестантов, но система ценностей в обеих странах была сформирована протестантизмом. Как отмечает Рональд Инглхарт, имеет значение «историческая память... общества в целом».
- 30 Inglehart R. Op. cit. P. 4.
- 31 Ibid. P. 2.
- 32 Putting the Good in Good Government // Washington Post. 1998. November 1. P. 5. Доклад подготовили Рафаэль Ла Порта, Флоренцо Лопес де Силенес и Андрей Шлейфер из Гарварда и Роберт Вишни из Чикагского университета.
- 33 Fischer D.H. Albion's Seed: Four British Folkways in America. N.Y.: Oxford University Press, 1989. P. 24.
- 34 Banfield E. The Moral Basis of a Backward Society. N.Y.: The Free Press, 1958.
- 35 DaMatta R. A Casa e a Rua. Sao Paulo: Editora Brasiliense, 1985. P. 40.
- 36 Цит. по: Fukuyama F. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. N.Y.: The Free Press, 1995. P. 10 [Фукуяма Ф. Доверие: Социальные добродетели и путь к процветанию. М.: ACT; Ермак, 2004. С. 26].
- 37 Putnam R. Making Democracy Work. Princeton: Princeton University Press, 1993. P. 170 [Путнэм Р. Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996. С. 211].
- 38 Ortega y Gasset J. Invertebrate Spain. N.Y.: Norton, 1937. P. 152–153.
- 39 Etounga-Manguelle D. Does Africa Need a Cultural Adjustment Program? // Culture Matters... P. 71.
- 40 Weiming T. Multiple Modernities: A Preliminary Inquiry into the Implications of East Asian Modernity // Culture Matters... P. 264 [247].
- 41 Diverging Paths. Washington, D.C.: The Inter-American Development Bank, 1991.
- 42 Из электронного письма Р. Хефнера автору, 28 апреля 2004 года.
- 43 Stepan A. Arguing Comparative Politics. N.Y.: Oxford University Press, 2001. P. 217.
- 44 Esmer Y. Turkey Torn Between Two Civilizations. P. 13. Статья подготовлена для конференции «Культура имеет значение», март 2004 года.
- 45 World Development Indicators 2003 / World Bank. Table 2.14.
- 46 Camarota S.A. Birth Rates Among Immigrants in America (www.cis.org/articles/back1105.html).

3 МОДЕЛИ И ИНСТРУМЕНТЫ ПЕРЕДАЧИ И ИЗМЕНЕНИЯ КУЛЬТУРЫ

- 1 Термин «черные дыры культуры» обсуждается в работе: Lewis R. The Cultural Imperative. Yarmouth, Maine: Intercultural Press Inc., 2003. P. 115–128.
- 2 Nelsen H. A Cultural Change Model. P. 5. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 3 Ibid.
- 4 Culture Matters... P. 211.
- 5 Ibid. P. 212.
- 6 Ibid. P. 214.
- 7 Ibid. P. 217.
- 8 Herrera Amighetti L.D. Parenting Practices in Latin America and Governance: The Case of Costa Rica. P. 4. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 9 Ibid. P. 5.
- 10 Ibid. P. 6.
- 11 Ibid. P. 7.
- 12 Ibid. P. 8.
- 13 Ibid. P. 8–9.
- 14 Baumrind D. Current Patterns of Parental Authority // Developmental Psychology Monograph. 1971. Vol. 4. № 1. Pt. 2.

- 15 *Herrera Amighetti L.D.* Op. cit. P. 9.
- 16 Ibid. P. 9–10.
- 17 Ibid. P. 11.
- 18 Ibid. P. 11–12.
- 19 *Arab Human Development Report 2003 / UNDP. United Nations*, 2003. P. 3.
- 20 Ibid. P. 20.
- 21 *Montanero C.A. Libertad — La Clave de la Prosperidad*. Madrid: Fundacion Liberal Jose Marti, 1994. P. 140.
- 22 *Lickona T. Character Education — Restoring Virtue to the Mission of the Schools*. P. 1, 2. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 23 Ibid. P. 7.
- 24 *Lickona T. Educating for Character: How Our Schools Can Teach Respect and Responsibility*. N.Y.: Bantham Books, 1991. P. 395. Цит. по: *Herrera Amighetti L.D.* Op. cit. P. 12.
- 25 *Niemi R., Finkel S. Civic Education and the Development of Civic Knowledge and Attitudes*. P. 23–25. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 26 *Reimers F., Villegas-Reimers E. Schooling Open Societies in Latin America*. P. 1, 2. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 27 *Reimers F. The Social Context of Educational Evaluation in Latin America // International Handbook of Educational Evaluation / Ed. by T. Kellaghan, D. Stufflebeam*. Boston: Kluwer Academic Press, 2003. P. 450–451.
- 28 *Reimers F., Villegas-Reimers E.* Op. cit. P. 76.
- 29 *Grondona M., Montaner C.A. Journalism and Values*. P. 2. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 30 Ibid. P. 3.
- 31 Ibid. P. 6.
- 32 Ibid. P. 4–5.
- 33 Ibid. P. 13.
- 34 Ibid. P. 14.
- 35 Статья Дж. Бергера опубликована в *The Guardian* (2005. August 24).
- 36 *Schonfeld R. The Entertainment Invasion*. P. 1. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 37 Ibid. P. 2–3.
- 38 *Friedman T. 52–48 // New York Times*. 2003. September 3. P. A19.
- 39 *Schonfeld R. Entertainment Invasion*. P. 7.
- 40 Ibid. P. 6.
- 41 Ibid. P. 7.
- 42 Ibid. P. 9.
- 43 Ibid. P. 10–11.
- 44 Ibid. P. 22.
- 45 Ibid. P. 23.
- 46 *Lamm R. Public Policy and Culture*. P. 7. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 47 Ibid. P. 10.
- 48 Ibid.
- 49 *Moscoso T. The Wilton Economic Development // The Alliance for Progress: A Retrospective / Ed. by L.R. Scheman*. N.Y.: Praeger, 1988. P. 83; *Lamm R. Op. cit.* P. 12–13.
- 50 *Lamm R. Op. cit.* P. 13.

4 РЕЛИГИИ И ПРОГРЕСС

- 1 Данные о доходе на душу населения по паритету покупательной способности и о распределении дохода на Тайване взяты из других источников, так как Всемирный банк больше не публикует этих данных. Соответствующие данные по Гонконгу взяты из *UN Human Development Report 2001*.
- 2 *Inglehart R. Culture and Democracy // Culture Matters... P. 91 [121]*.
- 3 В Индексе человеческого развития ООН за 2001 год протестантские страны первого мира расположены в следующем порядке: Норвегия, Австралия, Канада, Швеция, США, Голландия, Финляндия, Швейцария, Великобритания, Дания, Германия и Новая Зеландия. Для аналогичных католических стран порядок таков: Франция, Австрия, Ирландия, Италия, Испания и Португалия.
- 4 *France Protestants: Prim but Punchy // The Economist*. 1998. April 18. P. 48.

- 5 *Morin R.* Putting the Good in Good Government // *The Washington Post*. 1998. November 1. P. 5.
- 6 Опубликовано на сайте World Economic Forum 13 октября 2004 года.
- 7 *Phelan T., Cole S.* Why Are There Top Dogs in Global Science // *Times Higher Education Supplement*. 1999. June 18.
- 8 Данные Центра глобального развития и *Foreign Policy Magazine* (на веб-сайте последнего, октябрь 2004 года).
- 9 *Doyle R.* Civic Culture // *Scientific American*. 2004. June. P. 34.
- 10 Данные об уровне рождаемости в таблице 4.1 взяты из доклада ООН «Human Development Report 2002»; в «Human Development Report 2003» содержатся оценки на период с 2000 по 2005 год.
- 11 См., например: *Kunio Y.* *Asia Per Capita*. Singapore: Curzon Press, 2000. P. 127 ff.
- 12 *Martin D.* Evangelical Expansion and “Progressive Values” in the Developing World. P. 2–3. Эссе, написанное для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 13 *Ibid.* P. 11.
- 14 *Ibid.* P. 25–27.
- 15 *Huntington S.* Who Are We? The Challenges to America’s National Identity. N.Y.: Simon and Schuster, 2004. P. 59 [Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: ACT; Транзит книга, 2004. С. 104].
- 16 *Ibid.* P. 75.
- 17 *Murdal G.* An American Dilemma. N.Y.: Harper, 1944. Vol. 1. P. 495.
- 18 *Huntington S.* Op. cit. P. 71 [Хантингтон С. Указ. соч. С. 122].
- 19 *Ibid.* P. 68–69 [Там же. С. 118–119].
- 20 *Ibid.* P. 79 [Там же. С. 132].
- 21 *Rothstein E.* Jews in the New Wilderness // *New York Times*. 2004. September 24. P. 29.
- 22 *Weber M.* Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism. N.Y.: Harper Collins Academic, 1992. P. 188–189
- [Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 69].
- 23 Это заставляет вспомнить о кальвинистском учении о «призвании»: все люди посланы на землю, чтобы своей деятельностью прославлять Бога.
- 24 *Lederman J.* The Development of the Jews (в разных местах). Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 25 *Tocqueville A. de.* Democracy in America. London: David Campbell Publishers / Everyman’s Library, 1994. P. 300–301 [Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: Весь мир, 2000. С. 221].
- 26 Contradictions // *The Economist*. 2003. April 12. P. 48.
- 27 *Simmons M.* Spain is Seeking to Integrate Growing Muslim Population // *New York Times*. 2004. October 24.
- 28 UN Human Development Report 2003. Table 13.
- 29 *Chkonia I.* Timeless Integrity Versus Final Modernity: Identity Master Myth and Social Change in Georgia. P. 5. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 30 *Gvosdev N.* Re-Imagining the Orthodox tradition: Nurturing Democratic Values in Orthodox Christian Civilization. P. 10–11. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 31 *Prevelakis G.* Greece, Orthodoxy, Culture, and the Economy. P. 2. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 32 *Weller R.* Market Development, Political Change, and Chinese Cultures. P. 20, 22–23. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 33 *Whelan C.* Buddhism and Development in Asia. P. 1. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 34 *Ibid.* P. 2.
- 35 *Ibid.* P. 9.
- 36 *Ibid.*

- 37 *Bull H. The Revolt Against the West // The Explanation of International Society / Ed. by H. Bull, A. Watson. Oxford: Clarendon Press, 1984. P. 223.*
- 38 *Tibi B. Cultural Change in Islamic Civilization Requires Value Changes, Not Semi-Modernity. P. 19–20.*
Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 39 Из электронного письма Р. Хефнера автору, 28 апреля 2004 года.
- 40 *Hefner R. Culture and Progress in the Muslim World. P. 24–25.* Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 41 Из личной электронной переписки автора с Адилем Наджамом, Школа Флетчера, 11 ноября 2004 года.
- 42 *Lewis B. The West and the Middle East // Foreign Affairs. 1997. January–February. P. 121.*
- 43 Из электронного письма автору, 19 ноября 2004 года.
- 44 *Mehta P.B. Hinduism and Modernity. P. 1.* Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 45 Ibid. P. 5–6.
- 46 Ibid. P. 16.
- 47 *World Development Indicators. Washington, D.C.: World Bank, 2003. P. 89. Table 2.14.*
- 48 *Mehta P.B. Op. cit. P. 17–18.*
- 49 Ibid. P. 18.
- 50 *Stepan A. Arguing Comparative Politics. N.Y.: Oxford University Press, 2001. Ch. 11; версия этой главы была опубликована ранее: Journal of Democracy. 2000. Vol. 11. № 4. P. 37–57.*
- 51 Ibid. P. 213.
- 52 Ibid. P. 226–227.
- 53 *Lewis B. Freedom and Justice in the Modern Middle East // Foreign Affairs. 2005. May–June. P. 37* [Льюис Б. Свобода и справедливость на сегодняшнем Ближнем Востоке // Россия в глобальной политике. 2005. Май–июнь]. Это замечание Льюиса заставляет вспомнить о сходном высказывании Токвили о католицизме.
5. КУЛЬТУРА В ДЕЙСТВИИ I
- 1 *Meredith M. The Fate of Africa. N.Y.: Public Affairs, 2005.* Цит. по: *Maslin J. // New York Times. 2005. August 8. P. B6.*
- 2 *Maslin J. Africa and Its Rapacious Leaders // New York Times. 2005. August 8. P. B6.*
- 3 *Lewis S. Explaining Botswana Success. P. 6.* Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 4 Ibid. P. 9.
- 5 *Bernstein A. Culture and Development: Questions from South Africa. P. 1.* Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 6 Ibid. P. 3.
- 7 Ibid. P. 8.
- 8 Ibid. P. 21.
- 9 *Renne E. The Culture of Development in a Southwestern Nigerian Town. P. 1.* Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 10 *Harrison L. Who Prospers? N.Y.: Basic Books, 1992. P. 79–80.*
- 11 *Renne E. Op. cit. P. 29.*
- 12 *Tu Weiming. A Preliminary Inquiry into China's Cultural Renaissance. P. 15.* Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 13 Ibid. P. 13.
- 14 Ibid. P. 17.
- 15 Ibid. P. 34.
- 16 *Kunio Y. Japanese Culture and Postwar Economic Growth. P. 2.* Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 17 Ibid. P. 16–18.
- 18 *Chua Beng-Huat. Culture Matters: Values and Development in Singapore. P. 9.* Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 19 Ibid. P. 22.
- 20 Ibid. P. 27.
- 21 *Weller R. Market Development, Political Change, and Taiwanese Culture. P. 1.* Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 22 Ibid. P. 2.
- 23 Ibid. P. 3.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 24 Ibid. P. 26.
- 25 *Maddison A. Monitoring the World Economy, 1820–1992*. Paris: OECD, 1995. P. 30.
- 26 *Das G. India: How a Rich Nation Became Poor and Will Be Rich Again*. P. 3. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 27 Ibid. P. 6.
- 28 Ibid. P. 9.
- 29 Ibid. P. 14.
- 30 *Lal D. Unintended Consequences: The Impact of Factor Endowments, Culture and Politics on Long-Run Economic Performance*. New Dehli: Oxford University Press, 1999. P. 8 [Лал Д. Непреднамеренные последствия: Влияния обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты. М.: ИРИСЭН, 2007. С. 24].
- 31 *Das G. Op. cit. P. 12*.
- 32 *Tibi B. Egypt as a Model of Development for the World of Islam?* P. 3. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 33 Ibid. P. 4.
- 34 Ibid. P. 14.
- 35 Ibid. P. 44.
- 36 *Hefner R. Cultural Matters and Developmental Dilemmas in Indonesia*. P. 21–22. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 37 Human Development Report 2004 / UNDP. N.Y.: Oxford University Press. Tables 11, 26.
- 38 *Aijazuddin F.S. Two Halves Did Not Make a Whole: Pakistan Before and After Bangladesh*. P. 1. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 39 Данные о грамотности и рождаемости взяты из таблиц: *Human Development Report 2003* / UNDP. N.Y.: Oxford University Press, 2003.
- 40 *Human Development in South Asia 2003: The Employment Challenge* / UNDP. Karachi: Oxford University Press, 2004. Опубликовано по заказу Mahbub ul Haq Human Development Centre, Islamabad.
- 41 Несмотря на явный успех программы микрокредитования, ее критикуют за то, что она не создает устойчивых возможностей занятости и не ведет к накоплению капитала.
- 42 *Aijazuddin F.S. Op. cit. P. 20*.
- 43 *Esmer Y. Turkey: Torn Between Two Civilizations*. P. 1–14. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».

6. КУЛЬТУРА В ДЕЙСТВИИ. II

- 1 *Barbosa M.L.V. The Importance of Culture: The Brazilian Case*. P. 14–15. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 2 Ibid. P. 17–18.
- 3 *Hojman D. Economic Development and the Evolution of National Culture: the Case of Chile*. P. 2. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 4 *Bauer A.J. Chilean Rural Society*. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. P. 16, 24.
- 5 См.: *Harrison L. Underdevelopment is a State of Mind*. Cambridge: Harvard Center for International Affairs, 1985. P. 48–49. Консуэло Круз в своей книге «Политическая культура и институциональное развитие» (Cruz C. Political Culture and Institutional Development. New York: Cambridge University Press, 2005) приписывает исключительность Коста-Рики успеху ее испанских завоевателей, сумевших выковать «целостную коллективную идентичность» (с. 40), чего покорители Никарагуа сделать не смогли. «Костариканцы решили защищать свой „чистый“ народ от загрязнения внешними элементами, т.е. другими латиноамериканцами, — а этой цели можно было достичь лишь при условии, что Коста-Рика, традиционно бедная и слабая в военном отношении страна, станет сильной в социальном и экономическом плане» (с. 41). Любопытно, что летом

- 2005 года в телефонном разговоре со мной Круз подчеркнул уникальный для Латинской Америки успех Коста-Рики в освоении англосаксонской концепции «компромисса», которая, так же как и в Чили, стала здесь элементом политического и личного поведения.
- 6 Chile // Cambridge Encyclopedia of Latin America / Ed. by S. Collier, T. Skidmore, H. Blakemore. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1992. P. 263.
- 7 Encina F. Nuestra Inferioridad Económica. Santiago: Editorial Universitaria, 1978. P. 107–109. По сообщению автора, в 1905 году на юге Аргентины проживали 32 000 чилийцев и детей чилийских родителей.
- 8 Depon F. Viaje a la Parte Oriental de la Tierra Firme en la América Meridional. Caracas: Banco Central de Venezuela, 1960. P. 85.
- 9 Ibid. P. 105. Обратите внимание на слово «обычай», которое и Токвиль использует для обозначения «культуры».
- 10 Hojman D. Op. cit. P. 16–17.
- 11 Basáñez M. The Camel and the Needle. P. 1–2. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 12 См.: Inglehart R., Basáñez M., Neville N. Convergencia en Norteamérica. Mexico City: Siglo Veintiuno, 1994.
- 13 Basáñez M. Op. cit. P. 16.
- 14 Edmonston B., Passel J.S. Ethnic Demography: U.S. Immigration and Ethnic Variations // Immigration and Ethnicity: The Integration of America's Newest Arrivals / Ed. by B. Edmonston, J.S. Passel. Washington, D.C.: Urban Institute Press, 1994. P. 8.
- 15 Kovacs J.M. Which Past Matters? Culture and Economic Development in Eastern Europe after 1989. P. 21–22. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 16 Ibid.
- 17 Chkonia I. Timeless Identity Versus Another Final Modernity: Identity
- 18 Master Myth and Social Change in Georgia. P. 17–18. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 19 Petro N. A Tale of Two Regions: Novgorod and Pskov as Models of Symbolic Development. P. 10. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 20 Getting back together is so hard // The Economist. 2004. September 18. P. 58.
- 21 См.: Gustafson T. Capitalism Russian-Style. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- 22 Brown A. Cultural Change and Continuity in the Transition from Communism: The Russian Case. P. 17–21. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 23 McWhorter J. Scene from a Fast-Food Restaurant: Signs of the Times in Black America and the Path Beyond. P. 2. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение». Ibid. P. 4–6.
- 24 Ibid. P. 21.
- 25 Marini M. The Long and Winding Road: The Italian Path to Modernization. P. 3. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение». Ibid. P. 7.
- 26 Ibid. P. 21–23.
- 27 Данные взяты из: Latouche D. Culture and the Pursuit of Success: The Case of Quebec in the Twentieth Century. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 28 См.: Tocqueville A. de. Democracy in America. N.Y.: Harper & Row, 1969. P. 284, 306, 409.
- 29 Latouche D. Op. cit. P. 12–13.
- 30 Montaner C.A. The Spanish Transition (1975–1982): Did Prevailing Values Bring Forth Change or Did Change Bring Forth New Values in Spanish Society? P. 9. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 31 Ibid. P. 12.
- 32 Montaner C.A. The Spanish Transition (1975–1982): Did Prevailing Values Bring Forth Change or Did Change Bring Forth New Values in Spanish Society? P. 9. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 33 Ibid. P. 21–22.

- 34 В статье «Civic Culture» (Scientific American. 2004. June. P. 34) Роджер Дойл пишет: «Политологи Том У. Райс из Университета Айовы и Ян Л. Фельдман из Вермонтского университета измерили степень гражданственности у групп американцев разного этнического происхождения. Они обнаружили, что потомки скандинавских и британских иммигрантов обладают самым высоким уровнем гражданственности».
- 35 Blanck D., Pettersson T. Strong Governance and Civic Participation. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 36 Цит. по: Ibid. P. 9.
- 7 МОДЕЛИ КУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ
- 1 Sen A. Development as Freedom. New York: Anchor Books, 2000. P. 31–32 [Сен А. Развитие как свобода. М.: Новое издательство, 2004. С. 49].
- 2 Lewis B. What Went Wrong? N.Y.: HarperCollins Perennial, 2002. P. 6.
- 3 Lewis S. Explaining Botswana's Successes. P. 14–15. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 4 Petro N. A Tale of Two Regions: Novgorod and Pskov as Models of Symbolic Development. P. 10. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 5 Latouche D. Culture and the Pursuit of Success: The Case of Quebec in Twentieth Century. P. 8. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 6 Chkonia I. Timeless Identity versus Another Final Modernity: Identity Master Myth and Social Change in Georgia. P. 17. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 7 Цит. по статье Т. Макгани в изд.: Argentina: The Divided Land. Princeton: Van Norstrand Company, 1966. P. 30.
- 8 Edgerton R. Sick Societies. New York: Free Press, 1992.
- 9 Sen A. Op. cit. P. 143 [Сен А. Указ. соч. С. 166].
- 10 Hiroko H., Mieko M. Japanese Childhood Since 1600. Английская машинописная версия главы из книги: Zur Socialgeschichte der Kindheit / Ed. by J. Martin, A. Nitzchke. Freiburg: Verlag Karl Albert, 1985. P. 176.
- 11 Цит. по: Rohter L. Learn English, Says Chile, Thinking Upwardly Global // New York Times. 2004. December 29. Ibid.
- 12 Hojman D. Economic Development and the Evolution of National Culture. P. 6. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 13 World Development Report 1980 / World Bank. Washington, D.C.: The World Bank, 1980. Table 23.
- 14 Spring D. The Celtic Tiger: How Did It Happen? P. 5. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 15 Blanck D., Pettersson T. Strong Governance and Civic Participation: Some Notes on the Cultural Dimension of the Swedish Model. P. 8. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 16 Herman A. How the Scots Invented Modern World. N.Y.: Three Rivers Press, 2001. P. 23, 25.
- 17 Из электронного письма Дж. Фокса автору, 31 марта 2005 года.
- 18 Spring D. Op. cit. P. 2.
- 19 May S., Plaza G. The United Fruit Company in Latin America. Washington, D.C.: National Planning Association, 1958.
- 20 Ibid. P. 229.
- 21 Ibid. P. 232.
- 22 Montaner C.A. The Spanish Transition. P. 19. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 23 Shua Beng-Huat. Culture Matters: Values and Development in Singapore. P. 21–22. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».

- 25 Housing in Mexico: An Overlooked Revolution // *The Economist*. 2004. August 26. P.32.
- 26 См. рецензию Роберта Самуэльсона на книги «Загадка капитала» и «Культура имеет значение»: *Foreign Affairs*. 2001. January–February. P. 211.
- 27 Ibid. P. 205–211; *Novak M. The Poverty of Nations* // *The Weekly Standard*. 2001. January 15. P. 36–37.
- 28 *Harrison L. Some Hidden Costs of the Public Investment Fixation* // *International Development Review*. 1970. № 2. P. 20–23.
- 29 *Blanck D., Pettersson T. Strong Governance and Civic Participation: Some Notes on the Cultural Dimension of the Swedish Model*. P. 5. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 30 Ibid. P. 16.
- 31 Электронное письмо Стива Льюиса автору, 5 января 2005 года.
- 32 См: *Putting Presidents on Trial Can Hurt Your Reputation* // *New York Times*. 2004. November 3. A4.
- 33 Электронное письмо от Дэвида Ходжмана автору, 11 января 2005 года.
- 8 УСПЕХ И НЕУДАЧА
- 1 Цит. по: *Romero M.R. Discurso y práctica de una experiencia de cambio cultural, desde el mundo empresarial peruano: El Decálogo del Desarrollo y el Instituto de Desarrollo Humano INDEHU*. P. 5 (5 ноября 2004 года; оценка произведена по заказу проекта «Культура имеет значение»).
- 2 Ibid.
- 3 Ibid. P. 15.
- 4 *Godson R. Guide to Developing a Culture of Lawfulness*. December 14, 2000. Washington, D.C.: National Strategy Information Center, 2000. P. 1.
- 5 Ibid. P. 4.
- 6 Ibid.
- 7 Ibid. P. 8.
- 8 Ibid. P. 10.
- 9 *Culture of Lawfulness Update*. June 2002 / NSIC. Washington, D.C.:
- 10 Seligson M. Can Social Capital Be Constructed? Decentralization and Social Capital Formation in Latin America. P. 10. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 11 Ibid. P. 32.
- 12 *Díaz-Plaja F. El Espanol y los Siete Pecados Capitales*. 1966; 2-е изд.: Madrid: Alianza Editorial, 1985. P. 76.
- 13 *Ortega y Gasset J. Invertebrate Spain*. New York: Norton, 1937. P. 47–50.
- 14 *McLean B. Spaniards Dare to Question the Way the Day is Ordered* // *New York Times*. 2005. January 12. A4.
- 15 *Ecuadorian Time: The Price of Lateness* // *The Economist*. 2003. November 22. P. 38.
- 16 *Suworecki J. The Financial Page: Punctuality Pays* // *The New Yorker*. 2004. April 5. P. 31.
- 17 Ibid.
- 18 Ibid.
- 19 Из электронного письма Освальдо Хуртадо автору, 26 октября 2004 года.
- 20 *U.S. Democracy Programs in Six Latin American Countries Have Yielded Modest Results* / GAO. P. 3 (передано в Конгресс 18 марта 2003 года).
- 21 Ibid.
- 22 *Forero J. Latin America Graft and Poverty Trying Patience with Democracy* // *New York Times*. 2004. June 24. P. 1.
- 23 Из отчета, написанного для проекта «Культура имеет значение», 30 ноября 2004 года.
- 24 Ibid.
- 25 Ibid. P. 2.
- 26 Ibid.
- 27 Ibid. P. 4.
- 28 Ibid. P. 5.
- 29 *Doing Well and Doing Good* // *The Economist*. 2004. July 31. P. 57.
- 30 Ibid.
- 31 David Rockefeller Center for Latin American Studies and Hauser Center for Nonprofit Organizations. *Strengthening Philanthropy in Latin America. Executive Summary*. Cambridge: Harvard University, 1999. P. 4.

- 32 Ibid. P. 11, 12.
- 33 Ibid.
- 34 Стив Льюис убежден, что разрушительная приверженность идеям фабианского социализма в странах Африки и Южной Азии, сходная с аналогичными идеологическими течениями в Латинской Америке, — это результат того, что многие их лидеры «получили социалистическую закалку в Лондонской школе экономики» (из электронного письма автору, 11 апреля 2005 года).
- 35 Из электронного письма автору, 2 февраля 2005 года.
- 36 Fox J. Donor Projects and Culture Change: The Case of Costa Rica. P. 2. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 37 Ibid. P. 2.
- 38 Ibid. P. 3.
- 39 Ibid. P. 5.
- 40 Ibid.
- 41 Ibid. P. 13–14.
9. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРОГРЕССИВНЫМ ИЗМЕНЕНИЯМ КУЛЬТУРЫ
- 1 Latouche D. Culture and the Pursuit of Success: The Case of Quebec in the Twentieth Century. P. 12–13. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 2 См.: Dugger C. To Help Poor Be Pupils, Not Earners, Brazil Pays Parents // New York Times. 2004. January 3. P. 1.
- 3 Kagan J. Culture, Values, and the Family. P. 9–15. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 4 Das G. India: How a Rich Nation Became Poor and Will Be Rich Again. P. 9. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 5 Цит. по: Rohter L. Learn English, Says Chile, Thinking Upwardly Global // New York Times. 2004. December 29. P. A4. В номере от 15 февраля 2005 года на первой странице было сообщено, что монгольское прави-
- тельство приступило к программе массового овладения английским.
- 6 Chkonia I. Timeless Integrity Versus Final Modernity: Identity Master Myth and Social Change in Georgia. P. 7–8. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 7 Brown A. Cultural Change and Continuity in the Transition from Communism: The Russian Case. P. 9. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 8 Gvosdev N. Re-Imagining the Orthodox tradition: Nurturing Democratic Values in Orthodox Christian Civilization. P. 12. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 9 Из электронного письма автору, 8 февраля 2005 года.
- 10 Garfield Jay L. Buddhism and Democracy. Part 1. http://www.buddhistinformation.com/buddhism_and_democracy.htm
- 11 Etounga-Manguelle D. Does Africa Need a Cultural Adjustment Program? // Culture Matters... P. 73.
- 12 У анимизма есть приверженцы и в Азии. См., например, статью Роберта Уэллера о Тайване.
- 13 Latouche D. Culture and the Pursuit of Success: The Case of Quebec in the Twentieth Century. P. 8. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 14 Schonfeld R. Entertainment Supremacy (Or The Entertainment Invasion): The Global Battle for Cultural Domination. P. 2. Эссе написано для исследовательского проекта «Культура имеет значение».
- 15 Ibid. P. 9.
- 16 David Rockefeller Center for Latin American Studies and Hauser Center for Nonprofit Organizations. Strengthening Philanthropy in Latin America. Executive Summary. Cambridge: Harvard University, 1999. P. 11.
- 17 Fillol T.R. Social Factors in Economic Development. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1961. P. 97.

Приложение Краткие биографические сведения об участниках проекта «Культура имеет значение»

Развивающиеся культуры: эссе об изменениях культуры

Джером Каган (Jerome Kagan)

сопредавтор, профессор психологии в Гарвардском университете, где занимается вопросами детского воспитания. Давно интересуется тем, как особенности культурыказываются на характере и личности детей. Его последняя книга, в соавторстве с Нэнси Шидман, — «The Long Shadow of Temperament».

Стивен Финкел (Steven Finkel)

профессор политологии Питтсбургского университета, а в 2005–2008 годах также и профессор количественных и качественных методов в Школе управления, Берлин, Германия. Проводит исследования в области политической активности, избирательного поведения, развития демократических установок и ценностей, а также методологии исследований.

Джеймс У. Фокс (James W. Fox)

бывший главный экономист Агентства США по международному развитию по Латинской Америке и бывший руководитель отдела в этом Агентстве, отвечающего за оценку экономического роста. Работал экономистом сенатского Комитета по международным отношениям, Министерства финансов США и Государственного департамента США.

Мариано Грondona (Mariano Grondona)

ведущий еженедельной телевизионной программы «Hora Clave» в Аргентине, посвященной общественным и государственным проблемам.

Профессор государственного управления в Национальном университете Буэнос-Айреса и обозреватель газеты La Nacion. Его последняя книга — «The Cultural Conditions of Economic Development».

Николас Гвоздев (Nikolás Gvosdev)

старший научный сотрудник в отделе стратегических исследований Центра Никсона и редактор журнала National Interest. Специалист по делам Евразии и Балкан, прежде всего в вопросах влияния исторического, культурного и религиозного наследия на политику и развитие региона. Его последняя книга — «Receding Shadow of the Prophet: The Rise and Fall of Radical Political Islam».

Роберт Хефнер (Robert Hefner)

профессор антропологии и исполняющий обязанности директора Института культуры, религии и мировой политики Бостонского университета. Автор многих книг об исламе, недавно завершил коллективный проект по перспективам демократизации ислама и завершает работу над книгой «Muslim Politics and the Quandary of Modernity».

Луис Диего Эррера

(Luis Diego Herrera Amighetti)

коста-риканский психиатр, занимающийся детьми и подростками. Возглавлял Клинику психологии и психиатрии в Национальном детском госпитале в Сан-Хосе, Коста-Рика, а также был главным врачом Клиники

детской и подростковой психиатрии в Уолтеме, Массачусетс, до ее закрытия в 1992 году. Президент частного коста-риканского фонда Paniamor, целью которого является защита прав детей и предотвращение насилия.

Сэмюэль Хантингтон (Samuel Huntington) профессор Гарвардского университета, где в течение одиннадцати лет был также директором Центра мировой политики и международных отношений (Center for International Affairs), а в течение восьми лет — еще и председателем Академии международных и региональных исследований. Его последняя книга — «Who We Are? The Challenges to America's National Identity». Соредактор (с Лоуренсом Харрисоном) книги «Культура имеет значение».

Шарон Линн Каган (Sharon Lynn Kagan) профессор детского воспитания и семейной политики в Педагогическом колледже Колумбийского университета, где является также исполняющим обязанности декана. Помощник профессора в Центре исследования детей Йельского университета. Была президентом Национальной ассоциации воспитания дошкольников. Ее последняя книга — «Children, Families, and Government: Preparing for the Twenty-First Century».

Ричард Ламм (Richard Lamm) соавтор Института изучения государственной политики Денверского университета. Был членом конгресса штата Колорадо, а с 1975 по 1987 год — губернатором штата Колорадо. Его последняя книга — «The Brave New World of Health Care».

Джеймс Ледерман (James Lederman) канадский журналист, живущий в Израиле. Автор книги «Battle Lines: The American Media and the Intifada».

Томас Ликона (Thomas Lickona) детский и подростковый психолог, профессор педагогики университета штата Нью-Йорк в Кортленде, где руководит работой Центра «For 4th and 5th Rs» (воспитание уважения и от-

ветственности). Член совета директоров Товарищества по воспитанию характера. Его последние работы: книга «Character Matters» и доклад (в соавторстве с Мэтью Дэвидсоном) «Smart & Good High Schools».

Эми Е. Лоуэнстейн (Amy E. Lowenstein) работает над докторской диссертацией по психологии дошкольников, имеет степень магистра в области государственной политики Джорджа Таунского университета. Исследовательские интересы лежат в области воспитания дошкольников и политики поддержки детей из малообеспеченных семей.

Дэвид Мартин (David Martin) английский социолог и теолог. Автор книг «Tongues of Fire: The Explosion of Protestantism in Latin America», «Protestantism: The World Their Parish» и «On Secularization».

Пратап Бхану Мехта (Pratap Bhanu Mehta) президент Центра политических исследований, Дели. Читал лекции в Гарвардском университете. Его последняя книга — «The Burden of Democracy».

Карлос Альберто Монтанер (Carlos Alberto Montaner)

самый популярный газетный публицист в испаноязычном мире. Соавтор книги (с Плинио Апурео Мендосой и Альваро Варгасом Льосой) «Guide to Perfect Latin American Idiot». Его последние книги: «Latin America and the West» и «La Libertad y Sus Enemigos».

Ричард Ниеми (Richard Niemi) профессор политологии Рочестерского университета, где является также временным деканом и руководителем кафедры. Занимается, среди всего прочего, воспитанием гражданственности и политической активности. Недавно в соавторстве с Jane Junn опубликовал книгу «Civic Education — What Makes Students Learn».

Майкл Новак (Michael Novak) профессор религиозной и государственной политики Американского

института предпринимательства в области исследований социальной политики. Автор 29 книг по философии и теологии культуры, в том числе «The Catholic Ethic and the Spirit of Capitalism» и «The Spirit of Democratic Capitalism».

Жорж Превелакис (George Prevelakis) профессор географии в Сорбонне. Автор ряда книг, в том числе «Athènes: Urbanisme, Culture et Politique»; «Geopolitique de la Grèce» и «Les Balkans, cultures et geopolitique». Был редактором The Networks of Diasporas.

Фернандо Реймерс (Fernando Reimers) профессор международного образования Гарвардской школы повышения квалификации работников образования, где руководит программой международной политики в области образования. Специализируется на исследовании роли образования в социальном и политическом развитии, а в настоящее время изучает вклад курсов воспитания гражданственности в процесс демократизации. Автор ряда книг и статей, консультирует правительственные ведомства, университетские и международные организации.

Риз Шонфельд (Reese Schonfeld) основатель, президент и генеральный директор Cable News Network, а также основатель Television Food Network. Автор книги «Me and Ted Against the World: The Unauthorized Story of the Founding of CNN».

Митчелл Селигсон (Mitchell Seligson) профессор политологии и научный сотрудник Центра изучения Америки Университета Вандербильта. Директор проекта изучения общественного мнения в странах Латинской Америки (LAPOP) и соредактор (с Джоном Бутом) книги «Elections and Democracy in Central America, Revisited».

Бассам Тиби (Bassam Tibi) профессор международных отношений Геттингенского университета, а также профессор Корнеллского университета. Читал курсы лекций

в Университете Билкент (Анкара), в Калифорнийском университете (Беркли), Гарвардском университете и Национальном университете Сингапура. Среди его последних книг: «The Challenge of Fundamentalism: Political Islam and the New World Disorder» и «Islam Between Culture and Politics» (обе недавно переизданы).

Элеонора Виллегас-Реймерс (Eleonora Villegas-Reimers)

адъюнкт-профессор развития людских ресурсов (human development) и декан исследований семьи и детей в колледже Уиллока. Специализируется на воспитании гражданственности и нравственности и на проблемах профессиональной подготовки учителей; консультант ряда международных организаций помощи в развитии по вопросам профессиональной подготовки учителей, воспитанию гражданственности и разработки учебных курсов.

Роберт Уэллер (Robert Weller)

профессор антропологии и научный сотрудник Института культуры, религии и мировой политики Бостонского университета. Изучает взаимосвязи между культурой, обществом и политическими изменениями в Китае и на Тайване. Среди его последних книг: «Civil Life, Globalization, and Political Change in Asia: Organizing Between Family and State» (редактор) и «Discovering Nature: Globalization and Environmental Culture in China and Taiwan».

Кристал Уилан (Christal Whelan)

научный сотрудник Института культуры, религии и мировой политики Бостонского университета. Специализируется на изучении религии, изменений культуры и визуальной антропологии Японии. Книга Уилан «The Beginning of Heaven and Earth» и созданный на ее основе фильм «Otaiya» посвящены истории христианства в Японии. В настоящее время занимается новыми религиозными движениями буддистского толка.

Развивающиеся культуры: исследование конкретных примеров

Питер Бергер (Peter Berger)

сопредавтор, профессор социологии и теологии Бостонского университета, где он также руководит Институтом исследования экономической культуры и Институтом религии и мировой политики. Среди его последних книг: «The Capitalist Revolution» и «Many Globalizations» (сопредавтор с Сэмюелем Хантингтоном).

Ф.С. Айджазуддин, кавалер ордена Британской империи (F.S. Ajazuddin, OBE, FCA)

пакистанский автор и журналист. Последние книги: «From a Head, Through a Head, to a Head: The Secret Channel between the U.S. and China Through Pakistan» и «White House & Pakistan: Secret Declassified Documents 1969–1974».

Мария Люсия Виктор Барбоса
(Maria Lucia Victor Barbosa)

социолог, публицист и писатель. Среди ее последних книг: «O Voto da pobreza e a Pobreza de Voto: A Etica de Malandragem» и «America Latina em Busca de Paraíso Perdido».

Мигель Басанез (Miguel Basáñez)

президент корпорации Global Quality Research и бывший вице-президент Mori International в период с 1993 по 2000 год. Основатель и издатель мексиканского ежемесячного журнала *Este País*, специализирующегося на опросах общественного мнения, и соавтор (с Рональдом Инглхартом) книги «Human Values and Beliefs».

Энн Бернштейн (Ann Bernstein)

основатель и генеральный директор Центра развития и предпринимательства в Йоханнесбурге, Южная Африка, который представляет собой независимую и влиятельную исследовательскую организацию, работающую над ключевыми национальными проблемами страны.

Даг Бланк (Dag Blanck)

читает курс лекций по истории в Центре многонациональных исследований в Уppsальском университете, директор Центра изучения шведской иммиграции в Августинском колледже в Рок-Айленде, Иллинойс. Его исследовательские интересы лежат в области международной миграции и межкультурных процессов, прежде всего в Швеции и Соединенных Штатах.

Арчи Браун (Archie Brown)

профессор политики Оксфордского университета, с 1971 года научный сотрудник колледжа Св. Антония, Оксфорд. Среди его последних книг «The Gorbachev Factor» и «Contemporary Russian Politics» (редактор).

Иракли Чхония (Irakli Chkonia)

в 1995–2000 годах советник спикера грузинского парламента. Выпускник Школы Флетчера.

Шу Бенг-Хуат (Chua Beng-Huat)

профессор социологии и руководитель группы исследования культуры в Институте азиатских исследований Национального университета Сингапура. Основатель и главный редактор журнала *Inter-Asia Cultural Studies*, редактор книги «Communitarian Politics in Asia».

Гурчаран Дас (Gurcharan Das)

обозреватель индийской газеты *Times* и бывший директор индийского отделения корпорации Procter and Gamble. Автор книги «India Unbound».

Йылмаз Эсмер (Yilmaz Esmer)

профессор факультета политики и международных отношений Университета Богазичи, Стамбул. Член исполнительного комитета Мировой службы ценностей (World Values Survey Association) и, с 1990 года, главный исследователь Турецкой службы ценностей.

Мариано Грondonа
(см. с. 270).

Роберт Хефнер
(см. с. 270).

Дэвид Ходжман (David Hojman)

вырос в Вальпараисо и Сантьяго, Чили, окончил Эдинбургский университет. Профессор экономики и международного бизнеса в Ливерпульской школе менеджмента. Исследования и публикации в области политэкономии, теории государственного выбора, рынков труда, бедности и неравенства, торговли, международного развития и международного бизнеса.

Янош Матиас Ковач (Janos Matyas Kovacs) профессор экономики и штатный сотрудник Венского института общественных наук. Среди его недавних публикаций по вопросам культуры «Rival Temptations — Passive Resistance: Cultural Globalization in Hungary», «Many Globalizations» и «Approaching the EU and Reaching the US? Transforming Welfare Regimes in East-Central Europe» (Rival Narratives. West European Politics. April 2002).

Даниэль Латуш (Daniel Latouche) профессор политологии Центра исследований города и культуры Национального института научных исследований при Квебекском университете. С 1970 по 1987 год преподавал в Университете Макгилл. В сферу его интересов входят Квебек, канадская политика, городские проблемы и вопросы экономического развития и государственного управления в Африке.

Стивен Льюис (Stephen Lewis) почетный президент и профессор колледжа Карлтон, Миннесота. С 1963 года экономист/консультант в ряде стран Африки и Азии, а с 1975-го является экономическим советником правительства Ботсваны.

Маттео Марини (Matteo Marini) профессор теории экономического развития в Калабрийском университете, Италия. Главный исследователь

проекта по изучению местных культур и экономического роста в трех регионах Италии, автор статьи «Cultural Evolution and Economic Growth» (The Journal of Socio-Economics).

Джон Макуортер (John McWhorter) старший научный сотрудник Манхэттенского института, был адъюнкт-профессором лингвистики в Калифорнийском университете в Беркли. Автор книг: «Losing the Race: Self-Sabotage in Black America», «Authentically Black», «The power of Babe» и «Doing Our Own Thing». Пишет для разных, периодических изданий, регулярно выступает на National Public Radio.

Карлос Альберто Монтанер
(см. с. 271).

Адиль Наджам (Adil Najam)

пакистанец, адъюнкт-профессор дипломатии и международных переговоров в Школе Флетчера. Среди его последних книг: «Civic Entrepreneurship» и «Environment, Development and Human Security: Perspectives from South Asia».

Николай Петро (Nicolai Petro)

профессор политологии Род-Айлендского университета. В 1989–1990 годах был политическим советником управления Советского Союза Государственного департамента США и политическим атташе в посольстве США в Москве. Автор книг «Rebirth of Russian Democracy — An Interpretation of Political Culture» и «Crafting Democracy: How Novgorod Has Coped with Rapid Social Change».

Торлейф Петтерсон (Thorleif Petterson) профессор социологии религии Упсальского университета. До этого работал исследователем в Стокгольмском институте исследования будущего, Шведском совете гуманитарных и социальных исследований и Стокгольмском институте социологии религии. Был научным сотрудником в Шведской коллегии общественных наук, а также многие годы участвовал в деятельности Мировой службы ценностей.

Элиша Ренне (Elisha Renne)

адъюнкт-профессор факультета антропологии и Центра афроамериканских и африканских исследований Мичиганского университета. Предметом ее исследований являются проблемы Нигерии: плодовитость и воспроизводство населения, отношения между полами, антропология развития, религия и социальные изменения. Ее последняя книга — «Population and Progress in Yoruba Town».

Дик Спринг (Dick Spring)

был лидером Лейбористской партии, в течение двадцати одного года — член ирландского парламента. В течение десяти лет был заместителем премьер-министра и министром кабинета. Является председателем совета директоров и директором ряда компаний, возглавляет ирландский фонд борьбы со СПИДом, Irish Global HIV/AIDS Foundation.

Бассам Тиби

(см. с. 272).

Ту Вэймин (Tu Weiming)

профессор китайской истории и философии и конфуцианских исследо-

ваний в Гарвардском университете, где он является также директором Yenchin Institution. Предмет его исследований в настоящее время — современное преображение конфуцианской традиции. Автор нескольких книг на английском языке.

В 2002 году в Китае был напечатан пятитомник его работ.

Луис Угалде (Luis Ugalde)

ректор Католического университета Andrews Bello в Каракасе и президент Ассоциации иезуитских университетов Латинской Америки.

Роберт Уэллер

(см. с. 272).

Йошихара Кунио (Yoshihara Kunio)

профессор экономического развития Азии на факультете охраны окружающей среды в Университете Китакюю, Япония, и почетный профессор Киотского университета. Занимался экономикой Юго-Восточной Азии и влиянием культуры на экономическое развитие этого региона. Его последняя книга — «Asia Per Capita: Why National Incomes Differ in East Asia».

Консультативный совет и другие участники

Моррис Альтман (Morris Altman)

профессор экономики и глава факультета экономики Саскачеванского университета. Редактор журнала Journal of Socio-Economics, последняя книга — «Worker Satisfaction and Economic Performance».

Стивен Босуорт (Stephen Bosworth)

декан Школы Флетчера в Университете Тафтса. В прошлом карьерный дипломат, был послом США в Южной Корее, на Филиппинах и в Тунисе, а также директором управления планирования политики в Государственном департаменте. В 1988–1996 годах был президентом и гендиректором Американо-Японского фонда, а в 1995–1997-м — генеральным директором Организации

развития энергетики на Корейском полуострове.

Гарольд Кабаллерос (Harold Caballeros)

юрист и теолог, основатель церкви Эль-Шаддай в Гватемале, евангелической церкви с 30 000 последователями и отделениями в нескольких испаноязычных странах. В 2001 году организовал конференцию о роли культуры и изменений культуры в Гватемале, был сотрудником Центра международной политики Уэзерхед в Гарвардском университете.

Хушан Чехаби (Houchang Chehabi)

профессор истории и международных отношений в Бостонском университете. Автор «Iranian Politics and Religious Modernism» и соредактор книг «Politics, Society, and Democracy» и «Sultanistic Regimes».

Кент Р. Хилл (Kent R. Hill)

помощник управляющего Global Health Агентства США по международному развитию. В 1992–2001 годах был президентом колледжа «Восточный Назарет» в Квинси, Массачусетс, а в 1986–1992-м — президентом Института религии и демократии в Вашингтоне.

Роберт Ходам (Robert Hodam)

генеральный директор Международного центра экономического роста — сети, которая объединяет 419 организаций (из 104 стран), занимающихся экономической политикой. Основал шесть компаний частного сектора в трех странах и имеет двадцатипятилетний опыт консультирования многосторонних и двусторонних международных организаций помощи развитию.

Рональд Инглхарт (Ronald Inglehart)

профессор политологии и директор программы в Институте социальных исследований Мичиганского университета. Помогал созданию Службы евробарометра (Euro-Barometer Survey) и является председателем руководящего комитета Службы мировых ценностей. Недавно опубликовал (в соавторстве с Пиппой Норрисом) «Rising Tide: The Gender Equality and Culture Change Around the World», «Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide» и (в соавторстве с Кристианом Велцелем) «Modernization, Cultural Change and Democracy». Автор статьи в сборнике «Культура имеет значение».

Тамар Джекоби (Tamar Jacoby)

старший научный сотрудник Массачусетского института. Писала для Newsweek и в течение шести лет была заместителем редактора публицистической страницы New York Times. Ее последние книги: «Someone Else's House: America's Unfinished Struggle for Integration» и «Reinventing the Melting Pot: The New Immigrants and What It Means to be American».

Тимур Куран (Timur Kurian)

профессор экономики и права и профессор исламской мысли и культуры Университета Южной Калифорнии. Писал об эволюции предпочтений, о функциях институтов, об экономическом влиянии ислама и об экономическом развитии Среднего Востока. Среди его последних книг: «Private Truths, Public Lies: The Social Consequences of Preference Falsification» и «Islam and Mammon: The Economic Predicament of Islamism».

Родерик Макфаркухар

(Roderick MacFarquhar)

профессор истории и политологии в Гарварде, где возглавлял кафедру государственного управления и, ранее, Центр восточноазиатских исследований. Его книга о культурной революции в Китае (в соавторстве с Майклом Шонхеллом) опубликована в 2006 году издательством Harvard University Press.

Харви Нельсон (Harvey Nelsen)

читает курс политической культуры в Университете Южной Флориды, где является профессором в программе международных исследований факультета государственного управления и международных дел. Только что закончил учебник по политической культуре.

Лусиен Пай (Lucien Pye)

профессор политологии Массачусетского технологического института. Был президентом Американской ассоциации политологии, является председателем Национального комитета американо-китайских отношений и советником Национального совета безопасности и Государственного департамента. Автор и редактор более чем 25 книг, в том числе «Asian Power and Politics».

Роберт Ротберг (Robert Rothberg)

директор программы внутригосударственных конфликтов и их разрешения Гарвардской школы госу-

дарственного управления им. Д.Ф. Кеннеди. Является также президентом World Peace Foundation (Фонда борьбы за мир во всем мире). Недавно под его редакцией вышла книга «When States Fail: Causes and Consequences».

Джон Санбрайло (John Sanbrailo) исполнительный директор Панамериканского фонда развития (PADF), неприбыльной организации при Организации американских государств. В течение трех десятилетий работал в Агентстве США по международному развитию, возглавлял миссии в Эквадоре, Перу, Гондурасе и Сальвадоре.

Указатель

- Абду М. 158
Айджазуддин Ф.С. 161,
 162
Алеман А. 208, 222
Али М. 158
Альянде С. 194
аль-Тахтави Р. 158
Альтман М. 29
Аристид Ж.Б. 40, 41, 221
Аусанка Дж. 7

Балагер Х. 40
Бандаранаике С. 132
Барбоса М.Л.В. 167, 168
Бартлетт Т. 7
Басанез М. 53, 172, 223, 225,
 243, 249
Баумринд Д. 84, 86
Бауэр А.Д. 170
Белли У. 212
Бергер Дж. 99
Бергер П. 34
Бернарди Дж. 7
Бернштейн А. 146
Битар С. 197, 241
Бланк Д. 68, 187, 188, 198,
 208
Бойе Ж.П. 39, 47
Боланос Э. 222
Босуорт С. 7
Браун А. 178, 244
Булл Х. 134
Буш Дж. 16, 69, 161, 236
Бэнфилд Э. 58, 65, 66, 147,
 182

Валера И. де 202
Вебер М. 15, 53, 55–58, 63,
 72, 111, 113, 122, 127,
 130, 138, 245
Виллегас-Реймерс Э. 92, 96,
 207, 239

Гарфилд Дж. 245
Гвичардини Ф. 182
Гвоздев Н. 127–129, 244
Гитлер А. 122
Годсон Р. 214–216
Горбачев М.С. 18, 178,
 191
Гринспен А. 28
Грондона М. 7, 10, 33, 50, 52,
 58, 61, 96–98, 166, 167,
 207, 208, 252
Гумбольдт А. фон 228
Гупта М.Ш. 138
Гутьеррес Л. 57, 218

Дада С.А. 147
Даймонд Дж. 16, 41, 49
Да Матта Р. 65
Дас Г. 155, 156, 240
Депонс Ф. 171
Дессалин Ж.Ж. 39
Диас-Плаха Ф. 218
Дойл Р. 114
Дрейк Ф. 38
Дэн Сяопин 58, 74, 149, 150,
 190, 343
Дювалье Ф. 41, 48

Екедал Н. 187

Земмюрэй С. 204, 205, 226,
 229
Инглхарт Р. 18, 52–54, 59, 63,
 109
Иоанн XIII, папа римский
 186
Истерли У. 26, 27

Йошихара Кунио 29, 151,
 153, 250

Каган Дж. 7, 34, 77, 238
Каган Ш.Л. 86, 239
Кампос Р. 168
Карнеги Э. 226
Каррильо С. 186
Кarter Дж. 161
Кемаль М. 18, 105, 190, 193,
 196
Кеннеди Дж. 9, 31, 194, 222
Кинг Л. 97
Кинг М.Л. 29, 74, 192
Ковач Я.М. 174
Колумб Х. 38
Коулман Дж. 65
Кохран Г. 32
Кронкайт У. 97
Курган Т. 29
Кутб С. 158
Ххама С. 145, 190, 193, 194,
 208, 209, 230, 253
Хоури Р. 101

Ладен У.вен 136
Лал Д. 156, 157
Ламм Р. 34, 103–105
Лампедуза Дж.Т.ди 182
Ландес Д. 15, 20, 196
Латуш Д. 184, 195, 235, 248
Ледерман Дж. 122
Лемасс Ш. 191, 202
Лесаж Ж. 184, 191
Ликона Т. 88, 89, 240
Ли Куан Ю 17, 105, 110, 152,
 153, 190, 194
Ли Хун Джи 102
Лозада Г.С. де 222
Лоуэнстейн Э. 86, 239
Льоса М.В. 10
Льюис А. 19, 46
Льюис Б. 20, 136, 140, 192
Льюис С. 7, 29, 145, 208
Люттер М. 79, 239

- Мавила О. 211–213
 Макиавелли Н. 182
 Макклелланд Д. 82
 Макуортер Дж. 179, 180
 Мандела Н. 192, 230
 Манн Т. 19
 Манн Х. 88
 Мао Цзедун 17, 74, 80, 149
 Марин Л.М. 104, 105
 Марини М. 52, 182, 183
 Мартин Дж. 118, 119, 168, 246
 Маршалл А. 30, 31, 201
 Масире К.К. 145, 193, 208,
 209, 230, 253
 Маслин Дж. 144
 Мбеки Т. 146
 Менем К.С. 166
 Мередит М. 144
 Меса К. 222
 Мехта П.Б. 137, 138, 245
 Могаэ Ф. 145
 Мойнихен Дж.П. 13, 28, 178,
 255
 Мокус А. 224
 Монтанер К.А. 10, 88,
 96–98, 185, 186, 205, 252
 Москозо Т. 9, 105
 Мубарак Х. 158, 161
 Мэддисон А. 43, 111
 Мэй С. 205
 Мэйдзи Тенно
 (Муцухито) 156
 Мюрдал Г. 121, 137, 138,
 156, 245
 Наджам А. 135, 162
 Насер Г.А. 158
 Нельсон Х. 73–75, 104, 251
 Неруда П. 204
 Ниemi Р.89
 Новак М. 53, 69, 71,
 124–126, 140, 206, 242,
 243
 Нокс Дж. 198
 Обандо-и-Брава М. 222
 Оджеда Л.Т. 170
 Орландо Л. 216
 Орtega-и-Гассет Х. 66, 67,
 133, 186, 218
 Павел VI, папа римский
 186
 Пай Л. 15, 20
 Паппалардо С. 216
 Паризи Ф. 7
 Пас О. 10
 Патнэм Р. 15, 28, 65, 66, 182
 Паттерсон О. 73, 75, 76
 Пена Р. де ла 212
 Пеналоса Э. 223, 224
 Петион А. 47
 Петро Н. 176, 177, 194, 195
 Петтерсон Т. 68, 187, 188,
 198, 208
 Пиночет А. 74, 169, 191, 194
 Плаза Г. 205
 Преваль Р. 221
 Превелакис Ж. 129, 228,
 229, 231, 244
 Прусак М. 191
 Рангель К. 10, 47
 Реймерс Ф. 92, 96, 207, 239
 Ренне Э. 70, 147, 148
 Родо Х.Э. 29
 Рокфеллер Н. 205
 Ромеро Р. 213, 214
 Рузвельт Ф. 18, 74, 75, 104,
 204
 Саакашвили М. 177
 Садат А. 158
 Сайагез А. 228
 Сакс Дж. 27, 28, 30–32, 42, 47
 Самуэльсон Р. 206
 Сармьенто Д.Ф. 195
 Сафран Н. 158
 Сафрански С. 7
 Селигсон М. 216, 217, 231
 Сен А. 192, 196
 Сильва Л. де 237
 Симмонс М. 126
 Скиалабба Дж. 7
 Сос Л. 27
 Сото Э. де 60, 206, 249
 Спринг Дж. 181, 198, 201
 Стайвесант П. 122
 Сталин И. 178
 Стентон Э.К. 74
 Степан А. 69, 139, 140
 Стивенс Дж.Л. 60
- Сукарно А. 159
 Суровецки Дж. 57, 219
 Сухарто М. 160
 Тиби Б. 53–55, 57, 62, 133,
 136, 157, 158, 242
 Токвиль А. де 15, 16, 54, 57,
 67, 72, 81, 125, 140,
 221
 Толедо А. 213, 222
 Трухильо Молино Р.Л. 47
 Ту Вэймин 67, 72, 149, 150
 Туссен-Лувертюр Ф.Д. 39,
 47
 Тэтчер М. 74
 Уайтхед А.Н. 65
 Угалде Л. 173, 174
 Уилан К. 131–133, 245
 Унамуно М. де 170
 Урибе А. 222
 Уэллер Р. 130, 154
 Уэсли Дж. 54, 188, 246
 Филлол Т.Р. 255
 Финкел С. 89
 Фишер Д.Х. 64, 187
 Фокс В. 173
 Фокс Дж. 7, 29, 199, 231–234
 Фоукус П. 145
 Фостер Дж. 55, 71
 Франклайн Б. 56, 87, 118
 Франко Ф. 74, 125, 169, 186,
 202
 Фридман Т. 50, 100
 Фуджимори А. 212, 213
 Фукуяма Ф. 15, 65, 66, 154,
 247
 Хансен М. 237
 Ханссон П.А. 188
 Хантингтон С. 10, 11, 15, 18,
 21, 27, 113, 120, 121,
 139, 140, 163, 251
 Харди Дж. 32
 Харпендин Г. 32
 Харрисон Дж. Л. 8
 Харрисон Д.А. 8
 Харрисон Р.А. 8
 Харрисон П.К. 8
 Херман А. 198

- Хефнер Р. 7, 22, 52, **69, 133**,
134, 136, 159, **242**
- Ходам Р.29
- Ходжес У.45, 46
- Ходжман Д.29, 169, 171,
197, 210
- Хофстед Г.22
- Хуан Карлос I, король **74**,
191
- Хуртадо О.219
- Чан Кайши 154, 190
- Чхония И.52, 127, 176, 195,
244
- Цзян Цзинго 154
- Шеварднадзе Э.176
- Шекспир У.29
- Шведер Р.24, 25
- Шипкорсет Б.100
- Шонфелд Р.99–103, 252, **253**
- Шу Бенг-Хуат 152–154
- Шумахер Э.132
- Шумпетер Й.59, 60
- Шэкоу А.7
- Энрике-и-Таранкон В.125,
186
- Энтони С.74
- Эрвин Л.7
- Эрдоган Р.Т.70, 165
- Эррера Л.Д.**81–85, 89, 228**,
238
- Эсмер Й.70, 163, 165
- Этунга-Мангутэль Д.25, 45,
48, 66, 67, 106, 143, 147,
247
- Юм Д.239
- Юнус М.162, 232